

ПОДРОБНЫЯ СВѢДѢНІЯ
ВОЛЖСКИХЪ
КАЛМЫКАХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

ПОДРОБНЫЯ СВѢДѢНІЯ

ВОЛЖСКИХЪ

КАМЫКАХЪ

собранныя на мѣсть

Н. НЕФЕДЬЕВЫМЪ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙД.

1834.

Slav 3265.25

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ALBENSBALD CARY COOLIDGE
22 AUG 1927

Печатать позволяется,

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи, пред-
спавлены были въ Ценсурный Комитетъ
три экземпляра. С. Пешербургъ, 20 Іюня
1834 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

24-102
39

Въ 1832-мъ и 1833-мъ годахъ по распоряженію Высшаго Начальства бывъ откомандированъ въ Калмыцкіе улусы, я имѣлъ случай во время исполненія возложеннаго на меня порученія познакомиться съ образомъ жизни, въ происшествіяхъ, нравами и потребностями Калмыковъ, — народа, съ давняго времени обитающаго въ предѣлахъ Россіи, но во многихъ отношеніяхъ столь мало еще извѣстнаго.

Къ мѣстнымъ наблюденіямъ и свѣдѣніямъ, собраннымъ въ козевьяхъ, прислалъ, въ бытность мою въ Астрахани присоединилъ я и свѣдѣнія историческія, по мѣрѣ способовъ, какіе для сего могли мнѣ представиться.

Полагая, что составленныя мною такимъ образомъ записки не могутъ быть излишними для отечественной Этнографіи,

*я рѣшился издать ихъ въ свѣтъ, и ласкаю
себя надеждою, что строгіе критики бу-
дутъ снисходительно судить трудъ мой—
которому посвящены не многіе минуты,
остававшіяся свободными отъ многотруд-
ныхъ служебныхъ занятій.*

Н. Нефедьевъ.

9 Мая 1854-го
С. Петербурга.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА		Стр
I.	Свідѣнія географическія	1.
— —	II. Свідѣнія историческія	11.
— —	III. Число народа, и раздѣленіе онаго на улусы и сословія	89.
— —	IV. Образъ жизни.	109.
— —	V. Физическія свойства.	125.
— —	VI. Пища и питье.	133.
— —	VII. Одежда.	139.
— —	VIII. Вероповѣданіе.	143.
	а) Исторія міра.	
	б) Ученіе вѣры.	
	в) Праздники и обряды богослуженія.	
— —	IX. Нравы.	174.
— —	X. Обычай	187.
	а) Рожденіе, имена, воспианіе.	
	б) Сваховство и браки.	
	в) Погребеніе и поминки.	
	г) Народныя увеселенія.	
	д) Привѣщанія, и знаки уваженія и любви.	
— —	XI. Образованіе.	211.
	а) Языкъ и грамоша.	
	б) Пѣніе, музыка, повѣсти и пословицы.	

УІІІ.

Стр.

с) Врачи и способы врачеванія.	
d) Счисленіе времени.	
е) Сметъ и мѣра.	
ф) Искусства и ремесла.	
ГЛАВА XII. Народное богатство.	249.
— — XIII. Повинности.	263.
— — XIV. Управление, судопроизводство и законы .	267.

ГЛАВА I.

СВѢДЕНІЯ ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ.

Волжскіе Калмыки занимають кочевьемъ своимъ почти все пространство степей Аспраханской губерніи (и частію области Кавказской), между 45 и 52° Сѣверной широты и 61 и 70° Восточной долготы. Границы сихъ степей опредѣляются съ *Востока* рѣкою Волгою и дачами лежащихъ на оной казенныхъ и помѣщичьихъ селеній и станицъ Аспраханскаго Кавачьяго Войска; съ *Юго-Востока* Каспійскимъ моремъ; съ *Запада* рѣками Кумою и Манычемъ и съ *Сѣверо-Запада* землями Саратовской губерніи и Войска Донскаго. Сверхъ сего дозволено кочевать улусу Большедербе-

шовскому въ Кавказской области за Манычемъ по рѣкѣ Калаусу до р. Егорлыка, а Хошоупову на лѣвой сторонѣ Волги, гдѣ и прочимъ владѣльцамъ назначенъ особо общій участокъ для кочевья по очереди; въ каковомъ положеніи Заволжскіе участки граничатъ съ дачами Казеннаго Солянаго вѣдомства, Киргизъ-Кайсаковъ и Кундровскихъ Ташаръ. Все сіе проспранство заключаетъ въ себѣ 10,537,728 квадратныхъ десятинъ земли, и представляетъ обширную плоскую равнину, которая со стороны моря начинается обнаженными буграми, а потомъ, по мѣрѣ возвышенія къ Сѣверу, раздѣляется въ почвѣ своей на многія полосы: песчаная, солонцеватая и иловато-глинистая, которыя всюду почти являютъ слѣды подводнаго соединенія, исчезающіе только съ приближеніемъ къ вышамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Иргеней*.

Кромѣ заливовъ Каспійскаго моря, образующихъ около береговъ онаго многія озера, (изъ коихъ значительнѣйшимъ можетъ считаться *Бьлое*, лежащее на Кизлярской дорогѣ, близъ Бѣлозерской станицы), нѣсколько озеръ находящяся во внутренности степей

при скапѣ Иргенскихъ горъ, бывъ обязаны существованіемъ своимъ болѣе паянію снѣговъ, нежели земнымъ источникамъ. Изъ числа шаковыхъ бассейновъ можно упомянуть здѣсь: *О. Цагунъ, Яшкуль и Цаганъ Нуръ* и сверхъ сего *Большой Лиманъ*, соединенный съ р. *Манычемъ*. Рѣками владѣнія Калмыковъ равнымъ образомъ весьма бѣдны. Послѣ Волги, копорая омываетъ только часнъ границы сихъ владѣній, протекающъ въ степяхъ небольшія рѣчки: *Сарпа, Кума, Маныч, Калаусъ, Егорлыкъ* и нѣкоторыя другія, изъ коихъ одна *Кума* опидичается изобиліемъ и хорошимъ качествомъ прѣсной воды, но она, вышедъ изъ предѣловъ Кавказской обласни, скоро поглощается песками; всѣ же прочія имѣютъ воды болѣе или менѣе солонцевало-горькія, а при томъ избыточествуютъ оными лишь въ весеннее время, къ осени совершенно испощающся. Впадаютъ онѣ: *Сарпа* въ Волгу, *Калаусъ* и *Егорлыкъ* въ *Манычъ*, а сей послѣдній въ *Донъ*.

Что касается до горъ, то здѣсь вовсе оныхъ нѣтъ, исключая *Иргеней*, копорая, начинаясь въ окрестностяхъ р. *Маныча* бутромъ *Ташъ*

бурунь, шянущся непрерывною цѣпью по Сѣверо-Западной границѣ, до колоніи Сарепшы, или лучше сказашь, до Волги. Прежде, когда Калмыки обитали еще на лѣвой сторонѣ сей рѣки, къ кочевьямъ ихъ принадлежала гора, названная ими *Богдою* (*), кошорая находилась въ Черноярскомъ уѣздѣ и, имѣя при подошвѣ своей солоное *Васкунчатское* озеро, обширнѣйшее изъ всѣхъ подобныхъ озеръ здѣшняго края, сосшоипь нынѣ въ казенномъ вѣдомствѣ. Гора сія служилъ предметомъ благоговѣнія Калмыковъ, кошорые вѣряшъ преданію, что прежде находилась она въ Зюнгариіи и перенесена на настоящее мѣсто двумя Монгольскими праведниками, кошорые намѣревались поставитъ оную на самомъ берегу Волги, но не могли достигнуть сей цѣли потому, что одинъ изъ нихъ во время шестивія съ споль шяжелюю ношею прогнѣвилъ Бурхановъ какимъ-шо предосудительнымъ помышленіемъ, ошъ чего гора мгновенно упала и подавя нечестливаго, обогрилась его кровію; въ каковой мысли наиболѣе ушвер-

(*) Святая.

ждаешь Калмыковъ красная глина, соспавляющая оконечность помянушой горы, а за шѣмъ другой праведникъ не въ силахъ уже былъ довершишь общаго предпріянія; но Южная часть Богды, которая была имъ поддерживаема, оспалась бѣлою (она соспоишь изъ слоевъ гипса и алебастра). Послѣ сего, какъ думаютъ Калмыки, невидимо посѣшилъ Богду Далай Лама, кушалъ на ней, и въ память сего выливъ изъ своего блюда оспапки соленого кушанья, произвелъ шѣмъ огромное Баскунчанское озеро. Сюда приходятъ Калмыки молишься, и въ видѣ жершвъ бросаютъ въ глубокія ущелья горы, или оспавляютъ на поверхности — деньги, разные вещицы и даже каменья.

Климатъ въ степяхъ сполькоже много различенъ, какъ и почва земли: въ лѣпнее время къ Воспоку онъ зноенъ; но чѣмъ ближе къ Сѣверу, шѣмъ умѣреннѣе. Въ шакомъ порядкѣ самые сильные жары лѣпомъ восходятъ иногда до 40° въ шѣни, а самые большіе морозы зимою до 30° по Реомюру. Въ послѣдніе предъ симъ годы (съ 1830) морозы были особенно ошупишельны, и даже въ мѣ-

спахъ приморскихъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Мочаговъ*, гдѣ земли обыкновенно бывающъ не споль суровы, простирались свыше 20 .

Нѣдрамъ земли природа здѣсь, по видимо-му, совершенно опказала, какъ въ мешалахъ, такъ и въ другихъ полезныхъ ископаемыхъ, вознаградивъ недоспапокъ сей одними кристаллами поваренной соли, копорыми въ неизчерпаемомъ изобиліи покрывы соляныя озера.

Въ расшеніяхъ, при всей неблагопріятности почвы и климата, можно находить среди степей доспапочное разнообразіе; ибо если Восточный край сихъ степей лишенъ зелени, то Сѣверо-Западный, близъ границъ Донскихъ и Саратовскихъ, обращаетъ на себя вниманіе густою и свѣжесью травъ различнаго рода. Къ споронѣ Кумы земля также довольно плодшворна. На берегахъ самаго пустыннаго Маныча замѣченъ мною слѣды древняго земледѣлія, коимъ можешъ бытъ занимались Маджары, обитавшіе не въ дальнемъ ошсюда разшояніи. Впрочемъ рядъ высокихъ кургановъ, коими устья правый берегъ оз-

наченной рѣки, и въ кошорыхъ, по указанію Калмыковъ, видѣлъ я вырышые, полуразрушенные кирпичные склепы, вмѣстѣ съ исчезающими, но еще въ оплывѣ распеній примѣльными дорогами, дающъ поводъ къ заключенію, что и собсвенно при Манычѣ находились нѣкогда осѣдлыя жишельсшва.

Лѣсъ въ Аспраханской губерніи, прозрасная исключительнo по низменнымъ берегамъ Волги, сосшавляетъ самую незначительную принадлежность Калмыцкихъ улусовъ. Породы онаго: бѣлый и черныи палыникъ, вешла, верба и осокоръ — едва годныя на дрова; но владѣлецъ Князь Тюмень, верспашъ въ 40 ошъ Аспрахани, на правой споронѣ Волги въ собсвенныхъ его дачахъ имѣетъ фрукшовой садъ и виноградники.

Изъ дикихъ звѣрей водятся въ степяхъ Калмыцкихъ волки, барсуки, чекалки, лисицы, зайцы обыкновенные и земляные (пушканчики), хорьки, суслики, ежи, выхухоли, крысы (преимущественно живущія близъ воды), кабаны (дикія свиньи) и сайгаки, бродящіе иногда цѣ-

лыми спадками и не рѣдко загоняемые осенними бурями въ при-волжскія селенія (*).

Птицы здѣсь во всѣхъ родахъ слѣдующія: беркушы, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, бѣлые луня, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, драхвы, крохали, обитающіе въ морскихъ камышахъ и заливахъ лебеди, дикіе гуси и разнаго рода утки, бабы, бокланы, коллики, маршципки, чайки, цапли и проч. (**).

Въ нѣкопорохъ изъ рѣчекъ и озеръ, особенно находящихся близъ Иргеней и имѣющихъ сообщеніе съ Дономъ, ешь рыбы довольно мелкаго сорща, а заливы моря изобилуютъ бѣлугами, осетрами, севрюгами, судаками, и многими другими, соснавлиющими богатство

(*) О домашнихъ животныхъ сказано особо.

(**) Въ весеннее время птицы, питающіяся рыбами, предспавляютъ иногда любопытное зрѣлище. Всѣ онѣ вмѣстѣ, избравъ какой нибудь мелкій заливъ, соснавлиютъ изъ себя неразрывную цѣпь и, окружа извѣстное пространство воды, съ величайшимъ на разные голоса крикомъ и шумомъ крыльевъ, подгоняютъ къ берегу множество мелкой рыбы и попомъ на совершенной опмеди поглещаютъ оную.

водъ Каспійскихъ; но Калмыки, бывъ не охотники до рыбаго шюла, изобиліемъ снмъ не пользуются.

Въ обласпи земноводныхъ и насѣкомыхъ являенся здѣсь на каждомъ шагу чрезвычайная плодовишность и разнообразіе: черепахи, лягушки, ящерицы, ужи, змѣи, шарангулы, верешеницы, муравьи, мошкарн, комары, оводы, саранча, мухи и проч. наполняютъ по роду своему болопшныя и спешныя мѣсна. Вреднѣйшія изъ нихъ естѣ шарангулы, по Калмыцки *Манжи аба*, и черныя науки, величиною съ грецкій орѣхъ, называемые *Тавунъ сумунъ* (пушечное ядро) или *Убусанца* (монахиня). Тарангулы, ужасныя своею ядовишностию для людей и живопныхъ, въ свою очередь спрашаша овецъ, копорыя поѣдаютъ ихъ безъ всякаго для себя вреда. Въ лѣпнее время чеповѣкъ, проѣзжающій спешями, долженъ имѣнть большую осшорожность опгъ помянуныхъ насѣкомыхъ и спашъ не иначе, какъ въ крѣпкомъ пологу, или въ экипажахъ, намазывая колеса дегнемъ, для шого, чшобы шарангулы или науки не могли поднимашься по онымъ съ земли. Сверхъ сего овчины или войлоки изъ

овечьей шерсти служатъ также средствомъ къ отдаленію опасности.

Пути, чрезъ Калмыцкія степи лежащіе, суть: а.) двѣ большія почповыя дороги — одна отъ Царицина до Аспрахани и другая отъ Аспрахани къ Кизляру, до Гуйдукской станціи; и б.) древнія степныя дороги: 1-я, уклоняющаяся съ Алабужинской станціи почповога Кизлярскаго шракша, на рѣку Куму къ Маджарамъ и далѣе въ обласнь Кавказскую; 2-я, поворачивающая съ того же шракша, отъ станціи Джуруковской, и извѣстная вообще подъ названіемъ *Стараго Крымскаго Шляха*, а Калмыками называемая *воровскою дорогою*, пошому, что Крымскіе Тапарты нѣкогда приходили по оной для набѣговъ; 3-я, протегающая отъ Сарепты прямо на Терекъ и называемая *Томскою*. Дорога сія проложена Томскимъ пѣхотнымъ полкомъ, проходившимъ здѣсь въ Грузію; и наконецъ 4-я, идущая отъ Сарепты же по возвышенностямъ Иргеней до бывшаго Александровскаго уѣзда Кавказской обласни.

ГЛАВА II.

СВѢДЕНІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ (*).

Нѣтъ ничего шруднѣе, какъ изслѣдованіе о происхожденіи такого народа, который получилъ бышіе во времена опдаленныя и въ спранахъ, кои по дикости обипашелей и самой природы оспающія доселѣ не довольно извѣстными, а въ древности считались и совершенно недоспушными. По сей причинѣ не

(*) Въ Журн. Минист. Внутрен. Дѣлъ прошлаго 1835 года NN. 5, 7, 8 помѣщено *Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ* извѣстнаго Ориенталиста О. Іоакима, которое совершенствомъ своимъ можетъ дополнить недоспашокъ настоящей статьи, составленной мною въ томъ видѣ, въ какомъ она приготовлена была прежде, потому болѣе, что въ оной содержится обстоятельство, кои не вошли въ описаніе О. Іоакима.

входя въ глубокія и подробныя изысканія о Калмыкахъ, я намѣренъ коснувшись только съ легка исторіи сего народа, привести здѣсь, поколику возможно, свѣденія о происшествіяхъ собственно со времени переселенія онаго къ берегамъ Волги.

Извѣстно уже, что Калмыки по происхожденію своему есць Монголы, издревле обитавшіе на Воспокъ оупъ горъ Уральскихъ. Послѣ Гунновъ, коихъ безошибочно надлежитъ почитать родоначальниками Монголовъ (*), постепенное развитіе могущества сихъ послѣднихъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, какъ будто нарочно сокрыто было оупъ современниковъ, для того, чтобы болѣе поразишь ихъ явленіями неожиданными и необыкновенными. Такъ въ 1224 году внезапное нашествіе Монголовъ, спрашныхъ своею многочисленносцію, видомъ и звѣрскими нравами, исполнило Европу изумленіемъ и ужасомъ. Россіане, испытавъ первые жестокосць варваровъ, на время еще удалявшихся, говорили объ нихъ: „Кипо сіи прищельцы, ошкуда прихо-

(*) См. примѣч. на 1-й Т. Исторіи Карамзина, N. 55.

дѣли и куда сокрылись — извѣстно одному небу и людямъ, искуснымъ въ книжномъ ученіи“ (*). Но скоро владычество ихъ возрасло до безпредѣльности, и для бѣдствія поработенной Россіи возникли на рубежахъ ея новыя, Монголо-Татарскія Царства: Аспраханское и Казанское и Ханство Крымское.

Казалось, что Россія навсегда утратила свою независимость; но Провидѣніе хранило жребій ея, и Рускіе, послѣ долговременнаго спораданія, пользуясь взаимными междуособіями враговъ, не только возвратили себѣ полную свободу, но сами сдѣлались обладателями Казани и Аспрахани. Между тѣмъ въ самой Монголіи, давно не принимавшей никакого участія въ судьбѣ опдаленныхъ единоплеменниковъ, дѣла находились въ положеніи весьма невыгодномъ: тамъ происходили внутренніе раздоры и мятежи, и сверхъ сего возгаралась борьба съ Кипчаемъ, въ послѣдствіи для Монголовъ споль гибельная.

Событія сіи, въ продолженіе многихъ спольнѣйшій пошрясавіи спокойствіе Воспока, со-

(*) Исторія Карамзина Т. I, стр. 235 и 241.

провождались шѣмъ, что многіе изъ чашпныхъ владѣтелей Монгольскихъ искали или независимости отъ своихъ Хановъ, или покровительства державъ постороннихъ; но главнѣйшіе изъ нихъ, желая еще соединенными силами сохранить оспашки своего могущества, поддерживали оное въ особенномъ союзѣ чепырехъ родовъ: *Зюнгарскаго* (Джунгарскаго), *Дурботскаго*, *Торготскаго* и *Хошотскаго*, подъ общимъ названіемъ *Дербень-Ойратовъ*, по еспь: чепырехъ соединенныхъ (*). Главою сего союза былъ владѣтель Зюнгаровъ, въ сравненіи съ прочими болѣе сильный, и самая страна, лежащая на Юго-Воспокъ отъ нынѣшнихъ границъ Сибири, за хребтами горъ Алшайскихъ, копорую занимали тогда Ойраты, носила имя *Зюнгари*.

По преданіямъ, извѣспнымъ среди Калмыковъ до нынѣ, въ началѣ XVI столѣтія произошли между Ойратами не согласія, бывшія причиною того, что нѣкопорыя поколѣнія отдѣлясь отъ союза, окочевали на Сѣ-

(*) На Калмыцкомъ языкѣ *Дербень* значить: чепыре, а *Ойратъ* — соединенный.

верь къ предѣламъ губерній Томской и Енисейской. Поколѣнія сіи въ слѣдствіе очевиднаго негодованія Ойраповъ получили отъ нихъ названіе *Эльтъ*; копорое Тапары на своемъ языкѣ передали Русскимъ въ словѣ *Калмакъ*; ибо какъ Эльтъ по Монгольски, такъ и Калмакъ по Тапарски значить: опшавшій, опредѣлившійся или ушедшій.

Приближаясь къ границамъ Сибири, Эльты или Калмыки, имѣли можетъ быть цѣлю соединиться съ пуземными ихъ однородцами и водвориться тамъ съ правами самовласціи; но какъ Сибирь покорствовала уже тогда Россіи, и какъ въ это время Русскіе дѣятельно занимались поспроеніемъ во вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ укрѣпленій, то Калмыки въ необходимости были обратиться къ Россіи съ сношеніями миролюбивыми.

Въ Царствованіе Михаила Феодоровича, въ 1618 и 1620 годахъ, Тайши: *Богатырь* и *Каракула*, первые присылали въ Москву своихъ пословъ, и согласно изъявленному желанію получили грамоты о бышціи имъ со всею ордою въ подданствѣ и подъ защипою Россійскихъ ГОСУДАРЕЙ; при чемъ Калмыки при-

глашались въ Сибирь и другіе города для шорговли (*). Но что Тайпи сіи, равно какъ и всѣ Калмыки не расположены были оказанною имъ милоспію пользоваться, это ясно доказываетъ шѣмъ, что они осмави Сибирскіе предѣлы, гдѣ климатъ и прочное владычество Россіи не предспавляли имъ желаемыхъ выгодъ, подались на Юго-Западъ и въ 1620-мъ году владѣльцы *Лоузангъ* и *Эйденгъ* появились уже на берегахъ Ори и Эмбы, въ спранахъ для кочевой жизни болѣе благопріятныхъ (**). *Лоузангъ* и *Эйденгъ* были пришельцами, пакъ сказанъ, передовыми: ибо за ними непосредственно слѣдовала ошъ Аликъ - Ула сильная орда Калмыковъ *Торготскаго* (Торгоушовскаго) рода, къ кошорымъ въ позднѣйшія времена ошъ испочниковъ Ирпыша и съ береговъ Зайсанъ-Нура, Кёкё Нура, и р. Или, присоединялись частіями *Хошоуты* и *Дербеты*.

Хорлюкъ, главный предводитель Торгошовъ, за долго еще до предпріяшаго имъ дви-

(*) См. въ полн. Собр. зак. грамоты: 1618 Апрель 14 и 1620 Май 14.

(**) Обзораніе досп. Оренбур. края, — Жуковскаго.

женія посылалъ въ приволжскіе степи довѣренныхъ людей для собранія нужныхъ свѣдѣній, и удосновѣясь въ возможности пользоваться привольными землями прежней Золотой орды, съ шестью сыновьями и пятидесятью тысячами кибитокъ (семействъ) подвласнаго ему народа, направилъ путь прямо къ Уралу. Дорогою покорилъ онъ обитавшихъ близъ р. Эмбы Джембулуцкихъ Ташаръ, а перешедъ Уралъ овладѣлъ Ташарами Ногайскими, Хашай-Кяпчакскими и Джельсыаяъ. Всѣ сіи племена, бродившія разсѣянно, не имѣли средствъ сопротивляться Калмыкамъ, кои совершали переселеніе свое огромною массою, вооруженные по тогдашнему ихъ обыкновению пищалями, стрѣлами и чеканами, и одѣтые въ шлемы и панцыри.

Такимъ образомъ въ 1630 году, или около сего времени (*), Хорлюкъ расположился на обширныхъ степяхъ между Волгою и Ураломъ, проспировавшихся отъ Каспійскаго моря на Сѣ-

(*) Геограе. словарь Госуд. Россійскаго, статья: *Калмыки*. Обозрѣніе достопамят. Оренбург. края, и слова самихъ калмыковъ.

веръ до р. Самары. Не испросивъ на се дозволенія или согласія Россіи, онъ явно мечталъ бытъ владѣтелемъ независимымъ: ибо не только вовсе не входилъ въ сношенія съ Русскимъ Дворомъ; но дозволилъ себѣ принявъ онкочевавшихъ къ нему изъ подъ Аспрахани Ногайскихъ, Едисанскихъ и Юршовскихъ Ташаръ, бывшихъ уже подданными Россіи (*); а въ 1640 году съ сыномъ *Шукуръ Дайлингомъ*, отправлялся на Сеймъ, къ общему сырпу Уральскихъ горъ, гдѣ собравшіеся Монгольскіе и Калмычскіе владѣльцы, связанные узами родства и религіи, въ присушствіи обожаемыхъ ими чепырехъ Хушухиу, прекратя бывшія между ими замѣшательства возобновили союзъ: приняли общіе законы и постановили правила относително вѣшной безопасности. На семъ важномъ собраніи находились *Эрдени Баторъ* Хонгъ Тайджи, владѣтель Зюнгарскій; *Гуши Номинъ Ханъ* владѣтель Кекѣ-Нурскій и многіе другіе, коихъ имена оспались извѣстными въ утвержденномъ ими тогда уложеніи.

(*) Шершвая грамота 1655 г. Февраля 4, полн. собр. Россійск. зак. Т. N. 145.

Въ послѣдствіе времени, по смерти уже Зюнгорскаго владѣльца *Эрдени Батора*, случившейся въ 1654 году, сынъ его *Галданъ Хонгъ Тайджи* (*) дополнилъ поминнуемое Уложеніе особенными спашьями, копоры равномѣрно бывъ приняпы Калмыками и на Волгѣ, служапъ доказательствомъ, что Калмыки сіи болѣе расположены были признавать надъ собою вліяніе власпи Зюнгаровъ нежели Россіи.

Поспунки *Хорлюка* были слишкомъ важны; но въ это время Россія, послѣ тяжкихъ ранъ, нанесенныхъ ей гидрою власполюбія, гнѣздившеюся на осирошѣвшемъ проиѣ, едва начинала воспавать, опираясь на Державный Скиптръ *Михаила Феодоровича*, и посему не могла заниматьса исключительно дѣлами опдаленныхъ владѣній своихъ въ Азіи, гдѣ среди пуспынныхъ степей, единственнѣмъ спражемъ ея предспавлялась *Аспрахань* съ не приспунными для Ордынцевъ пвердынами, копоры донынѣ служапъ величеспвеннымъ намяпникомъ царспвовапія *Феодора Іоанно-*

(*) *Хонгъ Тайджи*, есть общій титулъ Зюнгарскихъ владѣтелей.

вѣча (*). Впрочемъ не взирая на смутныя обстоятельствова того времени, могущество Россіи возраждалось на Воспокъ само собою. На успѣхъ рѣки Урала еще съ 1580 года бодрствовали храбрые Русскіе вѣнцы, удалившіеся съ береговъ Дона: это были вольные люди, предки нынѣшнихъ Уральскихъ Казаковъ.

Послѣ многихъ геройскихъ подвиговъ отважась разбить Урганычъ, сполону Хоразма (Хивы), и на возвращенномъ пути претерпѣвъ поражение, они въ 1613 году, при самомъ возвращеніи на престолъ Михаила Ѳеодоровича вступили въ подданство Россіи, и окруженные безчисленными ордами народовъ чуждыхъ, умѣли сохранить самобытность свою для пользы и славы опечесыва. Самое нашествіе Хорлука не поколебало ихъ швердоспи, и они остались на своихъ мѣстахъ въ шлыу его улусовъ.

Какими событіями сопровождалось въ Калмыцкой ордѣ первое двадцатипятилѣтіе, прошедшее съ 1630 года, и какія со стороны Россіи принимались мѣры къ сближенію съ

(*) Аспраханъ ограждена каменнымъ кремлемъ въ 1584 году.

симъ народомъ, — все эшо оспашеся въ совершенной неизвѣстности, и рядъ слѣдовавшихъ за симъ произшествій начинаеть прояснянься уже съ 1655 года.

Въ семь году (Февраля 4) Калмыцкіе послы: *Дураль Тарханъ*, *Серень* и *Чокула*, шерпною грамошою (присягою), данною Царю Алексѣю Михайловичу признали Тайшу своего *Шукуръ Дайгинга* и всѣхъ улусныхъ людей подданными Россійской державы, обѣщавъ между прочимъ : на Аспраханъ не ходишь; въ плѣнь ни кого не брашь и не грабишь, и ошъ прежнихъ неправдъ ошсшавъ,

Сія шерпная грамоша (*) показываешъ, чшо *Хорлюкъ* въ 1655 году уже не сущесшвоваль, и чшо первымъ подданнымъ Россіи изъ Калмыцкихъ владѣльцевъ былъ сынъ его, помянушый *Шукуръ-Дайгингъ*, кошорый 8-го Юля 1661 года съ своимъ уже сыномъ, *Бунукомъ* или *Пунукомъ*, особенною грамошою, заключенною съ Дьякомъ Иваномъ Гѣроховымъ, обѣзывался выспушнись вмѣстѣ съ Россійскими войсками въ походъ на Крымскіе улусы (**).

(*) Полн. собр. Россійск. закон. Т. I. №. 145. №. 300.

Вскорѣ послѣ сего, и именно Декабря 9 дня шого жъ 1661 года, Тайша *Пуницукъ* лично повпорялъ присягу на вѣрность Царю въ присутствіи Аспраханскаго Воеводы, Князя Григорія Сунчалѣевича Черкаскаго, на урочищѣ Берекешѣ (*). Здѣсь давая клятву за себя, за отца своего *Дайгинга* и прочихъ Тайшей, а равно за Ногайскихъ, Ембулашскихъ, Мелисбашскихъ и Киличинскихъ Мурзъ, „покланялся онъ и цѣловалъ бога своего Бурхана и молишвенную книгу бичикъ, и чашки и ножикъ свой лизалъ и къ горлу прикладывалъ.“

Если съ одной спороны предположишь, что поводомъ къ столь близкому возобновленію присяги было ослабленіе Калмыками прежнихъ условій, то съ другой — шрудно постигнуть причины, по копорымъ при жизни *Дайгинга* присягалъ за него и за всѣхъ подвластныхъ ему людей сынъ его *Пуницукъ*. Въ семъ случаѣ можно допустить лишь догадку: не

(*) Поля. собр. Рос. зак. Т. I. N. 316 *Берекета* — одинъ изъ небольшихъ Волжскихъ протоковъ, на лѣвой споронѣ сей рѣки, отъ Аспрахани верстахъ въ 30-ти, въ Красноярскомъ уездѣ.

передалъ ли тогда опецъ правъ своихъ сыну, будучи еще въ живыхъ? или не произошла ли перемѣна сія по волѣ народа? Поводомъ къ шаковой мысли можетъ служить и то, что ни объ имени *Дайгинга*, ни о времени смерти его и переходѣ власти къ *Пуциуку* нигдѣ въ послѣдствіи не упоминается, между тѣмъ какъ сей послѣдній непосредственно за опцемъ его являлся въ качествѣ главы Калмыцкаго народа. Время его правленія оспавило одну достопамятность, и именно: присоединеніе къ нему вышедшаго изъ Зюнгаріи Хошоуцова владѣльца *Кюндиоленга* съ тремя тысячами кибитокъ Калмыковъ.

Пуциукъ умеръ около 1661 года, назначивъ наследникомъ по себѣ сына *Аюку* (*). Сѣ Аюка въ самомъ началѣ своего правленія увеличилъ число подвластныхъ вновь выведенными къ нему въ 1670 году, пешкою его *Доржи-Араптанъ* Калмыками въ числѣ 3000 кибитокъ (**); а потомъ, въ 1673 году, — по пре-

(*) Географ. словарь Госуд. Рос. статья: *Калмыки*.

(**) *Доржи-Араптанъ* была въ замужествѣ за Олюшскимъ *Осирту-Цеценъ* Хавожъ.

кращеніи произведенныхъ въ сіе время въ Аспрахани Спенькою Разнымъ безпорядковъ, — на създѣ съ Бояриномъ и Воеводою Княземъ Яковомъ Пешровичемъ Одоевскимъ, прошивъ Аспрахани на нагорной споронѣ Волги у рѣчки Солянки, Февраля 27 дня подшвердиль прежію оупца своего *Пуцука* шершовальную запись (*): обѣщаль бышь въ вѣчномъ подданствѣ у Царя Алексѣя Михайловича; не вредить Россійскимъ владѣніямъ и подданнымъ; не имѣть сношеній съ Турецкимъ Султаномъ, Персидскимъ Шахомъ, Крымскимъ Ханомъ, Азовскимъ Беемъ и другими заграничными народами, и ходить войною на Царскихъ менріашпелей; словомъ: обязывался бышь оплономъ Русскихъ границъ со спороны Азіатской, въ чемъ сосподала всегдашняя цѣль Русскаго Правшпельспва при договорахъ со всѣми Калмыцкими владѣльцами.

На семъ основаніи Аюка шогда же долженъ былъ оказашъ Россіи услугу, дѣйствуя прошивъ непріязненныхъ ей Кумыковъ и Крымцевъ; но вмѣсто шого Калмыки его пользу-

(*) Полн. собр. Рос. зак. Т. I. №. 540.

ясь возпаніемъ Башкирцевъ, во время шакъ называемаго Сеишовскаго бунша, и едва ли не повнушенію пришедшаго къ нимъ въ 1673 или 1674 году родшвенника Дербешовыхъ владѣльцевъ *Соломсереня* съ сыномъ *Мункотемиромъ* и съ чепырью тысячами кибипокъ подвласныхъ, въ 1675, 1676 и 1677 годахъ производили грабежи на Волгѣ и даже въ предѣлахъ нынѣшнихъ Казанской и Оренбургской губерній.

Послѣ споль явнаго пренебреженія обѣшовъ и вѣрояпно въ послѣдшвіе приняныхъ мѣръ, Аюка обращаеь вновь къ своему долгу, 15 Генваря 1677 года на прежнемъ мѣстѣ (т. е. близъ Аспрахани на урочищѣ Соляномъ) предъ Окольнічимъ и Воеводою Княземъ Щербашовымъ сознаваясь въ своемъ вѣроломствѣ, присягнулъ впорично на подданство и совершенное повиновеніе Россіи, *по прежнимъ и новымъ* договорамъ. Тупъ же и въ равной силѣ дали присягу, братья его: *Монтакъ* и *Замса* и *Тайша Соломсерень*, какъ сказано выше, не задолго предъ симъ прибывшіи. (*) Шерпная

(*) Пол. Соб. Рос. Зап. Т II. N. 672.

запись ихъ заключалась слѣдующею клятвенною:
 »за измѣну призываемъ на себя и всѣхъ лю-
 дей своихъ гнѣвъ Божій и огненный мечъ, и
 шую саблю, копорую нынѣ и Аюка и Замса
 и Соломсерень Тайши вынявъ изъ ноженъ на
 головы свои кладемъ и къ горлу прикладыва-
 емъ, головы наши опгъ непріяшелей нашихъ
 посвчены бѣ были и будемъ прокляты по сво-
 ей Калмыцкой вѣрѣ въ семь вѣкъ и буду-
 щемъ.«

Съ сего времени прошло три года, въ
 продолженіе коихъ Калмыки поведеніемъ сво-
 имъ казались заслуживали одобреніе и Царь
 Ѳеодоръ Алексѣевичъ опсправляя въ 1687
 году въ Аспрахань Воеводою Околыничаго
 Алексѣя Пешровича Головина, въ данномъ ему
 Наказѣ, между прочимъ, повелѣвалъ объявивъ
 Аюкѣ и другимъ Тайшамъ слѣдующее: Вѣдомо
 ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ, ЕГО ЦАРСКОМУ ВЕ-
 ЛИЧЕСТВУ учинилось, что они Тайши слу-
 жашъ и во всемъ ЕГО ЦАРСКОЕ велѣніе ис-
 полняющъ по своимъ договорамъ и шершн.
 И Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ,
 всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Са-
 модержецъ, ихъ Калмыцкихъ Тайшей и улус-

ныхъ ихъ людей за ихъ службы жалуешь — милоспивно похваляешь. »Впрочемъ особю спашьею сего же Наказа предписывалось: « на създѣ (съ Аюкою и прочими Тайшами) держалъ береженъе и осперегашельспиво великое, что бѣ Камлыцкіе Тайши обманомъ какова дурна не учинили.» (*) Но поеліку Калмыки оправдывая справедливую къ нимъ недовѣрчивость, сохраняли кляпву шолько до первой возможности нарушишь оную, шо прежде нежели Воевода Головинъ могъ объявишь Аюкѣ Царское благоволеніе, подвласные его Тайши соединились оныишь съ мяшежными Башкирцами, и съ 1681 по 1683-й годъ производили въ обласняхъ Уфимской и Казанской набѣги и опустошенія (**).

Россійскій дворъ посредствомъ Уральскихъ Казаковъ усмиривъ Башкирцевъ, въ отношеніи къ Калмыкамъ оказалъ и на сей разъ особенную снисходительность, кошорая изъясняется поспоынню и вполнѣ собразною съ

(*) Наказъ Головину 1681 г.

(**) Шершная запись Аюки 1683 г. Января 24. — Полн. Собр. Рос. Зак. Т. II. №. 990.

обспояпельспвами того времени полшпикою: содержашь народъ сей въ зависимости мѣрами крошосни. Посему виновный Аюка не замедляль явишься съ новымъ раскаяніемъ къ Боярину и Воеводѣ, Князю Андрею Ивановичу Голицыну, и 24 Генваря 1683 года обще съ дѣшпми своими; Тайшею *Соломсеренемъ* и сыномъ его *Мункотелиромъ*, принесъ новую присягу Россійскимъ Самодержцамъ Іоанну и Пешру Алексѣевичамъ, обѣщаясь свяшо содержашь всѣ договоры.

И въ самомъ дѣлѣ, Аюка, хощя не на всегда, однако же на долго опказаль себѣ въ спрасни прѣбрѣшашъ легкую добычу въ мирныхъ селахъ и деревняхъ Россіи. Въспшо сего онъ обрашплся за Уралъ къ Воспочнымъ берегамъ Каспійскаго моря, гдѣ успѣхи оружія надъ Киргизъ - Кайсаками, Трухменами и другими племенами, содѣлали его споль извѣспнымъ, что многіе владѣльцы Киргизскіе Хивинскіе и Кубанскіе искали его дружбы и покровишельспва, а около 1690 года Далай Лама наименовавъ его Ханомъ, прислалъ ему на сіе достоинспво печашъ.

Между шѣмъ безпокойспва Зюнгариш уда-

шли въ Россію еще часть народа. Въ 1686 году явились въ Москву послы опть владѣльца Черныхъ Калмыковъ *Цаганъ Батыря*, съ просьбою о принятіи его и вышедшихъ съ нимъ людей въ подданство, и о дозволеніи имъ кочевать между Дономъ и Волгою, по рѣкамъ: Хопру, Медвѣдицѣ и Илавѣ. Но какъ удовлетвореніе шаковой просьбы несогласовалось со безопасностію ближайшихъ къ упомянутымъ мѣстамъ Рускихъ жилищей, и съ соблюдавшимся доселѣ правиломъ: чшобы ни кого изъ Калмыковъ на правый берегъ Волги для кочевья недопускашь, — шо въ данной 21 Мая 1687 года ближнему Боярину Князю Василью Васильевичу Голицыну Царской грамотѣ сказано, чшобы означеннымъ Чернымъ Калмыкамъ опшвѣсни степи на луговой сторонѣ Волги по рѣкѣ Ахшубѣ (*). Калмыки сіи съ владѣльцемъ ихъ *Цаганъ Батыремъ* на другой послѣ сего годъ опшправляли уже службу, находясь вмѣстѣ съ Донскими Казаками въ экспедиціи для искорененія ушед-

(*) Полн. Собр. Рос. Зак. Т. 11 № 1245.

шихъ къ рѣкамъ Медвѣдицѣ и Кумѣ воровъ и раскольниковъ (*).

Аюка съ своей стороны продолжая оказывать Россіи преданность, время оупъ времени входилъ въ большую довѣренность, и наконецъ въ 1697 году бывъ приглашенъ Бояриномъ Княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ на рѣчку Камышинку, Іюля 17-го дня заключилъ договорныя статьи, кои между прочимъ полагалось: опшусканы ему свинець и порохъ, а въ случаѣ походовъ прошивъ Бухарцевъ, Каракалпаковъ и Киргизцевъ обѣщана была и артиллерія; далѣе дозволялись набѣги въ Крымъ, на Кубань и въ горы; предославлялось право переправляны Калмыковъ съ луговой стороны Волги на нагорную, начиная оупъ Чернаго Яра до Сарашова, на казенныхъ судахъ, и обѣщалась помощь прошивъ Крымцевъ, Донцевъ и Башкирцевъ, съ шѣмъ, чшобы Калмыки, если будущъ преслѣдуемы, прикачевывали къ Русскимъ городамъ и селеніямъ. Заключая сей договоръ,

(*) Полн. собр. Рос. Зак. Т. II. №. 1310 Похвальная грамота Донскимъ Ашаманамъ.

Аюка, въ изъявленіе привязанности его къ Россіи, назвалъ Князя Голицына брапомъ, и даже оппускалъ съ нимъ сына своего *Гунжена*, прося быль ему насшавникомъ; но въ то же время сей хишрый Ханъ заботился о продолженіи прочныхъ связей и съ Зюнгарию, на каковой конецъ въ 1698-мъ году опсправилъ дочь свою, *Сетеръ Джала*, въ замужство за *Цеванъ Раптана*, только что сдѣлавшагося тогда повелителемъ Зюнгаровъ (*).

Сии благопріятныя для Калмыцкаго народа событія, внезапно прерваны были несогласіями, возникшими въ семействѣ самаго Хана. Въ 1701-мъ году между Аюкою и старшимъ сыномъ его *Чакдоржапомъ* вспыхнула вражда, причиною коей была жена послѣдняго. Чакдоржапу надлежало умереть — и другой сынъ, любимецъ *Аюки*, извѣстный *Гунжень*, въ мрачную ночь подослалъ къ кибинкѣ брата своего убійцу, который выпрѣдиль въ оную изъ ружья, заряженнаго двумя пулями, и нанесъ жерпвъ мщенія сильную рану. Случай сей

(* Самъ Аюка женатъ былъ на двоюродной сестрѣ *Цев. Рап.* — *Дармъ Балъ*.

произвелъ въ улусахъ общее смяшеніе: *Гунжеть* бѣжалъ въ Сарашовъ; самъ *Аюка* спѣшилъ искашь безопасности въ Яицкомъ Казачьемъ городкѣ, а *Чакдоржаль* съ нѣкопорыми изъ брашневъ, и съ большею часнію Калмыкивъ, удалился за Уралъ.

По поводу сихъ непріятныхъ происшествій, Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ прѣвѣжалъ въ Самару, и былъ сполько счастливъ, что успѣлъ прекрашнть ссору и возвращнть къ повиновенію Аюкѣ всѣхъ Калмыковъ, исключая однакожъ 15 ш. кибитокъ, кои находясь съ *Чакдоржапомъ* за Ураломъ, не захошѣли съ нимъ. возвращнться и послѣдовали за сыномъ же Аюки, *Санжиномъ* и нѣкошорыми владѣльцами въ Зюнгарію, гдѣ *Санжитъ* вмѣсто ожиданнаго ошъ зяня, *Цеванъ Раптана*, покровительсва, былъ арешованъ и препровожденъ обратно къ ошцу, а прншедшіе съ нимъ Калмыки раздѣлены по Зюнгарскимъ улусамъ.

Спусня послѣ сего 6-лѣ лѣшъ, (съ 1707 года), Башкирскіе спаршнны Алдаръ и Кусюмъ произвели около Мензелнска бунтъ: Калмыки какъ будшо ожидали эшого, чтообы явиць

новый примѣръ дерзкаго вѣроломства. Они, пользуясь правомъ переходить на правый берегъ Волги, издавна льспившій имъ богатыми добычами, вшорглись въ Пензенскую и Тамбовскую обласни, обрапили въ пепель болѣе сша сель и деревень и захвапили въ плѣнь множесство земледѣльцевъ, копорые попѣмъ распроданы въ Кизылбаши (Персiю), на Кубань, въ Хиву и Бухарiю (*). Для изслѣдованiя сихъ наглыхъ поспунковъ въ 1708 году опсправлялся ближнiй Миниспрѣ, Казанскiй и Аспраханскiй Губернапоръ Пепрѣ Мапвѣвичѣ Апраксинѣ, и не далеко опѣ Чернаго Яра на рѣчкѣ Даниловкѣ, соединяющей Волгу съ Ахшубою, имѣлъ съ *Аюкою* свиданiе. Здѣсь Калмыцкiй Ханѣ, слагая всю вину на Тайшей *Мункотемира* и *Чеметя*, оправдывалъ себя въ своевольспвѣ будпо-бы ихъ, шѣмъ, что по опдаленносни кочевья ему неизвѣспны были злыя ихъ намѣренiя. Апраксинѣ видя изьявленную *Аюкою* покорноспѣ, и безъ сомнѣнiя

(*) Полн. собр. Россiйскаго Зака. Т. IV. № 2207. Договорныя спашья Губернатора Апраксина съ *Аюкою* 1708 г., Сентяб. 30-го.

въ согласность данныхъ ему повелѣній, принялъ помянутыя объясненія доспапочными и 30-го Сентября окончилъ дѣло условіемъ, по которому *Аюка* долженъ былъ вмѣстѣ съ спротивъ подтвержденіемъ *Мункотелиру* и *Чеметю*, дать общія повелѣнія, чшобы на нагорную сторону Волги Тайши и владѣльцы ошнюдь не переходили и людей своихъ для грабежей не посылали, подъ опасеніемъ смершной казни. Сверхъ сего *Аюка* обязывался по преобаніямъ Коменданщовъ приволжскихъ городовъ и крѣпости Терской, въ случаѣ надобности оказывать немедленное пособіе, съ шѣмъ, чшобы взаимно и всѣ Коменданшы ошъ Аспрахани до Самары давали ему воинскую помощь прошиву Крымцевъ, Башкирцевъ и другихъ непріятелей.

Въ это самое время Россія вела войну со Швеціею и въ числѣ войскъ своихъ имѣла уже Калмыковъ: вошъ обшояпельсшва, кои для *Аюки* при насшоящихъ переговорахъ могли бышъ полезными.

1710-го года въ Сентябрѣ мѣсяцѣ *Аюка*, исключая пяти тысячнаго опшрада, опшравлен-

наго для усмиренія Башкирцевъ, во исполненіе объявленнаго ему Губернашоромъ Апраксинымъ собственноручнаго повелѣнія Царя Петра Алексѣевича, присланнаго съ нарочнымъ курьеромъ, назначилъ 10 ш. человекъ кочевать съ осени до весны опъ Дона по рѣкамъ Салу и Манычу, для опвращенія набѣговъ со спороны Кубанцевъ и воровскихъ паршій Донскихъ Казаковъ *Некрасова* и прочихъ. Обязанность сія возложена была Ханомъ изъ Тайшей на *Чемтя* и сына *Мункошемирова Четеря*, согласно съ собственнымъ ихъ желаніемъ, вѣроятно въ шомъ уваженіи, чшобы дасть имъ случай службою загладить вины ихъ предъ Русскимъ Правительствомъ (*). Калмыки сіи (Дербешы) оспались въ вѣденіи Донскаго войска и поспунили въ управление войсковаго начальства.

За симъ слѣдовала эпоха сношеній *Аюки* съ *Кипайскимъ Имперашоромъ*. — Калмыки, не смопря на опдаленность ихъ опчизны, не

(*) Договорныя статьи съ Аюкою 5-го Сентября 1810-го года Полн. Собр. Зак. ш. IV N. 2291.

рѣдко имѣли сношенія съ оставшимися намъ родственниками; посылали подарки въ Пекинъ и отправлялись въ Тибетъ для поклоненія Далай Ламѣ и для полученія священныхъ книгъ и другихъ по потребностямъ вѣры. Съ сею благочестивою цѣлю еще въ 1698-мъ году, п. е. въ то время, когда *Аюка* отправилъ дочь въ Зюнгарию, племянникъ его *Рабжуръ* сопровождалъ въ Тибетъ мать свою. На обратномъ пути сей *Рабжуръ*, спрашася ли вражды народа, преграждавшаго ему дорогу въ Россію, или по порученію дяди, захватилъ въ Пекинъ и по распоряженію шаманнаго Двора задержанъ былъ въ предѣлахъ Кипая, подъ предлогомъ, что Дворъ, буди бы изъ особеннаго расположенія къ *Аюкѣ*, признавалъ опаснымъ дозволилъ родственнику его возвращеніе чрезъ земли хищныхъ Киргизъ - Кайсаковъ, которые дѣлали нападенія и на свисту дочери его, невѣсты *Цеванъ Раптана*. По сей причинѣ *Аюка* отправилъ въ Пекинъ посланника своего *Самтаня*, и хотя въ возвращеніи съ нимъ *Рабжура* не предшяло никакихъ затрудненій, но Кипайскій Дворъ, подъ видомъ вѣжливости и буди для переговоровъ о семь, въ 1712 го-

ду назначилъ къ *Аюку* посольство и отъ себя.

Послы Кипайскіе съ согласія Русскаго Правительсва ѿехали чрезъ Сибирь на Казань; весною 1713. достигли Сарашова и переправясь чрезъ Волгу нашли *Аюку* въ степяхъ проливъ Царицына. Ханъ Калмыцкій встрѣпилъ ихъ съ величайшими почестями, принялъ грамоту Кипайскаго Государя, стоя на колѣнахъ и помоуъ выслушавъ рѣчь о причинѣ посольсва, отвѣщивоваль, что степная и съ своей стороны Южную дорогу изъ Монголіи опасною, будещъ просить Благо Царя (Русскаго Монарха) о позволеніи *Рабжуру* слѣдованъ обратно чрезъ Сибирь, и по полученіи разрѣшенія не преминетъ уведомить о томъ Богдо-Хана (свящѣйшаго Хана) особеннымъ посольствомъ, къ кому поручено отъ него будещъ принести благодарность за всѣ попеченія его объ его племянникѣ. Дальнѣйшія за симъ объясненія *Аюки* съ послами соспояди въ незначащихъ разговорахъ, среди коихъ однакожъ онъ просилъ увѣришь Богдо-Хана въ его преданности; поручаль проѣзжая Россією дѣлать наблюденія, и за-

мѣнили, что хопи Калмыки далеко живутъ отъ Средняго Государства, но, какъ по одеждѣ можно видѣть, почти ничѣмъ отъ нихъ, пословъ, не различающся. Такъ описывающъ подробности посольства одинъ изъ пословъ — *Тулишевъ*; но вѣроятно ли, чтобы вся цѣль сношеній Кипайскаго Императора съ *Аюкою* состояла только въ *Рабжурь*? Напродивъ, видя въ семъ одинъ слабый предлогъ, скорѣе можно согласишься, что для Кипайскаго Кабинета, озабоченнаго Зюнгарию, нужны были свѣденія о состояніи Калмыцкаго народа и объ отношеніяхъ онаго къ единоплеменнымъ Зюнгарамъ. Кромѣ сего Калмыки могли привлечь къ себѣ посольство и однимъ уваженіемъ, какое они всегда оказывали Кипайскому Богдо-Хану изъ благодарности за дозволеніе проѣзжать владѣніями его въ Тибетъ, или желая, можетъ быть, на всякій случай, имѣть въ немъ сильнаго покровителя. Какъ-бы то ни было, но важность посѣщенія пословъ ясно обнаружилась тѣмъ, что *Аюка* въ бытность ихъ произвольно объявилъ наследникомъ по себѣ сына *Чакдоржана*, и вручивъ ему полученную отъ Далай Ламы

Ханскую печашь, самъ началъ упопреляшь другую (*).

Въ началъ 1715 года Кубанскій Султанъ *Бакши-Гирей* съ шолпами Тапаръ своихъ явился на берегахъ Волги и близъ Аспрахани напавъ неожиданно на Калмыковъ раззорилъ нѣсколько улусовъ, при чемъ самъ Ханъ *Аюка*, пошерявъ собственныя кибитки и имущество, обязанъ спасеніемъ его и жены, опряду Россійскихъ войскъ, собранныхъ тогда въ Аспрахани для похода въ Хиву, подъ начальствомъ Князя Бековича-Черкаскаго. Опрядъ сей, вышедъ въ боевомъ порядкѣ изъ города къ рѣкѣ Болдѣ, принялъ Аюку подъ свою защиту, но основныя движеніе Тапаръ, по причинѣ неравенства силъ и не имѣя особаго повелѣнія, въ дѣло съ ними вступити не могъ, хопи *Аюка* и просилъ о семъ Князя Бековича. Пошеря Калмыковъ главнѣйше соспола въ шомъ,

(*) Аюка имѣлъ ошъ разныхъ женъ 8 сыновей, конкъ имена: *Чакдоржатъ*, *Араптанъ*, *Санжитъ*, *Гунжепъ*, *Гундѣлекъ*, *Церенъ-Дондокъ*, *Галданъ-Данжикъ*, и *Церенъ*. Изъ нихъ 2-й Араптанъ, 4-й Гунжепъ (бывшаго Хана Дондукъ-Омбы ошець, а Князей Дондуковыхъ дѣдъ) и 5-й Гундѣлекъ умерли прежде описываемаго времени.

что зависѣвшіе отъ нихъ Ташары: Джешысаны и Джембулуки уведены были единовѣрцами ихъ на Кубань.

Люка, вооруживъ прошивъ себя Кубанцевъ набѣгами, кошорые могъ относить на счетъ услугъ своихъ Россіи, и оскорбясь, что Князь Бековичъ не нанесъ имъ при помянутомъ случаѣ пораженія, рѣшился мстить Русскому Правительству. Въ семъ намѣреніи отправилъ онъ къ Хивинскому Хану *Ширгазъ* служителя своего Трухменца *Доулата* съ ложнымъ извѣстіемъ, будто Князь Бековичъ подъ предлогомъ посольства ведетъ съ собою войско противу Хивы; а потому Хивинцы, соединясь съ Аральцами и Трухменами, и напавъ на слабый Русскій отрядъ, испребили оный совершенно. Послѣ сего, въ слѣдствіе примиренія *Люки* съ *Бакши Гирежъ*, сынъ перваго *Чакдоржанъ*, вооруженною рукою возвратилъ съ Кубани подвасныхъ отца его Джешысанцевъ и Джембулуковъ, заплашивъ за сіе Кубанскому Султану пѣмъ, что оставилъ при немъ *Зайсанговъ*: *Ноемъ - Омбу*, *Буджана* и другихъ Калмыковъ всего 170 человекъ, для пушеводительства въ Россію. По слѣдамъ

сихъ вожашихъ Кубанцы, проникнувъ въ Пензенскій и Симбирскій уѣзды, произвели въ оныхъ опусхошенія, и взяли въ плѣнь многія тысячи людей; когда же начальники Волжскихъ городовъ, мимо коихъ проходилъ *Бакши-Гирей*, шребовали опъ *Аюки* воинской помощи, по оны опвѣчалъ, что безъ повелѣнія исполнишь сего не можешъ, шакже какъ и Князь Бековичъ-Черкасскій не могъ дѣйствовать прошиву Ташаръ Кубанскихъ, при нападеніи оныхъ на него *Аюку*, подъ Аспраханью (*).

Такого рода поступки указывали на необходимость въ мѣрахъ оспорожности, и пошому въ 1720 году предписано было Аспраханскому Губернатору Волынскому имѣть при *Аюкѣ*, сынѣ его *Чакдоржалъ* и другихъ главныхъ владѣльцахъ, явно и шайно, довѣренныхъ людей, чрезъ кошорыхъ можно было бы знашь и предупредашъ всѣ ихъ вредные замыслы и недопускашь до связей и сношеній съ Турками, Крымцами, Кубанцами и другими народами. Тогда же находился при *Аюкѣ* и драгунскій эскадронъ. Но невзирая на сіи мѣры, внукъ

(*) См. Географ. слов. Госуд. Росс. спашью: *Калмыки*.

Аюки (Гунжеповъ сынъ): *Дондукъ - Омбо*, оспавя жену свою *Калмычку Соломъ*, копорая прежде была за опцемъ его (Гунжепомъ), въ 1721 году вспушилъ въ брачный союзъ съ дочерью Кабардинскаго владѣльца, *Джанъ*, и въ новомъ родствѣ пригошовилъ для Россіи новыи непріятели.

Въ началѣ слѣдующаго 1722 года спаршій сынъ и наслѣдникъ *Аюки*, *Чакдоржалъ*, умеръ и оспавя послѣ себя опгъ разныхъ женъ 12-ти сыновей (*), завѣщаль всѣмъ быти въ повиновеніи спаршаго изъ нихъ *Дасанга*, копорому опдалъ и наслѣдственную печать на Хаисиво, хопя *Аюка* думаль о семъ иначе.

Въ эпо время предприняшій Петромъ I-мъ походъ въ Персію и путешествованіе Волгою въ Аспраханъ доспавили возможность сему Великому Монарху войти лично въ положеніе дѣлъ до Калмыцкаго народа опносящихся. Ханъ *Аюка*, жена его *Дарма-Бала* и дочь ихъ, въ Іюнь мѣсяцѣ 1722 года не далеко опгъ Царицына имѣли счастье предспавляшьяся на ихшѣ Ихъ Величествамъ Императору и

(*) Князь Тайшигъ былъ изъ числа сихъ сыновей Чакдоржапа.

ИМПЕРАТРИЦЪ, и были приняты съ особенною благосклонностію. Здѣсь между прочимъ Государь изъявилъ желаніе видѣть Калмыковъ подъ знаменами своими, и многочисленная Калмыцкая конница, въ числѣ 40 т. человекъ, явилась за Терекъ для наказанія и усмиренія Лезгиновъ, дѣйствовавшихъ въ пользу Персіи. Въ продолженіе пребыванія въ Аспрахани имѣвъ случай подробнѣе узнать свойства *Аюки* и членовъ его семейства, равно какъ и другихъ владѣльцевъ, ПЕТРЪ I, на случай кончины преспарълаго Хана назначилъ преемникомъ ему родственника его *Доржу Назарова*, какъ лучшаго и поспояннѣйшаго изъ всѣхъ тогдашнихъ Калмыцкихъ владѣльцевъ. По опбыши Его Величества въ обратный путь, Генераль-Адмираль Графъ Апраксинъ и Дѣйсп. Тайн. Сов. Графъ Толстой, призвавъ помянушаго владѣльца въ Аспрахань, объявили ему Высочайшую волю, съ тѣмъ, что при возведеніи его на Ханство, онъ обязанъ будетъ опдать сына своего въ аманаты, въ залогъ вѣрности къ Россіи; ибо послѣ многихъ вѣроломствъ *Аюки*, на однѣ клятвы полагаться было невозможно.

Между пѣвмъ *Аюка* имѣлъ свои намѣренія: утвердиль Ханство за однимъ изъ оспавшихся у него двухъ сыновей — *Черенъ - Дондокомъ*. Съ сею цѣлю, желая обезсилить прежняго наследника *Дасанга*, онъ опхлонилъ опъ него родныхъ его братьевъ и въ 1723 году будшо за непослушаніе посылалъ прошивъ него войска, подъ предводительствомъ внука же своего *Дондокъ - Омбы* (сына Гулжепова).

Произведя чрезъ сіе между Калмыками смяшеніе, *Аюка* вначалѣ 1724 года умеръ (*). Правленіе его, продолжавшееся слишкомъ 50 лѣтъ, заключаель въ себѣ самый занимательный періодъ Испоріи Волжскихъ Калмыковъ, предспавляя *Аюку* хипрымъ полипникомъ, умѣвшимъ, не смопря на двусмысленное поведеніе свое, пользовапья расположеніемъ Россіи и поселипья уваженіе къ себѣ не шолько въ спешныхъ владѣніяхъ, но и въ самомъ Кипаѣ. Описавъ рядъ измѣнъ Калмыцкаго народа прошивъ Россіи, копорыя впрочемъ соспоили въ часпныхъ набѣгахъ, происпекавшихъ опъ врожденной склонности къ шому въ семь на-

(*) Онъ жилъ болѣе 80 лѣтъ.

родѣ, нельзя оставишь безъ замѣчанія, что *Аюка* никогда не уклонялся отъ личной покорности его къ Россійскому Двору, и что въ самыя смутныя времена, когда *Аспрахань* была жершвою мяшежей, Ханъ сей не только не увлекался возспаніемъ прошивъ законной власти, но напрошивъ являлъ примѣры особенной вѣрности и преданности. Такъ въ 1705-мъ году въ Іюль мѣсяцъ, когда бунповавшіе спрѣльцы овладѣли городомъ, *Аюка* далъ въ улусть своемъ убѣжище *Мипроподишу Сампсону* (*), и въ то же время *Калмыки* испребили на Волгѣ мяшежниковъ, намѣревавшихся присунуть къ Царицыну (*).

По смерти *Аюки* оставленные имъ неустройства увеличены еще со стороны жены его *Дармы-Балы*, которая обнаружила намѣреніе выйти въ замужество за внука ея *Дондокъ-Омбу* и сдѣлать его Ханомъ. Всѣ сіи обстоятельства могли имѣть послѣдствія

(*) Рукопись: записки *Аспраханской* Иерархин.

(**) Тайша *Мункотелиръ*, разбивъ тогда спрѣльцовъ, наши спамъ обрѣзалъ уши и предспавилъ оныя въ *Сарашовъ* Боярину *Хованскому*, за что производилось ему и дѣшамъ его жалованье. (Изъ дѣлъ *Аспр.* Архива.)

весьма важныя, и Россійскій Дворъ въ шомъ же 1724-мъ году поспѣшилъ опсправить въ Аспраханъ Губернашора Вольтнскаго для водворенія согласія между владѣльцами и объявленія Ханомъ *Доржа Назарова*; но сей владѣлецъ, имѣя въ виду сильныхъ совмѣспниковъ и раздумавъ дашь сына своего въ аманашы, опсказался опгъ Ханспва, предспавляя ближайшими наслѣдниками Аюки: *Дасанга* и *Церень - Дондока*. Послѣ сего, чшобы разрушить недоброжелательные замыслы *Дармы Балы* и внука ея *Дондокъ - Омбы*, Губернашоръ Вольтнскій нашель случай опдѣлать опгъ ихъ паршии *Церень - Дондока* и для успокоенія народа по необходимости долженъ былъ объявить его намѣспникомъ Ханспва, каковое распоряженіе ушверждено и Дворомъ.

Дарма-Бала, видя надежды свои шщепными, не могла опсавашься равнодушною къ неудачамъ и занялась новыми пѣанами, къ коимъ особеннымъ поводомъ служилъ шогда слѣдующій случай: двоюродный брашъ ея Зюнгарскій *Хонгъ-Тайджи* въ 1723 году присылалъ къ Аюки нарочныхъ, предлагая дочь свою въ замужшво за его сына *Церень - Дондока*; но шакъ

какъ *Аюка* вскорѣ умеръ, по она (*Дарма*), подѣ предлогомъ дальнѣйшихъ о семь перегово-
 воровъ, отправивъ къ Хонгъ Тайджъ Зайсан-
 га *Еке-абугай* съ особыми порученіями, скло-
 няла всѣ Калмыцкіе улусы оставишь Волгу и
 опойши въ Зюнгарское владѣніе; однакожь
Шакуръ-Лама, владѣльцы, и самый *Церенъ-Дон-
 докъ*, имѣя въ виду жребій удалившихся въ
 1701-мъ г. отъ *Аюки* спутниковъ *Чинжина*, съ
 шаковымъ желаніемъ *Дармы Бала* не согласи-
 лись и въ 1725 году, выславъ двухъ тысячный
 опрядъ за Уралъ, къ урочищу Тургай, для
 принятія невѣсты *Церенъ-Дондока*, поручили
 развѣдать и о томъ: можно ли симъ путемъ
 ѣздить далѣе въ Зюнгарію и къ Далай Ламѣ?
 Опрядъ сей возвратился чрезъ чепыре мѣся-
 ца безъ невѣсты и доставилъ свѣденія, что
 пущыя и безводныя степи до Тургая и оби-
 шающіе за онымъ народы, полагающъ на озна-
 ченномъ пути непреодолимыя препятствія.
 Наконецъ смерть Хонгъ Тайджи (*Цеванъ Рап-
 тана*) пресѣкла сношенія Волжскихъ Калмы-
 ковъ съ Зюнгарією и *Дарма-Бала* обще съ
Церенъ-Дондокомъ, отправляя въ 1728-мъ году
 къ Далай Ламѣ пословъ *Баторъ-Омбо* и *Намки*

Гелюнга съ дарами для поминовения *Люки*, должна была во избѣжаніе опасностей назначить имъ путь чрезъ Пекинъ, гдѣ они предспавлялись Богдо-Хану (Императору) и по повелѣнію его препровождены въ Тибетъ.

Но внушрненія безпокойства въ Калмыцкой ордѣ не прекращались, какъ этого надобно было и ожидать; ибо слабоспъ Намѣспника и вражда прошивъ него племянниковъ, особенно *Дондокъ-Омбы*, не могли обѣщашъ ничего хорошаго. Скоро своевольства Калмыковъ и производимые ими по Волгѣ грабежи до того увеличались, что въ 1727-мъ году, сверхъ прежнихъ командъ, надобно было назначить еще 900 человекъ Казаковъ для содержанія форпосповъ начиная отъ Сарашова и до Царицына. Главнѣйшимъ изъ дѣйсвующихъ лицъ въ помянутыхъ случаяхъ былъ *Дондокъ-Омбо*, любимецъ *Дармы-Балы*, которъй бывъ нѣкогда женашъ на мачихѣ его *Соломъ*, располагался изъ видовъ полишки жениспъ и на бабкѣ своей, хотя уже имѣлъ за собою, какъ обьяснено выше, Кабардинку *Джанъ*.

Въ шакомъ положеніи находились дѣла, когда Пекинскій кабинетъ въ началѣ 1731 г.

прислалъ къ Россійскому Двору и къ *Церень-Дондоку* посольство для переговоровъ о причинахъ продолжавшейся тогда войны между *Кишаемъ* и *Зюнгарию*, и для вооруженія *Калмыковъ* прошивъ *Зюнгарцевъ*, коими по смерти *Цеванъ-Раптана* повелѣвалъ сынъ его, *Галданъ - Церень*. А какъ достиженіе сей цѣли требовало сильныхъ убѣжденій, то *Кишайскіе* послы, независимо ошъ средствъ ошкрытыхъ, имѣли шайное порученіе, именемъ своего Императора объявишь *Церень - Дондока* дѣйствительнымъ Ханомъ *Калмыцкимъ*; но неуспѣшная предпримчивость *Кишайцевъ* была бесполезна, ибо прежде нежели они пріѣхали въ улусы, *Аспраханскій Губернашоръ Измайловъ*, на луговой споронѣ *Волги* прошивъ *Камышина*, въ присутствіи *Шакуръ Ламы* и прочихъ, вручилъ *Церень - Дондоку* на достоинство *Хана Высочайшую грамоту Императрицы Анны Іоанновны* (ошъ 17 Февраля 1751 г.) (*), приведя его при шомъ и къ присягѣ на вѣрность подданства въ насшощемъ званіи. Послы *Кишайскаго Пове-*

(*) Полн. Собр. Рос. Зап. Т. VIII. N. 5,699.

лишеля возврашались изъ Россіи безъ успѣха, принесли пользу единственно *Церенъ - Дондоку*, кошорый, бывъ наименованъ Намѣспникомъ по необходимости, случайно приобрѣлъ и шипуль Хана.

Между шѣмъ со смершію старшаго сына *Чакдоржапова, Дасанга*, явился новый искашель Ханспва: вшорый сынъ его, обращенный еще при Петрѣ 1-мъ въ Хрисианспво, *Петръ Тайшинъ*, коего восприемникомъ былъ Самъ Великій Монархъ, вѣрояшно во время Персидскаго похода, и въ знакъ особеннаго благоволенія наименовавъ его *Петромъ*, (*) пожаловалъ ему походную церковь и при ней служителей (**). Сей владѣлецъ немедленно по ушверженіи *Церенъ - Дондока* Ханомъ прислалъ къ Императрицѣ просьбу изъясняя, что Ханспво послѣ *Дасанга* по праву рожденія принадлежишь ему, подкрѣплялъ доказательспво сіе и шѣмъ, что при крещеніи былъ обнадеженъ онъ особенною милосшію и покровительспвомъ; но

(*) Географ. Слов. Рос. Госуд. спашья о Спавропольскихъ Калмыкахъ.

(**) Инспрукція Геромовалу Никодиму 1725 Марта 19.

какъ опвѣштъ Кабинета не удовлетворялъ честолюбивымъ его надеждамъ, шо онь соединился съ двоюроднымъ брапомъ *Дондокъ - Омбою* и попомъ оба напали вооруженною рукою на *Церень-Дондока*, кошорый пошерялъ шогда всѣ свои улусы.

Для прекращенія шоль опаснаго возмущенія въ исходѣ 1731-го года опсправлены были въ Калмыцкую орду войска подъ начальствомъ Генераль Поручика Князя Боряпинскаго; но виновный *Дондокъ - Омбо* съ значительною частію улусовъ успѣлъ уйши на Кубань, подъ покровительство Турецкаго Султана, и шолько сообщникъ его, *Тайшинъ*, будучи опрѣзанъ ошъ него вбѣжалъ въ городъ Красный Яръ, гдѣ ареспованъ и взяшъ въ послѣдствіи съ женою его въ Пешербургъ.

Исторія *Тайшина*, шѣсно связанная съ Исторією крещеныхъ Калмыковъ, должна шеперь опвлечь на время вниманіе опъ общаго хода произшесшвій въ улусахъ. Калмыки, во все не питающіе религіознаго фанатизма, начали принимашъ Христіанскую вѣру, какъ можно судишъ по договорнымъ грамошамъ (*), еще

(*) Полн. собр. Рос. Зак. Т. III. N. 1591.

около 1680 года, безъ сомнѣнія бывъ къ сему привлекаемы не столько познаніемъ священныхъ истинъ, сколько особенными видами или общнопшельствами. Въ началѣ 1700 года число обращенныхъ было уже столь значитель- но, что выше Сарашова, на рѣчкѣ Терешкѣ, впадающей въ Волгу, сосшавляли они цѣлую слободу, гдѣ построена была для нихъ и цер- ковь; но Калмыцкому духовенству и владѣль- цамъ не могло это нравиться, и помянутая слобода, по приказанію *Люки* была сожжена, а крещеные Калмыки уведены обратно въ улу- сы (*). Петръ I-й, послѣ крещенія Пешра Пешровича *Тайшина* и многихъ его подвасш- ныхъ, убѣдясь, что для распространенія Хрис- тіанства между Калмыками нужны основанія болѣе швердыя, Указомъ ошъ 19 Апрѣля 1724 г. повелѣлъ Синоду избрать на сей конецъ благонадежныхъ учителей вѣры; въ слѣдствіе чего, по инструкціи 1625 г. Марша 19-го, Иеро- монахъ Никодимъ получилъ назначеніе нахо- диться въ Ордѣ; а 17-го Октябрия того жъ года, сосшоялся Указъ, чтообы Калмыки, при-

(*) Геогр. слов. Рос. Госуд. спашья: *Калмыки*.

нимающіе Св. крещеніе, отправляемы были въ Чугуевъ, для помѣщенія въ число шамопныхъ Казаковъ. Иеромонахъ Никодимъ дѣйствовалъ не безъ успѣха, и въ 1729 году, по донесенію его, Синодъ сообщилъ Правительствующему Сенату на заключеніе, желаніе новыхъ сыновъ церкви: имѣть для жишельска одно отдѣльное мѣсто (*). Такое желаніе въ 1736 году повторилъ и Пешръ *Тайшинъ*, прося поселить его близъ Самары за черпою Закамской линіи, основанной тогда для безопасности отъ Калмыковъ и Киргизовъ, и хопя сей владѣлецъ въ слѣдъ за пѣмъ умеръ, но какъ само Правительство находило отдѣленіе крещеныхъ Калмыковъ отъ некрещеныхъ и осѣдлое первыхъ водвореніе полезнымъ, по просьба о семъ не осталась безъ должнаго вниманія. Въ 1737 году вдова Тайшина, нарѣченная въ Св. крещеніи *Анною*, получила отъ Императрицы Анны Іоанновны шишудъ Княгини и право быть главою всѣхъ обращенныхъ въ Православную вѣру ея соопечесвенниковъ; въ согласность чего тогда же предписано Саратовскому Вое-

(*) Указъ Св. Синода 1729 Апрѣля 17.

водѣ Беклемишеву, вызвавъ изъ Аспрахани, Царицына и прочихъ городовъ всѣхъ крещенныхъ Калмыковъ, поручилъ Полковнику Змѣеву, вообще съ Княгинею *Тайшиною*, препроводилъ ихъ на рѣку Сокъ, подъ дирекцію Спашскаго Совѣтника Кириллова, на кошорого возложено было избрать удобное мѣсто для построения переселенцамъ крѣпости и жилищъ. Висѣлъ съ симъ опредѣлено производить Княгинѣ ежегодно по 500 руб., кромѣ хлѣба; а равно положено приличное содержаніе Зайсангамъ ея и прочимъ лицамъ, назначеннымъ для содѣйствія ей въ управленіи переселенцами (*).

Всѣ сіи распоряженія исполнялись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Тайнаго Совѣтника Тапищева и Аспраханскаго Вице-Губернатора Соймонова. Для обитанія Княгини *Тайшиной* избрано урочище близъ Волги на олдѣлившемся отъ нея рукавѣ, именуемомъ *Кунью Воложкою*; здѣсь усстроена крѣпость,

(*) Указъ Правит. Сената 1737 года Апрѣля 18 и Докладъ Кабинета Декабр. 7 дня 1738. г.

названная (по Указу 1739 г. Мая 14) Сшаврополью (*).

Съ сего времени крещеные Калмыки были предметомъ непрерывныхъ попеченій Правительсшва, желавшаго видѣль въ нихъ осѣдлыхъ Христіаць — земледѣльцевъ. На сей конецъ опшведены имъ (въ нынѣшнемъ Самарскомъ уѣздѣ) богашѣйшія земли между рѣками Сокомъ и Кондурчею; поспроены селенія и церкви и независимо опъ различныхъ пособій, выданныхъ при начальномъ обзаведеніи, опшускался казенный хлѣбъ для засѣва полей; а дабы приучилъ ихъ къ земледѣльческимъ заніиамъ и хозяйсшву, для сего назначались къ нимъ Русскіе работники, коимъ содержаніе производилось шакже опъ казны (*). Число крещеныхъ Калмыковъ увеличено въ особенншц въ 1743 и 1744 годахъ, многими семейсшвами, переведенными съ Дона и изъ Оренбурга, гдѣ исключая просшолоудиновъ приняла законъ Христіанскій владѣльцы: Дербешевскій

(*) Нынѣ угадный городъ Симбирской губерніи, и нынѣшнш Шшабъ - Квартира Сшавропольскаго Калмыцкаго войска.

(*) Указъ Правит. Сенаша 1739 Января 15 и опредѣленіе онаго 1745 года Января же 22 и 23 ч.

Чиданъ (*) и Торгоушовскіе *Люша* и *Тундутъ*, изъ коихъ *Люша* нарѣченъ *Пепромъ*, а *Тундутъ* *Павломъ*, съ фамиліею Торгоушскихъ (**). Въ поже время (16 Декабря 1744) въ С. Петербургѣ крестилось семейство *Додокъ-Омбы*, причемъ жена его, бывшая уже вдовою, *Джанъ*, нарѣчена *Вярою*; дочери: *Бунигара-Надеждою* и *Делекъ-Любовью*, и сыновья: *Рандуль-Петромъ*; *Добда-Алексемъ*; *Асарай-Ионою*, и *Джабасаръ-Филлипомъ*. Восприемницею ихъ ошъ Св. купеди извоила бышь Императрица *Елисавета Петровна*.

Въ 1744-мъ году *Ставропольская* крѣпость съ *Калмыками*, коихъ было обоего пола 3,330 душъ, послушила въ зависимость *Оренбургскаго Начальства*; (***) а въ послѣдствіи помянутые *Калмыки* обращены въ *Казакъ* и сославляющъ особое *Ставропольское Калмыцкое войско*, причисленное къ *Опдѣльному Оренбургскому Корпусу* (****).

(*) Указъ 29 Декабр. 1743 г.

(**) Обзорніе достопамят. Оренбург. край.

(***) Указъ Ноября 12 дня 1744 г.

(****) *Калмыки* сін. (говоря о простолодинахъ) почти ни какъ не разнятся ошъ *Калмыкомъ*, обитающихъ въ *Астрахань*.

Заключая симъ извѣстія о началѣ Христіанства между Волжскими Калмыками и объ опредѣленіи крестившихся оныхъ прочихъ, надлежитъ обратиться къ симъ послѣднимъ. Генераль - Поручикъ Князь Боряпинскій, какъ сказано выше, поймавъ Пепра *Тайшина*, спарался возвратиться съ Кубани и *Дондохъ-Омбу*; но сей владѣлецъ нехотѣлъ внимать никакимъ убѣжденіямъ и продолжалъ вредить Россіи. Самъ онъ и сынъ его *Галданъ-Норба* попеременно приходили для грабежей на Донъ и Волгу, брали въ плѣнъ Русскихъ и переманили къ себѣ большую часть Калмыцкихъ улусовъ. *Церенъ-же Дондохъ*, — не умѣвъ поддержать власни своей, и оспаваясь только при одномъ имени Хана, предался непокорному пѣянству. Послѣ всего этого къ водворенію въ Калмыцкой Ордѣ порядка не

ской губерніи. Они также ведутъ жизнь кочевую и занимаются скотоводствомъ, а о хлѣбопашествѣ, кажешся, никогда не думали и не думаютъ, отдавая пожалованныя имъ для сего земли, равно какъ луга, лѣсъ и воды изъ оброка Русскимъ крестьянамъ ближайшихъ селеній, что доставляетъ самимъ имъ возможность быть счастливыми арендаторами. По крайней мѣрѣ въ такомъ положеніи находились они до 1817 года, когда случилось мнѣ быть въ ихъ улусахъ.

оспавалось много средспва, какъ призывалъ *Дондокъ - Омбу* на какихъ бы по условіяхъ ни было. Посему, въ 1744-мъ году опсправленъ былъ къ нему на Кубань Донской спаршина (бывшій попомъ Тайнымъ Совѣльникомъ) Данило Ефремовъ съ увѣщательною грамошою и обнадеженіемъ въ опспущеніи вины его. *Дондокъ - Омбо* изъявилъ гошовность возврашиться на Волгу, но съ шѣмъ, чшобы присоединившіеся къ нему улусы поспороннихъ владѣльцевъ оспавлены были при немъ, и чшобы поручена ему была главная власпъ надъ всѣми Калмыками, исключая крещеныхъ, копорыхъ предоспавлялъ подчинить владѣльцу *Петру Тайшижу*; а какъ условія сіи приняпы, по онъ не замедлилъ выполнитъ желаніе Правительспва и по возвращеніи на прежнее кочевье, на основаніи **ВЫСОЧАЙШЕЙ** Грамошы, соспоявшейся въ 7-й день Марша 1735-го года, чрезъ Аспраханскаго Губернашора Измайлова объявленъ *Главнымъ Калмыцкаго Народа Управителемъ*. Между шѣмъ *Церень - Дондокъ*, опрѣшеный, какъ изьяснено въ Грамошѣ, за *слабость*, и попому чшоп спился, вызванъ въ Пешербургъ, гдѣ и умеръ.

Доспитнувъ шакимъ образомъ цѣль своей, *Дондокъ-Омбо* желалъ показашь, что онъ достоинъ власни ему дарованной. Сей новый **Правишель** водворилъ въ улусахъ порядокъ и поселилъ согласіе между владѣльцами, оспаннись впрочемъ личнымъ врагомъ двоюроднаго брата (сына *Чакдоржапова*) *Дондокъ-Даши*, кошораго ненавидѣлъ за то, что онъ оплнчался поспоянною преданносцію къ Россіи во время ухода его (*Дондокъ-Омбы*) на Кубань. Въ 1736-мъ году, по случаю войны съ Турками, *Дондокъ-Омбо*, предводншельсвуя сильнымъ корпусомъ Калмыковъ, съ большою пользою дѣйсшвовалъ прошивъ Крыма, за что, и вообще за добропорядочное управление Калмыцкимъ народомъ, **ВЫСОЧАЙШЕЮ** Грамошою 11-го Авгусна шого жъ года, повелѣно производншь ему въ жалованье, сверхъ прежняго оклада, по 2,500 руб. и муки по 1,000 чешвершей на годъ (*), а равно назначены годовые оклады

(*) Прежній окладъ, какимъ пользовались еще *Аюка* и *Церенъ Дондокъ*, сосшоль изъ 1,000 руб. и 2,000 чешв. муки. Сверхъ сего означенные Ханы получали: вино, шабакъ, медъ, нихирь (виноградное вино), порошокъ, свинець, спаль и седишпру. Въ Аспрах. Архивѣ дѣло 1731 г. нодъ N. 6-мъ,

и прочимъ владѣльцамъ, какъ по: брату его (Дондохъ Омбы) *Бакшургу* 300 руб., сыну Галданъ-Нормъ 300 руб., зяню *Сербетею* 100 руб., Дордже Назарову и дѣшямъ его *Лубиже* и *Баю* 600 руб., Чешерю и дѣшямъ его *Лабанъ - Дондоху* и *Тунгъ Дордже* 300 руб. *Соломъ Дордже* съ дѣшьями 200 руб., *Лекъ - Бейю* 100 руб., и *Вату Чахдоржапову* 100 рублей. Въ слѣдъ за симъ произведенные Калмыками съ часпю Донскихъ Казаковъ воинскіе пожки надъ Кубанцами, и совершенное пораженіе сихъ послѣднихъ, нанесенное имъ въ полѣ и въ самыхъ жилищахъ ихъ на берегахъ Кубани, — приобрѣли *Дондохъ - Омбъ* новое благоволеніе: въ 1737 году нарочно посланные отъ Двора Оберъ - Шперъ Кригсъ-Коммисаръ Федоръ Соймоновъ и Донской спаршина Ефремовъ вручили ему ИМПЕРАТОРСКУЮ Грамошу на Ханское достоинство и знаки онаго: знамя, саблю, шубу и шапку собольи (*).

Облагодѣшпельствованный поликими милоспями *Дондохъ-Омбо* не преспавалъ однако же,

(*) См. Поля. Собр. Рос. Зак. Т. X. N. 7191

по внушенію вѣры и по примѣру предшеспвенниковъ его, признавалъ выше всякой власпи на землѣ — волю Далай Ламы, и пошому въ помянушомъ же году, испросивъ у Правительсшва дозволеніе отправишь въ Тибешъ посольсшво, будшо бы для пошребносшей духовныхъ, имѣлъ скрышное желаніе предоспавишь Далай Ламѣ назначеніе по немъ наслѣдника, изъ сыновей его. Посольсшво сіе, по вѣкопормымъ преняшспвіямъ, вспрѣченнымъ на пути, не могло достигнуть мѣста своего назначенія; а между тѣмъ старшій сынъ *Дондокъ-Омбы, Галданъ-Норма* проникнувъ, что намѣренія опца его клонились въ пользу меньшаго сына *Гандула*, рожденнаго опшъ Кабардинки *Джанъ*, въ 1738 году произвелъ въ Калмыцкомъ народѣ возшпаніе, кошорое угрожало Хану величайшею опасносшію и прекращено единсшвенно спрогосшію мѣрѣ, приняныхъ по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны. *Галданъ-Норма*, коего поведеніе прошивъ опца, по не обнаруженію вначалѣ испинныхъ причинъ, казалось виновнымъ, удаленъ изъ улусовъ и умеръ, содержась въ Казани.

За симъ, спусшя около шрехъ лѣшъ, въ

1741-мъ году послѣдовала кончина и самаго *Дондокъ-Омбы*, копорый умирая поручилъ правленіе народомъ десятилѣтнему сыну своему, помянутому *Рандулу*, обнаруживъ, что о пожалованіи его въ Ханы просилъ уже онъ и *Далай Ламу*; а вмѣстѣ съ шѣмъ мать *Рандула*, хотя обратилась съ просьбою о семъ же къ *Правишельспву*, но прежде нежели получила отвѣтъ, рѣшилась утвердить правѣ сына ея на Ханство, мѣрами насильственными, и перенесла въ *Калмыцкія степи* кровавыя слѣзы своей опчизны, при чемъ наспоившій наследникъ *Галданъ-Данжинъ*, сынъ *Люки*, а *Церенъ-Дондока* братъ, пользовавшійся народною любовію и слѣдовательно болѣе для *Рандула* опасный, а равно изъ первыхъ владѣльцевъ *Бай*, *Дорджи Назарова* сынъ, и дядя его *Убаша* лишены жизни. Всѣ сіи причины были слишкомъ доспапочны, чтобы жену *Дондокъ Омбы*, *Джанъ* и дѣшей ея къ правленію улусами не допускашь, и потому опсправленный въ *Аспраханъ Тайный Совѣтникъ Тапищевъ*, съ помощію воинской силы преодолевъ всѣ препятствія, объявилъ Намѣспникомъ Ханства владѣльца *Дондокъ-Дашу*, сына *Чакдоржапова*,

копорый за смерцію большихъ его братьевъ: *Дасанга* и *Петра Тайшина*, оставался надъ прочими братьями старшимъ, и какъ посему, такъ и по оказанной къ Пресполу, во время мяпежей *Дондокъ-Омбы*, вѣрности, имѣлъ право на Ханское даспоинство. Владѣлецъ сей, по неудовольствіямъ съ означеннымъ *Дондокъ-Омбою* еще въ 1739 году испросивъ дозволеніе удалился для кочевья за рѣку Самару, при наступившемъ случаѣ вызванъ былъ въ С. Пешербургъ, и на опускной аудіенціи, въ знакъ Высочайшей милости, удостоился получить осыпанный алмазами, поршрешъ Императрицы Елисаветы Петровны.

Между шѣмъ Тайному Совѣшнику Ташищеву было предписано прежнюю Ханшу *Джанъ* и дѣшей ея, если будетъ возможно, взять и подъ присмотромъ отправить въ Казань; но какъ въ исполненіи сего встрѣтились неудобства, по помянутой Ханша съ семействомъ оставлена въ собственномъ мужа ея *Багоцхуровско* улусѣ, съ назначеніемъ ошъ казны ежегоднаго жалованья по 500 руб. и по 1000 чешвершей ржаной муки. За всѣмъ симъ *Джанъ* не хотѣла опказаться ошъ своей цѣ-

ли, и зимою 1642 года бѣжала съ дѣтьми и съ 700 кибитокъ Калмыковъ въ Кабарду, откуда посылала къ Персидскому Шаху, Надиру, нарочныхъ, съ просьбою объ опобраніи Калмыцкаго народа опъ Намѣсника Ханспва, и объ опдачѣ онаго въ ея распоряженіе, обѣщая за сіе служивъ уже ему; каковѣй обѣщъ и сынъ ея *Рандуль* ушвердилъ присягою. Вскорѣ однакожъ, видя несбыточность споль метпапельныхъ желаній, *Джанъ*, по убѣженію Ташицева возвратилась въ Аспраханъ; но по причинѣ новыхъ безпокойствъ въ улусахъ, ваяпа въ С. Пешербургъ, гдѣ въ послѣдствіи, какъ изложено выше, со всѣми дѣтьми приняла Св. крещеніе, бывъ пожалована пинпуломъ и фамилією *Княгини Дондуковой*. Сыновья ея: *Петръ*, *Алексій*, *Іона* и *Филипъ* воспитывались въ Кадепскомъ корпусѣ, изъ коихъ *Петръ* скончался послѣ всѣхъ въ 1783 году, въ чинѣ Полковника, проживая Аспраханской губерніи въ городѣ Еношаевскѣ; что же касається до дочерей: *Надежды* и *Любви*, то первая изъ нихъ еще въ 1744 году скончалась, а послѣдняя въ 1750 году, по Высочайшему соизволенію, выдана въ замужство въ г. Сшаврополь, за вла-

дѣльца памошнихъ крещеныхъ Калмыковъ ,
Ивана *Дербетева* (*).

Когда такимъ образомъ прекращены без-
покойства со стороны семейства *Дондокъ-Ом-*
бы въ 1745-мъ году обнаружилась тайная сно-
шенія Зюнгорцевъ съ женою Аюки, *Дармою-Ба-*
лою, которая не переспавала мысли о воз-
вращеніи въ Зюнгарію и имѣла переписку съ
находившимся тамъ брапомъ ея, *Гомангъ-Ла-*
мою. По поводу сего она взята была въ Сара-
повъ; но во уваженіе ходапайства внука ея,
Намѣшника *Дондокъ-Даши*, и изъ снисхожденія
къ спаросни лѣтъ ея въ 1747 году опущена
обратно въ улусы. Въ сіе самое время поступ-
ки Калмыковъ вообще спановились съ часу на
часъ не благонамѣреннѣе и сомнительнѣе: сна-
чала увеличили они грабежи по Волгѣ и препяп-
сиволамъ всѣмъ, не только торговымъ, но и
начальственнымъ сношеніямъ съ Аспраханью,
имѣя для развѣздовъ водою лодки и для неча-

(*) Принадлежавшіе фамиліи *Дондокъ-Омбы* улусы: Багоцо-
хуровскій и Эркепеневскій, наследниками Князя Алексѣя Дон-
дукова въ 1786 г. уступлены казнѣ, въ замѣтъ коихъ пожало-
ны имъ въ Могилевской губерніи 1,984 души крестьянъ, кро-
мѣ пенсіи.

янныхъ нападеній на проѣзжающихъ скрыва-
 ясь между оспрововъ и кустарниковъ; а по-
 номъ Аспраханскій Губернашоръ Брыакмиъ
 доводилъ до свѣденія Коллегіи Иностранныхъ
 Дѣлъ, что самъ Намѣстникъ Хансва, кочуя
 въ *Рынь Пескалъ* намѣренъ со всею Ордою пе-
 рейши р. Уралъ, разбиши Киргизцевъ и оп-
 ворипшъ себѣ пушь въ Бухарию, Персію или
 Зюнгарию, и что всѣ владѣльцы собирающія
 къ нему по ночамъ для совѣщаній (*). Колле-
 гія, размошрѣвъ сіи свѣденія, по принятымъ
 ею соображеніямъ, побѣгъ Калмыковъ призна-
 ла невозможнымъ; но между тѣмъ усшроеніе
 въ 1748 году Нижнеуральской линіи служило
 прошивъ подобныхъ замысловъ досшашочною
 мѣрою.

Въ 1757-мъ году *Дондокъ-Дашу* ушверженъ
 опшъ Россійскаго Двора дѣйспвишельнымъ Ха-
 номъ, а сынъ его, шринадцати лѣтній *Убаша*,
 Намѣстникомъ Хансва, о чемъ шоржесшвен-
 но объявлено имъ 30 Ашрѣля 1758 года, въ при-

(*) Мѣшныя Начальства Аспраханскаго и Оренбургскаго
 края для сохраненія взаимной переписки о намѣреніяхъ и дви-
 женіяхъ Калмыковъ въ шайнѣ, на случай перехвата бумагъ, вы-
 нуждены были упошреблять особенныя буквы.

сущствѣмъ многочисленнаго народа, близъ Чернаго Яра на Соляномъ Займищѣ (*). Казалось чшо послѣ сего дѣла Калмыцкія получили прочное успроисво; но съ смертію *Дондокъ-Дашу*, послѣдовавшей въ 21-й день Января 1761 года, въ улусахъ возникли вновь непріянности; ибо внукъ *Дондокъ-Омби*, (рожденный отъ старшаго сына его *Галданъ-Норби*), *Цебекъ-Доржа* не хотѣлъ признавать надъ собою власни Намѣсника Хансва *Убашу*, пошому, чшо былъ старше его лѣтами и считалъ прямымъ наслѣдникомъ Хансва не *Убашу*, а себя. Не скрывая шакого образа мыслей, онъ, подъ предлогомъ собственнѣй опасності въ Ордѣ, удался съ брашомъ своимъ *Аксагаломъ* и съ 65-ю Калмыками на Донъ въ Черкасскъ, откуда вызванъ былъ въ Пешербургъ и наконецъ возвратился въ улусы съ покорностію къ Намѣснику Хансва на словахъ, и съ сокроленною злобою въ сердцѣ, какъ прошивъ него, такъ и прошиву Правительсва. Здѣсь

(*) Журналъ Губернатора Жилина, помѣщенный въ концѣ сей главы, предшалается подробності сего событія, сопрѣождашагося особенною церемонією.

подъ личною преданности, умѣлъ онъ снискавъ полную довѣренность юнаго *Убаши* (кому было 17 лѣтъ) и съ помощію *Ламы Лоузангъ-Далжина*, владѣльца *Сереня* (*) и прочихъ, поселилъ въ немъ мысля и чувствва, которыя имѣли послѣдствія самыя гибельныя.

Нѣкоторое ограниченіе правъ Намѣстника въ отношеніи къ членамъ народнаго суда *Зарго*, было первымъ и ближайшимъ средствомъ къ возбужденію въ легковѣрномъ *Убашѣ* неприязненнаго прошивъ Россіи расположенія, какое не трудно было внушить и прочимъ владѣльцамъ, указавъ имъ съ невыгодной точки на учрежденіе со стороны Урала, Самары, Царицына и Терека военныхъ линій, и на расположеніе по Волгѣ, отъ Аспрахани до Саранова, Казачьихъ станицъ, такъ какъ все это своевольнымъ Калмыкамъ не могло нравиться. Въ семъ положеніи вещей, распущенные около 1770 года не благонамѣренными людьми слухи, о мнимомъ предположеніи Начальства взять значительную часть земель Калмыцкихъ въ

(*) Не давно пришедшаго отъ р. Или, послѣ совершеннаго паденія Зюнгарія.

казну, а самихъ Калмыковъ обратили въ военную службу — утвердили *Убашу* въ намереніи удалиться изъ Россіи; а личное неудовольствіе его противъ завѣдывавшаго тогда Калмыцкими дѣлами Генераль-Маіора Кишенскаго, ускорило исполненіе сего предпріятія.

Русскіе чиновники, находившіеся въ улусахъ, замѣтивъ между Ханомъ и владѣльцами необыкновенные сѣзды, проникли тайны ихъ и доносили, что они приговариваются къ побѣгу; но Генераль-Маіоръ Кишенской, къ неодобрительному обращенію его съ Ханомъ, присоединилъ неумѣстное равнодушіе къ упомянутымъ свѣденіямъ, и даже вопреки предсавленіямъ Губернатора Бекешова, увѣрялъ Правительство въ неосновательности сихъ свѣденій. Между тѣмъ Калмыки для прикрытія движенія своего собрали до 20 тысячъ вооруженныхъ всадниковъ и ожидали зимы, чтобы съ наступленіемъ морозовъ сосредоточивъ всю Орду на лѣвой сторонѣ Волги, немедленно отправиться въ путь. Надобно однакожь было случиться, что теплая зима не благоприятствовала замысламъ Калмыковъ: наступило 1-е число Января 1771 года,

а Волга не покрывалась еще льдомъ, и *Убаши* съ большою частію народа, находясь на лѣвой сторонѣ сей рѣки, щепотно надѣялся соединиться съ нѣкими улусами, копорые кочевали на правой сторонѣ, и наконецъ 5 Января, слишкомъ съ 30 ш. кибяшокъ (*), двинулся къ Уралу, побуждаемый къ поспѣшности нѣмъ болѣе, что Губернаторъ Бекешовъ незадолго предъ симъ отправился въ С. Пешербургъ для личныхъ донесеній по сему предмету.

Первые дни побѣга были для Калмыковъ днями празднества; ибо они, захвативъ съ собою множество Армянскихъ и другихъ купцовъ съ поварями, виномъ и съѣшными припасами, не имѣли недоспапка въ наслажденіяхъ. Во время ночлеговъ необозримое пространство ихъ спана, охраняемое пикетами, озарялось безчисленнымъ множествомъ огней и оглашалось шумнымъ веселіемъ народа, копорый въ жалкомъ заблужденіи спремился къ бѣдствіямъ. Такъ шли Калмыки до Урала; но съ первымъ шагомъ за сію рѣку очарова-

(*) Такъ видно по дѣлу; но Калмыки уверяють, что съ 70 ш.

ніе ихъ изчезло: здѣсь повсюду окружаемы они были враждебными имъ Киргизъ-Кайсаками, и каждый день несли величайшія пощери въ людяхъ, скотѣ и имуществѣ, такъ, что вскорѣ споржесиво ихъ превратилось въ опчашіе и, по свѣденіямъ оспавленнымъ людьми бывшими у нихъ въ плѣну, одно слово: *прощеніе*, доспашочно было бы возвратишь ихъ на Волгу. Въ споль горесшномъ положеніи, съ неперпвнємъ ожидаи самага преслѣдованія Рускихъ, которые могли бы взять ихъ подъ свою зашщпу, нерѣдко замедляли они движеніе свое; но прешерпввая чрезъ сіе большее пораженіе, должны были, не перяя времени пробивалься въ передъ, по направленію къ р. Или. Уральскіе Казаки имѣли при семъ случаѣ ближайшую возмощносшь прошивуспалъ Калмыкамъ и оспановишь ихъ, или опсправишь за ними въ погоню: но къ сожалѣнію они сами опказались въ шо время опъ повиновенія Начальспву; а за шѣмъ хопя высшупили было въ Киргизскую степь Казаки Оренбургскіе; однакожъ, по недоспашку корма для лошадей, возвратились безъ успѣха. Вмѣсто ихъ, уже въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, опсправленъ былъ

113.
 опрядъ регулярныхъ войскъ, подъ командою
 Генераль-Маюра Траубенберга, которъй, до-
 шедъ до горъ Улы, равномерно принужденъ
 былъ возвратиться, не имѣвъ возможности
 наступить Калмыковъ въ ихъ послѣднемъ
 бѣгствѣ.

Намѣстникъ *Убаша* и сопровождавшіе его
 владѣльцы: *Цебекъ-Доржа*, *Серень*, *Гунге*, *Ма-*
мынжа, *Шара-Кеукунъ*, *Целе*, и нѣкоторые
 другіе, на пути отъ береговъ Волги до Или, ис-
 пыщавъ всѣ ужасы убійства и грабежей со
 стороны Киргизцевъ и Бурушовъ, и лица съ
 болѣе половины народа, съ слабыми оспапка-
 ми явились на границахъ Кипая, для того,
 чтобы сдѣлаться навсегда вассалами Кипай-
 скаго Императора, при чемъ подвластные имъ
 Калмыки раздѣлены по разнымъ Канонамъ
 Илійской области и частію обращены въ
 сословіе земледѣльцевъ, съ порученіемъ
 ихъ строгому надзору Кипайскихъ Чиновни-
 ковъ; а за симъ въ предѣлахъ Россіи оспа-
 лись удержанные Волгою владѣльцы: Пол-
 ковникъ Князь *Дондуковъ*, *Цаганъ-Кичикъ*,
Маша, *Цагалай*, *Цаганъ*, *Тюмень*, *Джаль-*
чинъ, *Нохонъ-Кюбень* съ брашомъ, *Габунъ-*

Намки, Санджиль, Ценденъ-Доржа и жена владѣльца *Яндыка*, вдова *Бютека*, у коихъ, по показанію ихъ, соспояло тогда подвластныхъ до 13,000 кибитокъ, или семействъ.

Съ побѣгомъ *Убаши* званіе Хановъ и Намѣстниковъ Калмыцкихъ упразднилось, и каждый оставшійся владѣлецъ завѣдывалъ улусомъ своимъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ мѣстныхъ Начальствъ, какъ о семъ объяснено въ главѣ XIV объ Управленіи и Судопроизводствѣ.

Въ 1799-мъ году большая часть Калмыковъ Большедербешевского улуса, зависѣвшихъ издавна отъ Начальства Донскаго Казачьяго войска, перекочевала отъ Дона внутрь степей, въ сосѣдство къ улусу Малодербешевскому. Случай сей подалъ поводъ къ нѣкоторому измѣненію въ образѣ управленія помѣнуемымъ Большедербешевскимъ улусомъ, который однакожь все еще оставленъ былъ подъ вліяніемъ Войскаго Начальства; но въ 1800-мъ году владѣлецъ Малыхъ Дербешей *Чугей* и Лама *Собинъ - Бакинъ*, прибывъ въ С. Пешербургъ исходатайствовали у Императора Павла Петровича Высочайшее соиз-

воленіе, копорымъ въ 9-й день Августа даровано Калмыцкому народу право: а.) избиратьъ себѣ Начальника; б.) бытъ независимыми отъ Донцевъ; с.) зависѣть непосредственно отъ ГОСУДАРЯ; д.) переписываться непосредственно съ НИМЪ; е.) по дѣламъ имѣть сношенія съ Иностранною Коллегіею, и ф.) по землямъ и проч. съ Генералъ Прокуроромъ. Въ слѣдъ за симъ Высочайшими грамотами, состоявшимися 14 Октября того же 1800 года, *Чугей* возведенъ въ Намѣстники Ханства, а *Сабинъ-Лама* утверждёнъ въ достоинствѣ первосвященника, при чемъ пожалованы имъ: первому — знамя, сабля, панцырь, шпашакъ и собольи шуба и шапка; а второму шуба же и посохъ. Сверхъ того возстановленъ судъ *Зарго*, дозволено свободное отправленіе Богослуженія по Ламайской вѣрѣ, подтверждены всѣ древнія права народа и упрочено владѣніе онаго землями отъ Царицына по рѣкамъ: Волгѣ, Сарпѣ, Салу, Манычу, Кумѣ и по взморью.

Въ Божѣ почивающій Государь Императоръ Александръ I-й по возшествіи на Престоль подтвердилъ означенныя права и преи-

мущесства во всей ихъ силѣ, оставивъ дѣла до Калмыцкаго народа относящіяся въ заведываніи Коллегіи Иноспранныхъ Дѣлъ; а Высочайшимъ Указомъ 16 Мая 1806 г. положительно назначены земли Калмыцкаго владѣнія (*) и, между прочимъ, повелѣно, для наполненія скопа нарѣзашъ къ Волгѣ изъ частныхъ дачъ прогонныя мѣсца.

Непосредственно за симъ, въ 1807 году, скончался Намѣстникъ Ханства *Чугей*, послѣ котораго въ Калмыцкой Ордѣ Намѣстниковъ уже не было.

Въ 1825 году издано особое Положеніе для управленія Калмыцкимъ народомъ (**).

Наконецъ благополучно царствующій ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ, ВЫСОЧАЙШЕЮ грамошою въ 21-й день Апрѣля 1828 года, утвердивъ права, Августѣйшими предшественниками ЕГО Калмыкамъ дарованныя, въ знакъ особеннаго МОНАРШАГО благоволенія ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ пожаловашъ соизволилъ національному Калмыцкому

(*) Такъ какъ значится на картѣ.

(**) См. главу XIV. *Объ Управленіи.*

суду *Зарго* золопую печапъ, конпора и хра-
нипса въ семъ судилищѣ, въ городѣ Енопа-
евскѣ.

Нынѣ Правительству, въ поспоянной за-
боплавоспи о благоденспвіи Калмыковъ, ру-
ководспвуютъ долговременными наблюдѣніями
и опытами, занимаеппса усовершенспвованіемъ
поспановленій, какъ по части управленія по-
мянутымъ народомъ, такъ и опносипельно
водворенія между онымъ посшепеннаго обра-
зоваціа.

Выписка изъ журнала Астраханскаго Губернатора Жилина, о томъ, какимъ образомъ въ 1758 году происходило объявленіе Хану Калмыцкому Дондукъ - Дашь, о пожалованіи его въ сіе достоинство, а сына его Намѣстникомъ Ханства.“

„Аспраханскій Губернаторъ по предварительному съ Ханомъ соглашенію чрезъ письма и чрезъ Ассесора Бакунина (*), чпобъ имъ для того съѣхаться ниже Чернаго Яра при урочищѣ, называемомъ Соляное Займище, 23-го Апрѣля повѣхалъ изъ Аспрахани, взявъ съ собою для ассиспенціи шамошняго гарнизона Полковника Юнгера и нѣсколько Оберъ-Офицеровъ, а при шомъ одну роту гренадерскую и при полковныя пушки, и музыку полковую, шакже нѣкошорое число Казаковъ и Ташаръ; а между шѣмъ и Ханъ шогда же изъ степи къ шому мѣспу приближался.“

(*) Присланныаго изъ Коллегіи Иноспрачныхъ Дѣлъ.

„28-го Апрѣля прибылъ Губернапоръ къ оному, попомъ ошъ Хана присланы были къ нему двое изъ знашныхъ его Зайсанговъ, съ поздравленіемъ, а за шѣмъ и самъ Ханъ къ шому жъ мѣспу въ шопъ день дошелъ, и расположился ошъ Губернапорской спавки въ вершѣ. Впрочемъ бывшій до шого времени при Ханѣ Ассесоръ Бакуинъ Губернашора и словесно шогда увѣдомилъ, что онъ его Хана склонилъ, дабы онъ былъ у Губернашора на визитѣ первой.“

„И шакъ послѣ полудня въ шопъ же день посыланъ былъ ошъ Губернашора къ Хану берлинъ, цугомъ заложенный, при одномъ Капишанѣ, а предъ берлиномъ было шесшь человекъ гренадеръ, въ кошорой Ханъ къ Губернашору и прѣзжалъ, имѣя на себѣ еще на предъ сего Всемилостивѣйше пожалованной ему Ея Императорскаго Величества поршрешъ, а сынъ его ѣхалъ при немъ верхомъ, и при нихъ Калмыкъ было до пяши тысячъ человекъ.“

„Во время приближенія ихъ къ Губернапорской спавкѣ опдана была ошъ караула шесшь, безъ барабаннаго боя, при чемъ и вся

бывшая при Губернаторѣ команда спояла въ парадѣ, а предъ спавкою вспрѣшилъ ихъ Полковникъ Юнгеръ съ Оберъ-Офицерами; Губернаторъ же принялъ ихъ въ спавкѣ вспавъ съ кресель, и посадилъ Хана по лѣвую себя сторону въ кресла жъ; а сына его подлѣ отца на спуль.“

„Губернаторъ, по выспулненіи изъ спавки Офицеровъ и Зайсанговъ, при Ханѣ бывшихъ, далъ имъ прочеспъ жалованную Ея Императорскаго Величества грамопу, и объявительную къ народу, и присяги, какія онъ съ сыномъ учинилъ имѣющъ, копорые Ханъ и съ сыномъ споя и снявъ шапки чинали.“

„По прочпеніи всего шого вспавъ Ханъ съ мѣспа, а по приказу его и сынъ, и говоря при шомъ, что резиденція Ея Императорскаго Величества, какъ ему мнилъся, лежилъ онѣ ихъ на Воспокъ, припали оба на колѣни и произнося Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее благодареніе, и обѣщаясь со слезами по жизнь ихъ служилъ безъ всякой ошмѣны, въ шу сторону проекрашно въ землю кланялись.“

29-го Апрѣля сдѣлалъ Губернашоръ Хану консправизишу имѣя при себѣ Подковника Юнгера, Ассесора Бакунина, Офицеровъ и Секретаря, а по споронамъ берлина его шли 24 человекъ гренадеръ пѣшіе, безъ ружей, шокмо въ палашахъ, да и въпереди ѣхали шесть человекъ драгунъ, при одномъ уншеръ-офицерѣ, а при шомъ Казаковъ и Ташаръ человекъ до сна.“

„Предъ Ханскою кибиткою поставленъ былъ зеленый намешъ, у кошораго на дворѣ вспрѣчали Губернашора Ханскіе Зайсанги; а у переднихъ онаго дверей и самъ Ханъ вспрѣшилъ и просилъ Губернашора, чшобъ онъ первый и въ кибитку вспушилъ; бывшіе же шогда въ кибиткѣ Ханша и сынъ его, шакже и Зайсангскія жены при входѣ Губернашора съ своихъ мѣспѣ вспали.“

„Ханъ посадилъ Губернашора въ кресла по правую себѣ спорону, а подлѣ его посажены были прѣхавшіе за Губернашоромъ въ свишѣ Подковникъ и прочіе, на спульи; владѣльцы же Калмыцкіе и Ханскіе Зайсанги сѣли по лѣвую спорону, по ихъ обыкновению на землѣ, на коврахъ, и Губернашоръ съ Ха-

номъ условились при семь случаевъ, чтобъ формальному объявленію бысть на другой день.“

„И попомъ 30-го Апрѣля, въ первомъ часу по полудни, посланъ былъ за Ханомъ Губернапорскій берлинъ, цугомъ заложенный, а при немъ верхомъ сынъ Губернапорскій, Поручикъ Михайло Жилинъ, и шестъ человекъ гренадеръ съ Унперъ - Офицеромъ, а за Ханшею Ассесора Бакунина коляска, кошорую, шакожде и оставшую послѣ Хана Аюки, Ханшу, Губернапоръ предъ шѣмъ звалъ, но сія послѣдняя извинилась болѣзнію.“

„Ханъ пріѣзжалъ къ Губернапору въ помъ посыланномъ за нимъ берлинъ, а Ханша въ коляскѣ, а сынъ его верхомъ, а при нихъ были Калмыцкіе владѣльцы: Дербешевъ Галданъ - Черенъ Торгоушской Эмегенъ - Убаши, и Хошоушовы: Замьянъ и Туки, да поповъ (*), Зайсанговъ, и другихъ Калмыкъ пшвсять, до десяти, и знашныя всѣ въ парчевомъ и другомъ богатомъ плашѣ; при чемъ споявшіе въ спрокъ гренадеры и солдапы учинили ему чешъ подняштемъ ружья на караулъ, а

(*) Гелюшговъ.

вспирѣвали его Хана за спавкою Полковникъ Юнгеръ и Ассесоръ Бакунинъ съ Офцерами, а при самомъ входѣ и Губернапоръ, и посадилъ Хана и сына его по правую сторону шюла, въ кибиткѣ пригошовленнаго, кошора для того взяша была ошъ Хана, большая десяти рѣшечочная, его Хана въ кресла, а сына на спуль, а Губернапоръ и Полковникъ Юнгеръ и Ассесоръ Бакунинъ, сѣли по лѣвую сторону шюла, Губернапоръ въ кресла же, а прочіе на спуля; Ханша же съ прѣхавшими съ нею Зайсангскими женами, по собственному ея желанію сѣдѣла на пригошовленномъ особливомъ, по ихъ обыкновенію, мѣстѣ, на землѣ на коврахъ, шакъ какъ и прочіе владѣльцы, попы и Зайсанги.“

„Пошомъ Губернапоръ учинилъ Хану объявленіе въ шакой смѣ, что Всепресвятѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица Елисавета Петровна, Самодержица Всероссійская, за долговременную, должную и вѣрную его службу, **ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ** пожаловала его Ханомъ Калмыцкимъ, а сына его Убану Намѣшникомъ Ханства, и при шомъ ему Гу-

бернапору повелѣнь соизволила о шомъ обоимъ имъ надлежащее объявленіе учинишь и обнадѣжишь Калмыцкій народъ своею Императорскою Высочайшею милостию, а онѣ ихъ обокъ въ должной къ Ея Императорскому Величеству вѣрности приять присягу.“

„Когда сія рѣчь переводчикомъ по Калмыцки пересказана, шо Ханъ съ сыномъ вставъ съ мѣстъ своихъ и приносъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшее благодареніе, припали на колѣна и поклонились къ Воспоку въ землю, а Губернаторъ предложилъ имъ присяги, копорыи они сперва Ханъ свою, а попомъ сынъ его прочи предъ идоломъ, представляющимъ главнаго ихъ мнимаго бога Шакджимуни, и онаго идола возлагали на чело, а за шѣмъ подъ оными присягами подписались своеручно, и Ханъ къ обоимъ печашъ свою приложилъ.“

„По приятии Губернаторомъ сихъ присягъ, чиналъ по приказу его Секретарь, въ слухъ всѣмъ, жалованную Ея Императорскаго Величества на Ханшиво грамоту, съ копорыхъ послѣ и на Калмыцкомъ языкѣ пере-

воды прочтеныжъ были. По окончаніи того Ханъ и сынъ его, шакожъ и знашныя его Зайсанги паки припавъ на колѣни кланялись въ землю на Воспокъ, принося Ея Императорскому Величеству всенижайшее благодареніе, а оныя грамопы и вручены при шомъ Хану Губернашоромъ, а между шѣмъ объявительная къ народу грамоша и за спавкою Губернашорскою въ чешырехъ мѣсцахъ, для прочаго народа, на Калмыцкомъ языкѣ чипанажъ была, при чемъ и прочіе, пожалованные Хану ошъ Ея Императорскаго Величества на Ханшво знаки, шакимъ образомъ онъ получилъ, а именно: саблю онойсалъ на него Ассесоръ Бақунинъ, шубу надѣлъ Губернашорскій сынъ Поручикъ Жилинъ, а шапку Полковникъ Юнгеръ, а знамя распущенное держалъ Шпъикъ - Юнкеръ, Губернашорскій, племянникъ Василій Киנדяковъ, у котораго принялъ оное Ханскій Зайсангъ и держалъ предъ спавкою распущенноежъ, сверхъ того Ханъ въ показаніе народу снявъ съ себя шубу, саблю и шапку ошдалъ ономужъ Зайсангу и приказалъ равномѣрно предъ спавкою держалъ.“

„Между шѣмъ какъ Ханъ учинилъ присягу, и Высочайшая Императорская жалованная грамоша, шакожь и другая были прочтены, и онъ ихъ и прочіе вышеписанные на Ханшво знаки получилъ, тогда Губернапоръ и всѣ при нихъ находившіеся его поздравили, почему и вся бывшая при Губернапорѣ команда учинила Хану чеспъ подняшіемъ ружья на караулъ, съ барабаннымъ боемъ и музыкою, а пошомъ и проекратно бѣглый огонь учинень при пушечной пальбѣ.“

„Послѣ сего, и какъ споль былъ пригосовляемъ, Ханъ съ сыномъ и съ Ханшею, шакожь и со всѣми владѣльцами и Зайсангами выпци изъ спавки предъ парадъ, при чемъ ему въ другой разъ равномерная чеспъ учинена.“

„Споль былъ учрежденъ шакомъ образомъ: за первымъ сѣдѣли Ханъ и сынъ его съ Губернапоромъ, да при ономъ же Полковникъ Юнгерь, Ассесоръ Бакунинъ, и Секретарь, и Калмыцкіе владѣльцы, и нѣкопорые изъ знашныхъ Зайсанговъ, а Ханша съ Зайсангскими женами, и нѣкопорыми Зайсангами и понами оспалась на прежнемъ ея мѣспѣ; а за шѣмъ

еще въ двухъ спавкахъ для прочихъ Зайсанговъ, споуды жъ были пригошовлены, и въ продолженіе оныхъ, при пишіи за Высочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе и Высочайшей Фамиліи, производима была пушечная пальба, а для народа выпавлено было шессть цѣлыхъ жареныхъ быковъ, да десять барановъ, а сверхъ того часпіями нѣсколько быковъ же и барановъ и хлѣба, а при шомъ горячее вино, пиво и медъ. Ханъ при возвращеніи оиъ Губернашора просилъ его со всѣми при немъ находящимися и къ себѣ на обѣдъ; а какъ поѣхалъ, шо пожалованное ему на Ханшво знамя везено было предъ нимъ распущенное.“

„2-го Мая Губернашоръ былъ у Хана на обѣдѣ и какъ пили за Высочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе и Высочайшей Фамиліи, шогда оиъ приведенныхъ шуда гренадеръ и въ парадѣ посшавленныхъ, чинима была залнами пальба и музыка играла, а бывшіе за Губернашоромъ Казаки и Ташара въ другихъ паланкахъ подчиваны были.“

„По окончаніи споуды происходила обыкновенная въ Калмыцкомъ народѣ, при ихъ празд-

никахъ и шоржеспвахъ борьба, а попомъ заженъ пригошювленный по приказу Губернашора фейерверкъ, на что Ханъ и весь народъ смотрѣли съ удовольствіемъ, а когда Губернашоръ ошъ него ошъвзжалъ, провожалъ онъ его и съ сыномъ до самаго берлина.“

„3-го Мая былъ Губернашоръ у Хана на прощаніи, и когда выходилъ ошъ него, по Ханъ, провожая его и указывая на одинъ высокій буторъ, объявилъ при шомъ Губернашору, что онъ на шомъ бутрѣ въ память показанной къ нему, и къ сыну его, Высочайшей Ея Императорскаго Величества милосши, принялъ намѣреніе пославипъ каменный шлопъ съ вырѣзаніемъ приспойныхъ надписей на Русскомъ и Калмыцкомъ языкахъ, и поручилъ попеченіе о шомъ имѣшь находящимся въ Черномъ Яру его Бодокчеймъ (*), прося Губернашора, дабы приказано было и Черноярскому Коменданшу вспоможеніе чинипъ; почему Губернашоръ бывшему шогда

(*) Поврешные ошъ Хана для суда между Россіянь и Калмыковъ.

при немъ Черноярскому Коменданту Капитулану Племянникову и приказалъ, а за пѣмъ и отправился обратно въ Астрахань, а Ханъ по немъ имѣлъ возвратишсь въ свои улусы.“

ГЛАВА III.

ЧИСЛО НАРОДА И РАЗДѢЛЕНІЕ ОНАГО НА УЛУСЫ И СОСЛОВІЯ.

Калмыцкому народу никогда и никакой переписи дѣлаемо не было, а пошому и не найдены положительныхъ свѣденій о насходящемъ числѣ онаго. Начальство, до времени — не прислуная къ испребленію вкоренившихся въ Калмыкахъ предразсудковъ, по которымъ они, вѣрояшно изъ опасенія налоговъ или другихъ повинностей, всегда уклонялись отъ вѣрнаго изчисленія, — довольствуешся нѣкими свѣденіями, какія назадъ пому нѣсколько лѣтъ были доставлены ему отъ самихъ владѣльцевъ и улусныхъ Правителей о количествѣ однихъ кибитокъ (семей). По свѣденіямъ симъ хощя и считаешся вся Калмыцкая Орда

шолько въ 11,026-ши кибяшкахъ; но между шѣми извѣстно, что въ одномъ улусѣ Малодербепевскомъ болѣе 10 ш. кибяпокъ; во всѣхъ же улусахъ, по долговременнымъ и ближайшимъ наблюденіямъ Часлиныхъ Приспавовъ, полагаешся *тысячъ до тридцати*. И шакъ если въ каждой кибяшкѣ (ш. е. въ каждомъ семействѣ) счишашь среднимъ числомъ опъ 3-хъ до 4-хъ человекъ обоого пола, шо народонаселеніе въ Калмыцкихъ улусахъ предполагаешся свыше *ста тысячъ* душъ.

Калмыки дѣляшся на *три главные рода*; роды сіи сосшавляюшъ *девять улусовъ*, а улусы подраздѣляюшся на аймаки, ш. е. участки Зайсанговъ, и на часлиные роды. Главные роды или поколѣнія оспашюшся шѣ же, какіе раздѣляли Калмыковъ еще въ прежнемъ ихъ ошечествѣ — Монголіи. Они сунъ :

а.) *Торгоушы*. б.) *Дербеты* и с.) *Хошуты*.

О происхожденіи сихъ названій, сущесшвующихъ между Калмыками самыя шемныя преданія. По увѣренію людей, на свѣденія коихъ сколько нибудь можно положинься, Торгоушы или Торгошы обязаны симъ наименованіемъ оплуч-

ной своей силѣ и пвердоспи, пакъ какъ они въ одномъ сраженіи, гдѣ Монголы были опрокинушы превосходившимъ въ числѣ непріишелемъ, оспановили напискъ сего послѣдняго, и съ того времени выводяшъ они наспоющее свое названіе ошъ слова *Торгоху*, ш. е. оспановишъ или оспановившій. Дербешы соспавляли нѣкогда чешвершую часпъ, или чешверпный корпусъ войскъ въ Монголіи, а какъ по Калмыцки *четыре* изъясняешся словомъ *дербюшъ*, шо по сему и дано имъ означенное названіе. Хошоушы же (Хошошы) называюшся симъ именемъ ошъ слова *Хошъ*. Какъ слово сіе по Руски значишъ спанъ или лагерь, шо можно заключишъ, что народъ сей въ особенноспи велъ жизнь воинспвенную, и попомки онаго можешъ бышъ справедливо приписываюшъ предкамъ чеспъ, что они во времена Чингисъ - Хана соспавляли гвардію сего великаго завоевателю.

Торгоуты, копорые подъ предводишельспвомъ Хорлюка, первые водворились на спепяхъ приволжскихъ, послѣ безразсуднаго побѣга въ 1771 году значишельной часпи ихъ.

въ предѣлы Кипша, соспавляютъ нынѣ шесть улусовъ :

- 1.) Экицохуровскій.
- 2.) Яндыковскій.
- 3.) Харахусовскій.
- 4.) Өрдени - Кичиковскій.
- 5.) Богацохуровскій.
- 6.) Эркешеневскій.

Дербеты раздѣляются на два улуса :

- 7.) Большедербешевскій.
- 8.) Малодербешевскій.

Хошоуты соспавляютъ одинъ улусъ,

- 9) Хошоушовскій.

Изъ сихъ улусовъ два: Богоцохуровскій и Эркешеневскій казенные; прочіе же всѣ принадлежатъ владѣльцамъ, а кому именно и сколько въ каждомъ улусѣ стипендируется Зайсанговъ, Духовенства и кибипокъ, о томъ прилагаются у сего шабель, извлеченная изъ дѣлъ Кадыцкаго Управленія.

Слѣдующія сословія соспавляютъ народъ Кадыцкій:

- I.) Владѣльцы; II.) Зайсанги; III.) Духовенство; IV.) Простолюдины.

1.) Владѣльцы, по Калмыцки Нойны или Нойоны, имѣютъ права наследственныя. Начальное приобрѣтеніе сихъ правъ перенесся въ глубокой опдаленности, а попому и основанія ихъ оспораются неизвѣстными. Полагаютъ однако же, что достоинство Нойоновъ и соединенныя съ онымъ преимущества, зависѣли отъ верховныхъ повелителей Монгольской Имперіи, и были жалованы знаменитымъ ихъ полководцамъ или родственнымъ. Въ отношеніи къ простому народу власть Нойоновъ, даже послѣ подданства ихъ Россіи, была до того неограниченна, что они могли располагать не только собственностію и свободою, но даже самою жизнію людей, имъ принадлежащихъ. Въ послѣдствіи при постепенномъ вліяніи благошворныхъ законовъ Россійскихъ на нравы и образъ мыслей сего народа, помянутое самовластіе хопя утратило силу свою, но за всѣмъ тѣмъ собственное безпредѣльное уваженіе Калмыковъ къ владѣльцамъ, — въ коихъ привыкли они видѣть существо высша и какъ бы священныя, и копорымъ придаетси общее названіе *Цаганъ Ясанъ* (бѣлая коси), — ушверждаетъ за сими

последними полное владѣтельство надъ умами и волею ихъ подвасныхъ.

II.) *Зайсанги*, находясь въ зависимости владѣльцевъ, имѣють въ распоряженіи своемъ наследственные аймаки, и вмѣстѣ съ тѣмъ, также какъ и Нойоны, носятъ титулъ *Цаганъ Ясанъ*. Права Зайсанговъ состоятъ въ томъ, что они пользуются оныхъ аймаковъ своихъ, по очереди, прислугою и денежными доходами. Что же касается до обязанности, то оныя заключающіяся въ соблюденіи по аймакамъ порядка и въ исполненіи владѣльческихъ приказаній. Каждый владѣлецъ, въ случаѣ неудовольствія на подваснаго Зайсанга, можетъ, не смотря на бывшія коспи, наказанъ его, на что нѣтъ и прешензій; но лишенъ званія, оныхъ предковъ наследованнаго, или опобранъ у него аймакъ безъ суда, права не имѣетъ. Впрочемъ по смерти такихъ Зайсанговъ, которые оснавлиють много дѣтей, владѣльцы власны отдавають аймаки ихъ въ управленіе тѣхъ изъ наследниковъ, коихъ найдутъ болѣе достойными, не спѣсясь старшинствомъ оныхъ по рожденію.

Такъ какъ аймаки вообще переходятъ въ

наслѣдство оныхъ ошца къ одному изъ сыновей, безъ раздѣла съ другими, шо оспающіеся за сими Зайсанги *безъайманые*, получающъ содержаніе оныхъ добровольныхъ пособій наслѣдующихъ аймаками, или владѣльцевъ, бывъ упошребляемы сими послѣдними въ разныя при ныхъ должности.

III.) *Духовенство*, называемое по Калмыцки *Хувракъ*, не естъ классъ пошомшвенный. Каждый Калмыкъ, имѣющій шрехъ, или болѣе сыновей, одного съ младенчества назначаетъ въ духовный санъ, и, посвящая въ Манжи (ученики вѣры), водитъ съ обрешною головою и въ красномъ плащѣ. Около десятилѣтняго возраста шакой Манжи посшупаетъ въ Хуруль (главное капище), для изученія Тангушскаго языка, и полученія дальнѣйшихъ шпеней.

Законъ Ламайскій предписываетъ Калмыцкимъ духовнымъ лицамъ правила, весьма близкія къ монашескимъ. Всѣ они должны быть безбрачны, жить при Хурулахъ и имѣть общій шполь; безъ дозволенія Ламы или другаго старшаго, никуда, даже для самыхъ шребъ, не ошлучающъ; наблюдающъ

во всемъ благочестіе, и въ особенності, подъ опасеніемъ шшрафа, воздерживашься ошъ употребленія горячихъ напитковъ. Но къ сожалѣнію нѣкошорыя изъ сихъ правилъ вовсе позабышы, а другія, если и исполняющься, шо весьма слабо. Нынѣ при Хурулахъ ошашься шолько самое ничшожное количество духовныхъ, и шо по насшоянію улусныхъ Присшавовъ; прочіе же всѣ разшьяны по кочевьямъ, шакъ, чшо почши во всякой кибишкѣ встрѣчающься Гелюшги или Манжи, подающіе собою примѣръ праздности и развраша. Бѣдныя Калмыки и Калмычки, по жалкому своему невѣжеству и суевѣрію, благоговѣя предъ сими шунедцами, слѣпо исполняющъ всѣ ихъ желанія и дорожашъ ихъ присушшвіемъ, какъ средшвомъ удаляшъ ошъ себя эрликовъ (чершей). И подлинно, въ кибишкѣ, гдѣ Гелюшгъ расположшлся, эрлику ничего уже не ошашься дѣлать; — но, не довольшшвующься обманамы, досшавляющими покойную и веселую жизнь, Гелюшги и прочіе сошварищи ихъ позволяющъ себѣ гораздо болѣе: по Калмыцкому управленію нѣтъ ни одного уголовнаго дѣла, гдѣ бы не были они замѣшаны въ гра-

бежахъ, онгонахъ скопа, и проч. Если ко
всѣмъ симъ преимуществамъ духовнаго зва-
нiя присоединить совершенную независи-
мость членовъ онаго отъ лучшихъ повин-
ностей, то не удивительно покажется, что
изъ числа 100 ш. человекъ Калмыцкаго наро-
да, 50 ш. щеголяютъ въ красныхъ кафпанахъ
и желтыхъ шапкахъ.

Сословіе духовное, начиная съ меньшихъ,
дѣлится на слѣдующія степеня:

- a.) *Манжи* — ученикъ вѣры.
- b.) *Гецуль* — служитель вѣры.
- c.) *Гелюнъ*, жрецъ.
- d.) *Бакши* — высшій учитель вѣры.
- e.) *Цорджи*, — жрецъ высшей степени.
- и f.) *Лама* верховный первосвященникъ.

Сверхъ сего при Хурулахъ есть особен-
ныя званія, означающія духовныя должности,
и именно:

- a.) *Гепко* — благочинный.
- b.) *Геикъ* — ключарь, завѣдывающій Ху-
рульною ушварью.
- c.) *Нирба* — экономъ, у коего на рукахъ
часъ продовольственная.

d.) *Гунзудъ* — начальникъ хора.

e.) *Бурхахи* — блюститель чистоты и чѣлости жершвъ въ Хурулахъ.

Посвященіе въ Манжи и Гецули производился Гелюнгами, а удостоеніе въ высшія степени, зависить отъ Ламы. Самые же Ламы, починаемые почши наравнѣ съ бурханами, въ древности получали сей важный санъ отъ верховнѣйшаго, обожаемаго Калмыками *Далай Ламы*, изъ Тибета; но въ послѣдствіи времени, по отдаленности того края, утверждались въ сихъ званіяхъ Россійскимъ Дворомъ, какъ напримѣръ *Дербешевскій Чуней Баши* и *Богацохуровскій Ороги Лама*. Нынѣшніе Ламы назначаются изъ числа извѣстныхъ хорошею нравственностію и познаніи людей, владѣльцами и народомъ, безъ дальнѣйшаго утвержденія. Теперь ихъ только два: одинъ въ улусѣ *Богацохуровскомъ*, а другой въ *Эрдени-Кичиковскомъ*. При возведеніи въ сіе достоинство, избранный Лама спавнившись въ полномъ жершвенномъ одѣяніи предъ дверьми Хурула, гдѣ начальво владѣлецъ, а полкомъ и народъ ему поклоняющся.

Кшо изъ Гелюнговъ или прочихъ лицъ не

пожелаетъ быть въ духовномъ званіи, поитъ безъ всякаго затрудненія слагаетъ съ себя оное, и, опросивъ на головѣ волосы, возвращается въ первобытное состояніе.

IV.) *Простолюдины* называютъ себя *Хара*, т. е. черные. Они, не имѣя семейственныхъ фамилій и никакихъ прозваній, кромѣ однихъ собственныхъ именъ, носятъ цѣлыми поколѣніями или родами имена древнихъ родоначальниковъ. Посему, если нужно найти въ улусѣ какого нибудь Калмыка, то кромѣ имени его непременно надобно знать какого онъ рода. Не считая нужнымъ означать роды сіи, я обращаюсь къ описанію различія, полагаемаго между простолюдинами разнообразіемъ ихъ обязанностей. Простолюдины сіи въ каждомъ улусѣ раздѣляются на Калмыковъ :

а.) *Аймакныгъ*, которые состоятъ подъ управленіемъ владѣльцевъ и Зайсанговъ, несущъ надлежащія общественыя повинности.

б.) *Кетогинеровъ*, которые составляютъ особыя удѣлы владѣльческихъ фамилій. Изъ числа ихъ обыкновенно бываютъ при владѣльцахъ : *Ониси* — ключникъ или казначей, *Маани* или *Туки* — знаменосецъ, *Морги*, — конюхъ,

Зама, — поварь, *Цайги* — варшпель чай и *Засаки* — наказпель, и если бы владѣльцу случилось бышь въ походѣ, по Кешочинеры, избавленныя ошъ всѣхъ общихъ повинностей, были бы обязаны слѣдовать за нимъ, какъ шѣлохраншпель.

с.) *Шабинеровъ*, которые подраздѣляются еще на два разряда: 1.) Ламантъ-Шабинеровъ и 2.) Хурульскихъ Шабинеровъ, ш. е. на зависящихъ ошъ Ламы и Хуруловъ, коимъ они издавна пожертвованы владѣльцами, почно такъ, какъ нѣкогда были приписываемы креспьяне къ монастырямъ въ Россіи. Шабинеры сіи, не зная другихъ повинностей, соспавляютъ при Ламахъ и Хурулахъ прислугу, пасупъ принадлежащія онымъ спада, и доспавляютъ молоко и разныя изъ него пригопвленія, о коихъ подробно говорипся въ спашѣ о пишѣ и пишѣ Калмыковъ. Владѣльцы же и Зайсанги никакого уже вліянія на нихъ неимѣють.

Кромѣ сихъ соспояній еспъ еще два, премущеспвенно въ древноспи между Калмыковъ сущеспвовавшихъ, и именно: *Тарханы* или *Дархагутьи* и *Андымы*. Къ числу первыхъ ш.

ЗВАНІЕ УЛУСО

А.) Торгоуты:

1. Экищохуровскій
2. Яндыковскій
3. Харахусовскій
4. Эрдени Кичиковскій
5. Багацохуровскій
6. Эркешевскій

Б.) Дербеты:

7. Большедербетевскій
8. Малодербетевскій . . .

Особое отдѣленіе
же улуса Абганерова

В.) Хошоуты

9. Хошоутовскій

Примѣчаніе. Сверхъ
при улусахъ ес
часники владѣ
мелкопомѣстныхъ

Табель сію

шюкъ вѣрною сч

презвѣщанымъ

е. Дархачушовъ принадлежали люди, копорые въ сраженіяхъ избавляли владѣльцевъ отъ явной смерти, или производили другіе отличные подвиги, за что и получали означенное названіе, освобождаясь навсегда съ попомомъ ихъ отъ всякихъ повинностей. Вторые — же Андыны, ш. е. опроверженные, приобрѣтали себѣ ими сіе и полную независимость имѣть, что для изкупленія больныхъ владѣльцевъ своихъ отъ смерти, жертвовали собою Эрлику (чорпу), какъ о семъ объяснено въ спашѣ о способахъ врачеванія.

ГЛАВА IV.

О Б Р А З Ъ Ж И З Н И.

Калмыки проводятъ жизнь въ непрерывномъ спранспивованіи, которое совершаютъ переходы изъ одного мѣсна въ другое для доставленія спадамъ своимъ свѣжаго подножнаго корма. Сообразно сему и жилища ихъ не имѣютъ ничего общаго съ жилищами людей, ведущихъ жизнь сколько нибудь поспоянную. Одна кибитка изъ деревянныхъ рѣшешокъ и палокъ, соединенныхъ въ верху конусомъ, покрытая кошмами или сплепеными изъ камыша рогожами, составляетъ все необходимое для Калмыка зданіе, которое сооружается въ полчаса, а разбирается еще поспѣшиѣе.

Кибитки въ вышину имѣють до $2\frac{1}{2}$, а въ діаметрѣ до 5 сажень, и основаніе ихъ состоитъ изъ нѣсколькихъ числа обыкновенныхъ, отъ 4-хъ до 8 складныхъ рѣшешокъ различной величины, копорыя называются *терлимами*. Сперва спавиши на землю одна рѣшешка, составляющая часть круга, потомъ присоединяются къ ней по порядку другія и связываются между собою шерстяными пеньмами, изключая опверспіе (на Восшокъ), гдѣ прикрѣпляется створчатая изъ двухъ половинокъ дверь. Когда же все это образуетъ круглую загородку, тогда надъ центромъ оной, посредствомъ *уини* (длинныхъ палокъ), утверждается горизонтально деревянный кругъ, имѣющій въ діаметрѣ отъ полушора до двухъ аршинъ и называемый *хараги*. Поднявъ сей кругъ начально на нѣсколькихъ уинахъ, кои въ верхнихъ концахъ заоспрены, а въ нижнихъ снабжены пешельками, Калмыки продолжаютъ спавишь достальные уины, для чего каждую изъ нихъ однимъ концемъ вкладываютъ въ выдолбленное на хараги мѣсто, а другимъ чрезъ петлю прикрѣпляютъ къ верхней оконечности рѣшешки. За симъ двѣ дуги, сдѣ-

ланныя крестообразно надъ харачею, сообщающа конусу кибитки округлоспъ, и заключающа собою всѣ деревянныя принадлежности, прикрывающіяся кошмами. Кошмы на сей предметъ шьются такъ, что сперва чепырьми боковыми полосками закрывается нижняя часть кибитки съ половины улитъ, или конуса, до земли, а послѣ того двумя другими закрывается верхняя часть до харачи; далѣ навѣшивается особая кошма надъ дверью и другая полагается на харачи. Всѣ сіи кошмы, исключая послѣдней, посредствомъ пришивныхъ къ нимъ широкихъ шесемъ привязываются къ кибиткѣ, которая отъ сего и представляется опоясанною въ разныхъ направленіяхъ. Кошма же, покрывающая самый верхъ (харачи) и именуемая *орько*, всегда можетъ сколько надобно открываться, такъ какъ харачи служатъ вмѣстѣ окномъ и трубою. Въ зимнее время, чтобы защищаться по возможности отъ холода, Калмыки окапываютъ кое какъ кибитки свои землею, а въ случаѣ сильныхъ вѣтровъ и бурь привязываютъ ихъ веревками къ кольямъ; ибо безъ сей предосторожности нерѣдко подвижныя жилища сіи низ-

вергающся, и люди съ имуществомъ, иногда ночью среди сна, оспающся безъ всякаго крова.

Внутренность кибитокъ вообще споль же единообразна, какъ и наружность. Посреди каждой изъ нихъ спощсь, поддерживаемый шаганомъ, чугунный кошелъ — единственна кухонная посуда, въ которой пригошвлешся чай и прочая пища; прямо у противоположной дверямъ спѣны находшсь кровать, опъ земли вышиною на четверть аршина, покрываая ширдыками кошмами, въ лѣвой споронѣ, на усшроенномъ въ видѣ сполка возвышеніи, помѣщающся Бурханы или однѣ написанныя по Тангушски молишвы; на право расположены различныя домашнія вещи, какъ шо: деревянныя чайныя чашки и коническія кружки, называемыя домбами, и кожаныя: *бартоги* для вина; *архоты* употребляемыя вмѣсто кадочекъ; *уты* — мѣшки для собиранія аргасуна (*) и особо мѣшки же, привязанные на длинныхъ палкахъ, коими доспающъ изъ ко-

(*) *Аргасунъ* сухой помешъ скоша, замвляющій у Калмыковъ дрова,

лодцевъ воду. Къ рѣшеткамъ въ разныхъ мѣстахъ привѣшены бараньи или лошадиныя головы, ноги другія части мяса, сырыя кожи, ружья и проч. Зимомъ нераздѣльно съ людьми помѣщающся въ кибиткахъ молодыя и большыя овцы, шеляпа и жеребяпа, и довершающъ семейственныя карнины, въ коихъ главную сцену занимающъ маленькія дѣти, сидяція на цыпочкахъ около огня, нагія или только съ задн чѣмъ нибудь прикрышыя, и вооруженныя мослами и шрубками. Но сколь ни мало въ сихъ карпинахъ пріятнаго и занимательнаго, однакожъ я никогда не забуду того удовольствія, какое приносилъ онѣ мнѣ во время проѣзда моего чрезъ пустыя, поглощенные снѣгами степи, часшію вовсе необыаемыя, гдѣ не имѣя по цѣлымъ супкамъ и болѣе приспанница, спрадая огнь нестерпимаго холода и не видя ни какихъ дорогъ, — даже одинъ слѣдъ человѣческой надлежало считашъ большою находкою. Иногда ночью завидя не ожиданно привѣшныи огонекъ, я съ моими спутниками спѣшилъ къ нему съ такою радостію, такая конечно не всякому извѣсна и понятна. Тушь полузамерзшіе выходятъ изъ экипажей и

забывая о снѣ, мы проводили время покоя въ дымной кибиткѣ близъ плающаго аргасуна, и хотя согрѣвались болѣе воображеніемъ, нежели существенною шеплопою, но находили себя довольными. Между шѣмъ, для утоленія голода нашего, въ разпачной снѣговой водѣ варился передъ нами на скорую руку Калмыцкій чай. Надобно знать вкусъ сего чая, и видѣшь какъ онъ кипящися въ кошлѣ, въ кошоромъ можешъ бышь за полчаса прежде приготавливалось какое нибудь нечисное кушанье, и кошорый хозяева Калмыки при насъ *изъ опрятности* выширала ошрывкомъ спарой запачканой кошмы; надобно бышь свидѣтелемъ какъ кладешся въ чай молоко, хранящееся въ кожаномъ сосудѣ, на кошорый нельзя взглянуть безъ ощущенія дурношты, и изъ коего невозбранно пьюшь собаки, — и тогда шолько можно предспавишь себѣ, сколь велика была крайношть, заснававшая уношребляшь сей Калмыцкій нешпарь, оживошворявшій насъ своею шеплопою и пишашельноштію. Съ наспупленіемъ осени, когда земля обнажена еще была ошъ снѣга и морозы казались сносными, мы, ошпанавливансь въ безлюдной и безводной

спешн для облегченія верблюдовъ, не шерсть-ли нужды въ продовольствіи, ибо проворные Казаки набирали аргасунъ, и разводи огонь, пошчасъ приготовляли намъ изъ запасной баранины жаркое, употребляя при семъ вмѣсто вершеловъ ружейные помполы; но когда въ одну бурную ночь, проведенную нами въ опкрытомъ полѣ, выпавшій глубокой снѣгъ сокрылъ огнь взоровъ нашихъ безцѣнный аргасунъ, тогда исчезла всякая возможность гошовишь пищу и пошому - но мы, опкрывая дымъ или огонекъ, съ воспоргомъ приближались къ первымъ хопонамъ опыскиваемого улуса. Впрочемъ и въ самыхъ жилищахъ Калмыковъ, не смотря на то, что они ищущъ на зиму пріюта близъ камышей, неизбѣжны иногда чрезмѣрные крайности: такъ, на примѣръ, во время продолжительной и суровой зимы 1831-го года, Калмыки нѣкоторыхъ улусовъ должны были многими семействами собираться въ чужія кибитки, а свои жець вмѣсто дровъ, для приготовленія пищи (*).

(*) Я позволяю себѣ надѣяться, что нѣсколько спрокъ о воляж моемъ во улусамъ, помѣщенныхъ кое гдѣ съ цѣлю при-

Владѣльцы имѣютъ у себя по нѣскольку кибитокъ : собственно для нихъ самихъ, для семействъ ихъ и прислуги. Въ кибиткѣ владѣльческой все опличается опрятностію и даже роскошью. Внупренность ея обшянуша шелковою малперією, скрывающею рѣшелки, униты и кошмы; поспель на обыкновенномъ мѣстѣ, пропивъ двери, покрыва одѣялами и украшена богатыми пологомъ, въ видѣ балдахина; по сторонамъ возвышающія сундуки, одинъ на другой поставленные, и покрывные ковры, среди коихъ на лѣвой отъ входа споронѣ, въ особыхъ рѣзныхъ и раскрашенныхъ кумирняхъ, присушпвуютъ Бурханы; земля служащая вмѣсто пола, устлана кошмами и коврами; но въ серединѣ все-таки курится огонекъ, зимою для шепла, а лѣтомъ для раскуриванія ипругокъ. Богатыя сѣдла и ружья принадлежатъ къ числу необходимыхъ украшеній. Сему домашнему устройству владѣльцевъ подражаютъ и нѣкопорые Зайсанги; но большую часть ихъ нельзя размчатъ отъ просполюдиновъ.

дашь описанію жизни Калмыковъ болге полношы, не вмѣстися мнѣ въ преступленіе.

Послѣ описанія внѣшняго вида кибитокъ и внутренняго въ оныхъ расположенія, слѣдуетъ обратиться къ порядку кочевки. Кому не случалось бытъ въ Калмыцкихъ улусахъ, шопъ подѣ словомъ *улусъ* можешь представлять себѣ соединенное жилищество всѣхъ Калмыковъ, кошораго либо изъ владѣній, въ родѣ одного селенія или аула. Для уснраненія подобной мысли нужно знать, что каждый улусъ раздробленъ въ кочевьѣ на множество часпей, *хотонами* именуемыхъ, и заключающихъ въ себѣ отъ 3-хъ до 12-ти кибитокъ. Сии хотоны одного улуса иногда бывають разсѣянныя на пространствѣ до 300 верстъ и болѣе. Главное мѣсто улуса есть владѣльческая спавка; оно называется *орьгою*; при ней обыкновенно находящися хурулъ и базаръ, и сверхъ сего шупъ же пребываютъ Часпный Приспавъ и Улусные Судьи. Въ улусахъ казенныхъ, гдѣ нѣтъ владѣльцевъ, подвижныя резиденціи называются уже не *орьга*, а *куря*, ш. е. спавка главнаго хурула.

Кибитки владѣльческія бывають располагаемы отъ прочихъ въ нѣкошоромъ ошда-

леніи и кромѣ лучшей наружности опличающіеся шѣмъ, что при дверяхъ каждой водружаешся пика, на длинномъ черенкѣ, остріемъ вверхъ. Ночью покой владѣльца и его семейства охраняють караульные. Въ хурулѣ *Бурхани Орьгё*, ш. е. кибишка, вмѣщающая въ себѣ Бурхановъ, находясь также отдѣльно отъ другихъ, осѣняешся однимъ или двумя флагами, на высокихъ шестахъ развѣвающимися, съ различными на оныхъ изображеніями, и ограждаешся круглою цѣпью другихъ кибишкѣ, въ кошорыхъ живутъ Лама, Гелюнги и прочее духовенство. За симъ особая группа кибишкѣ представляешъ базаръ. Кибишки съ товарами, для безопасности отъ похищеній, спановящся плотно одна возлѣ другой и соединяются въ отдѣльный кругъ, имѣя двери обращенными во внутренность образующейся площадки, куда ведешъ небольшой переулокъ, въ одномъ мѣстѣ оставляемый. Здѣсь занимаются мелочною, но весьма прибыточною торговлею Армяне и Ташары, у кошорыхъ кромѣ разныхъ товаровъ, вина и випушекъ, по сношеніямъ ихъ съ ближайшими городами и по всегдашнему сбору къ

нимъ прїѣзжающихъ изъ разныхъ мѣстъ Калмыковъ, можно получать свѣдѣнія о всѣхъ спешныхъ и прочихъ новостяхъ; а поному кочующій базаръ имѣеть въ улусъ большое значеніе.

Во время праздниковъ, на прим. цагансары и ш. н. собирается въ орѣгу, или курю, множесство духовенства, и тогда число кибитокъ въ оной увеличивается до двухъ сотъ; постоянно же въ самой большой орѣгѣ бываетъ оныхъ не болѣе тридцати.

Въ продолженіе весны, лѣта и осени, начиная съ первыхъ чиселъ Февраля до половины Ноября, народъ Калмыцкій на однихъ мѣстахъ не держиши болѣе недѣли, оспанавливаясь при худукахъ (колодцахъ), кои изпещрены всѣ спешн. Когда шрѣвы въ окрестностяхъ худука испребляются, тогда владѣлецъ, въ разговорахъ съ приближенными своими, даещъ замѣнить, что скоро надобно опкочевашъ на другое мѣсто. Всѣмъ о семъ разносиши по всѣмъ кибиткамъ главной шавки, и каждый Калмыкъ, выходя по ушру изъ своего жилища, прежде нежели выгонешъ на пашву скопъ (всегда проводящій ночи око-

ло хозяйской кибитки), слышишь ли сигнала къ походу? Во время сихъ ожиданій, въ одно какое нибудь утро, являенся среди орды вопкнушая въ землю владѣльческая пика — и мгновенно приводишь всё въ движеніе. Калмыки и Калмычки ловящъ верблюдовъ, разбирающъ кибитки, укладываютъ домашній скарбъ, и не далѣе какъ чрезъ часъ огромный караванъ прогаенся съ мѣста, почти не оставляя признаковъ обитанія.

За исключеніемъ нѣсколькихъ арбъ (двухъ-колесныхъ шелегъ), заложенныхъ волами, весь караванъ состоишь изъ верблюдовъ, навьюченныхъ разобранными кибитками, сундуками, кошлами и разными другими принадлежностями. Процессія открываенся всадникомъ, которъ везетъ владѣльческую пикку; за нимъ слѣдуешь семейство владѣльца, окруженное Зайсантами и служителями; далѣе — въ сопровожденіи Ламы и ирочаго духовенства везущся на бѣлыхъ верблюдахъ уложенные въ ящикахъ Бурханы (*). Ламы и владѣльческіе дѣшши

(*) Калмыки изъ набожности посвящаютъ Бурханами верблюдовъ, лошадей и быковъ, преимущественно бѣлыхъ, называя ихъ *стеря*. Посвященіе сіе означается привязанными за

для спокойствія ѣздящъ иногда въ особенныхъ экипажахъ (*денгъ - тергинъ*), состоящихъ изъ арбы, къ оглоблямъ коей, между заложенымъ воломъ и колесами, привѣшиваешся на чепырехъ ремняхъ нѣчто похожее на колыбель, закрытую со всѣхъ сторонъ войлоками. Дѣли прочихъ Калмыковъ качающся на верблюдахъ въ мѣшкахъ и коробахъ, привязанныхъ въ числѣ вьюковъ и обложенныхъ внутри кошмами или овчинами, изъ коихъ видны одиѣ головы. Спарики и спарухи помещаются также среди вьюковъ, на самомъ верху; а молодые люди: мужчины, женщины и дѣвушки въ нарядныхъ плащяхъ, верхами на лучшихъ лошадяхъ, спорящъ между собою въ быспропѣ бѣга коней и собственнoй ловкости, и нупъ - по амуръ разспавляющъ сѣли свои, необходимы для всѣхъ смертныхъ! По споронамъ, на всемъ проспранспвѣ, какое взоръ обнящъ можешъ, пнянущся спада и разъ-

гриву или повязанными на шеѣ Тангутскими молитвами, съ конми счастливыми животными оспающся на всю жизнь свободными отъ всѣхъ работъ, кромѣ перевозки некоторыхъ изъ нихъ (священныхъ предметовъ).

взжають кавалькады охотниковъ съ собаками, яспребами и балабанами (*).

Такимъ образомъ движеніе главной спавки даетъ общее направленіе и всѣмъ хошонамъ, или всему улусу. Весною Калмыки проходятъ въ одинъ день отъ 15-ни до 20-ни верстъ; лѣтомъ, въ жары, отъ 10-ни до 15-ни, а осенью отъ 25-ни до 40, останавливаясь послѣ каждаго перехода, какъ сказано выше, только на короткое время. Къ осени же всѣ улусы занимають для зимовки поспо-янно одни мѣста, а именно: улусы Эркешевскій и Яндыковскій между заливовъ Каспійскаго моря, близъ почтовой дороги отъ Аспрахань къ Кизлярю; Екицохуровскій, Харахуровскій, Эрдени - кичиновскій и Малодербешевскій при рѣкахъ Кумъ и Манычъ; Богоцохуровскій и Хошоуповскій при рѣкѣ Волгѣ по обѣимъ сторонамъ, первый выше города Еношаевска, а послѣдній между Еношаевскомъ и Аспраханью и наконецъ Большедербешевскій при рѣкахъ Калаусъ и среднемъ Егорлыкѣ въ предѣлахъ

(*) Балабаны принадлежатъ тоже къ роду яспребовъ и замѣняютъ здѣсь соколовъ.

Кавказской области. На сихъ мѣстахъ, гдѣ камышъ, или около Волги кустарникъ, доставляющъ иѣкопорую защиту отъ бурь и средсва имѣющъ огонь, Калмыки оспающся съ Ноября мѣсяца до главнаго ихъ праздника цаганъ - сары, копорый бывающъ въ первыхъ числахъ Февраля, и послѣ коего немедленно начинающъ они вновь свое скрашсвованіе, подвигаясь всегда во внутрешность степей въ прошивоположны зимнему кочевью спорны; при чемъ хоши не наблюдаются ни какаго разграниченія, ни раздѣленія между улусами земель, но это не нарушаетъ согласія. Впрочемъ въ лѣтнее время выгоднѣйшія мѣсна занимающъ: во 1-хъ улусъ Малодербешевскій въ урочищахъ *Иргени*, на границахъ Донскихъ и Сарашовскихъ, гдѣ умѣренный климатъ, превосходныя пасбища и избытокъ прѣсной воды доставляющъ большія удобства, и во 2-хъ улусъ Хошеушовскій, копорый въ дачахъ своихъ на луговой споронѣ Волги пользуется исключительно хорошими пажитями, и что всего важнѣе, значителными лѣсными угодьями (*).

(*) Владѣлецъ сего улуса Князь Тюменевъ, приобрѣлъ многіе участки покупкою у помѣщиковъ, и сверхъ того для выгоды

Другіе улусы, при худомъ состояніи нравъ, на пещано-глинистыхъ и солонцеватыхъ степяхъ произрастающихъ и выжигаемыхъ при югомъ въ началѣ лѣта солнцемъ, перпяшь въ особенносши недоспапокъ въ водѣ, и Калмыки для напоенія стадаъ своихъ должны повсюду рысть новые или разчищать старые худуки, копорые доставляють воду бѣлованую, солонгорькую и при юмъ не рѣдко превращающуюся въ навозную жижу; но и сей воды бываетъ споль мало, что она вся каждый день вычерпывается. Въ бытность мою въ нѣкопрыхъ улусахъ надобно было посылать за водою всякое ушро до разсвѣта, чтобы въ проливномъ случаѣ не осталась безъ нея на цѣлый день.

Хопоны, разсѣянные среди степей, при первомъ взглядѣ на нихъ наводяшь уныніе. Обыкновенный шумъ городовъ и сель замѣняешся здѣсь единственно лаемъ собакъ и крикомъ верблюдовъ, смѣшаннымъ съ блеяні-

скотоводства ежегодно наимасшь удобныя земли у частныхъ людей.

емъ овецъ, мычаніемъ коровъ и ржаніемъ лошадей — гармонія, нишересная развѣ для слуха Калмыковъ, кошорыхъ звуки сіи баюкають еще въ колыбелѣ. Утро въ улусахъ начинается просно, ш. е. шамъ никакъ не забылся ни о убранствѣ ни о посѣщеніяхъ. Однѣ изъ женщинъ только что оставивъ ложе, спѣнашъ дошнъ коровъ, а другія съ мѣшками на плечахъ, отправляются въ поле за аргасуномъ и къ худукамъ за водою; мужчины опгоняють на водоной и на пасшву снада, и потомъ каждая семья собирается около кошла, въ коноромъ пригошвляется чай. Далѣе — женщины занимаются шипьемъ одежды и другими, свойственными ихъ бышу, работами; что же касается до мужчинъ, то за исключеніемъ не многихъ, охраняющихъ скотъ, всѣ другіе, и особенно пожилые, имѣющие лѣтъ за 40, остаются въ совершенной праздности: куряшъ шабакъ и бродяшъ по сосѣдственнымъ кибжкамъ, въ надеждѣ найши гдѣ нибудь маханъ или арьки (*). Наконецъ день заключается шѣмъ, что Калмы-

(*) *Маханъ* — мясо, *арьки* — вино.

ки, напившись еще разъ чаю или будану (*), погружающа въ сонъ, для того, чтобы вновь пробудиться къ услугамъ желудка. Такъ проходили жизнь эпитъ людей, чуждая всего возвышеннаго, и какъ бездѣйствіе и пресыщеніе принято у нихъ символомъ блаженства, то владѣльцы и Зайсанги всегда спаряются превосходнѣ въ сихъ наслажденіяхъ просполюдиновъ, въ доказательствѣ правъ и преимуществъ, дарованныхъ имъ породю. Нѣкоторые изъ нихъ почти никогда не оставляютъ кибитокъ своихъ, и если выходятъ на воздухъ, то единственно по самымъ необходимымъ побужденіямъ. Спроситъ — что они дѣлаютъ? — Сидятъ, поджавши ноги и попеременно перебираютъ чешки, курятъ шабакъ и — ѣдятъ! Другіе разнообразятъ иногда праздность слушая сказки, или выѣзжаютъ въ поле на охоту съ гончими собаками и балабанами.

Неопытность въ Калмыцкомъ народѣ возбуждаетъ удивленіе. Не зная омовенія, не переменяя никогда бѣлья, и въ зимнее время

(*) Буданъ — родъ супа.

не снимают верхней одежды, Калмыки и Калмычки дѣлаются всегдашними жертвами насѣкомыхъ, кошорыя, благодаря предразсудкамъ о переселеніи душъ, пользуются совершенною неприкосновенностію къ ихъ жизни, или, лучше сказать, привиллегією перзати несчастныхъ Ламисповъ (*). Въспѣ съ симъ кожа Калмыковъ, шерсть натуральнѣйшій цвѣтъ, получаетъ грубое свойство и покрывается какъ будто корою. Все это имѣло-бы, можетъ быть, послѣдствія гораздо важнѣйшія, если бы непрерывное куреніе шабаку и всегдашній въ кибиткахъ дымъ не сославляли собою средствъ прожигодѣйствующихъ. Не менѣе оплмчаются Калмыки неопрытносію и въ употребленіи пищи: ѣдятъ, пьютъ изъ однихъ и тѣхъ же коцловъ и чашекъ, замѣняя при семъ ложки и вилки пальцами; а вмѣсто салфетокъ служатъ имъ кошмы, на кошорыхъ сидятъ, или шерсть овецъ, собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, верѣдко присушествующихъ при шрапезахъ своихъ хозяевъ.

(*) Калмыкъ поймавши такое насѣкомое не только не убиваетъ, но оспорожно кладетъ возлѣ себя на полъ.

Въ короткое время, испытавъ въ улусахъ всѣ невыгоды зимней кочевой жизни, проконшѣвши дымомъ, какъ говорится до послѣдней нишки, и выкуривши глаза, я шерпѣлъ много между прочимъ и онгъ. неудобства занимаешься письмоводствомъ, которое по несчастію было обширно. Сначала я даже не поспѣгалъ какъ можно писать при жестокомъ морозѣ въ 25° и болѣе, когда нельзя ни на минуточку обнажить рукъ, и когда чернила мгновенно замерзаютъ. Гдѣ взять снолы и спульа, или покрайней мѣрѣ чѣмъ зафѣнить оные? Но нужда научаетъ всему! Чернилицу обыкновенно приказывалъ я спавить близъ пылающаго аргасуна въ чашку съ горячею водою, и разогрѣвая чернила писалъ лежа возлѣ огня на коврѣ. Впрочемъ и шуплѣ, омоченнымъ разъ въ чернильницѣ перомъ, не опогрѣвъ его и руки на огнѣ, едва можно было успѣшь написать одну букву: ибо чернила на перѣ, равно какъ и въ словахъ на бумагѣ, мгновенно замерзали. Такимъ образомъ все написанное составляло въ прямомъ смыслѣ *мерзлую прозу*. Оканчивая дневныя занятія, поздно вечеромъ искалъ я успокоенія на холодномъ, осребрей-

номъ морозною пеленою ложѣ, щцательно за-
вернутый въ нѣсколько шубъ и одѣяль; и ес-
ли въ продолженіе ночи удавалось хотя не
много согрѣться и воспользоваться благодѣ-
тельнымъ сномъ, то по утру разлука съ пос-
пелью была всего пятоспнѣе. Почтпennyй Т.,
заслуженный Офицеръ, по обязанности раздѣ-
лившій со мною поѣзду мою, неоднократно
повпноралъ мнѣ, что ни во всю кампанію 1812
года, ни въ послѣднюю Турецкую войну за
Балканами, не находилъ онъ положенія своего
споль непріятнымъ, какъ въ улусахъ. Въ
самомъ дѣлѣ, здѣсь одиѣ уже болѣзни, и осо-
бенно проспуда, по немѣнню ни малѣйшей
надежды на какую либо помощь, или возмож-
ность выздоровленія, — подвергаютъ человѣ-
ка всегдашней и самой близкой опасности.

Изобразивъ въ слабыхъ чертахъ бытъ
Камыцкаго народа, заключу спашью сію ушѣ-
щательною мыслію, что время и обспоятель-
ства, безъ сомнѣнія, убѣдятъ народъ сей въ
необходимости оспавинъ полудикое соспнннѣ
и обратинъсь къ поспепенному образованію,
пользы коего разпщательно доказываетъ имѣ
Князь Тюменевъ. Владѣлецъ сей, прежде все-

го заплашивъ долгъ Царю и опечесиву службою на военномъ поприщѣ, и приобрѣли чрезъ то полное право на уваженіе, постоянно проводящъ шеперь дни въ улусѣ своемъ, въ превосходномъ 'домѣ, живущъ изъ подвласныхъ Калмыковъ оркестръ хорошихъ музыкантовъ, отличную прислугу и прекрасныхъ поваровъ, словомъ: не уступаешь въ образѣ жизни доспапочившимъ изъ Русскихъ помѣщиковъ. Въ улусѣ его господствуетъ довольство и порядокъ, потому что шамъ мало Гелюнговъ и ихъ не смѣютъ вмешиваться не въ свое дѣло, а Калмыки его въ сравненіи съ другими трудолюбивы и ведутъ себя осторожно. Необыкновенная перемена въ здѣшнемъ климатѣ, не благоприятствующая кочевой жизни, въ свою очередь неминуемо должна произвести въ степяхъ значительный переворотъ, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, будетъ болѣе полезенъ нежели вреденъ; ибо суровыя зимы однихъ изъ Калмыковъ вынуждаютъ узнавать, хотя въ нѣкошорой степени, осѣдлость, для удобнаго и прочнаго ихъ со спадами существованія; а другіе, жившіе на счетъ излишней щедрости природы, и умножавшіе собою число праздно-

любцевъ, займутся работами у рыбопромышленниковъ, увеличатъ рабочій классъ скуднаго народонаселенія Аспраханской губерніи и чрезъ соединеніе съ Русскими получаютъ новыя понятія и лучший образъ мыслей.

ГЛАВА V.

ФИЗИЧЕСКІЯ СВОЙСТВА.

Взглядъ, брошенный на кочевье Калмыковъ, можетъ внушать справедливое удивленіе: какимъ образомъ народъ сей въ отношеніи физическомъ существуетъ? Свойство безплодныхъ степей, въ коихъ онъ обитаетъ; солонгорькія и по весьма рѣдкія воды; несперпимый зной во время лѣта, и мучительный холодъ зимою, прошивъ коихъ слабый изъ копмы кровь служитъ единственною защитою; величайшая неопытность въ содержаніи шѣла, и наконецъ пища, состоящая въ мясѣ, болѣею частию не свѣжемъ — суть причины, коими въ совокупности составляютъ, кажется, все, что только можетъ быть губительнымъ для

человѣка; но за всѣмъ пѣмъ Калмыки вообще наслаждаются весьма хорошимъ здоровьемъ. Кочевая жизнь съ младенчества сообщаетъ пѣлеснымъ силамъ ихъ особенную крѣпость, а врожденная безпечность, праздность и всегдашнее спокойствіе духа, дополняютъ средства къ достиженію глубокой спарости. Проѣзжая почти всѣ улусы, я всюду находилъ большое количество спариковъ, изъ коихъ 70-ши и даже 80-ши лѣтніе, по наружности и швердости ихъ, кажутся не спарѣ 50-ши или 60-ши лѣтъ.

При наспувленіи зимы и весны переходъ оныхъ шепла къ холоду и обратно имѣетъ болѣе или менѣе неизбѣжныхъ слѣдствій, пораждая иногда въ Калмыкахъ болѣзни скороспечныя, преимущественно горячки, свойственныя вообще здѣшнему климату; но болѣзни хроническія у нихъ чрезвычайно рѣдки. Къ сожалѣнію нельзя не замѣтить, что зло, копорымъ свѣтъ спарый обязанъ новому, имѣетъ и здѣсь свои жертвы; оно распроспранилось послѣ похода въ 1812 году за границу, когда кочующіе виписи, удоспоясь побывать въ мѣрѣ просвѣщенія, возвратились

опшуда, почши всѣ безъ изъяснiя, больные и конечно увѣковѣчаютъ среди спешей своихъ имя Францiи живыми воспоминанiями.

Главнѣйшая же и гибельнѣйшая для нихъ болѣзнь есть оспа, по Калмыцки *цецихъ*, ш. е. цвѣшокъ. Дѣйствiя ея споль ужасны, чпо для Калмыка заболѣть оспою, значить умереть неизбежно: ибо изъ 10-ли человекъ, пораженныхъ ею, едва выздаравливаютъ шрое. Необыкновенная злокачественность и прилипчивость оспы въ Калмыцкихъ улусахъ имѣеть при начала: а.) особое расположенiе цѣла Калмыковъ къ принятию и развитiю жесточкихъ ея припадковъ; б.) кочевой образъ жизни, по кошорому больные въ своихъ кибиткахъ, оповсюду продуваемыхъ вѣтромъ, лишены средствъ къ защитѣ отъ сыраго, холоднаго воздуха; и с.) производимый появленiемъ сей болѣзни ужасъ, заспавляющiй Калмыковъ, для сохраненiя себя удаляться отъ заболѣвшихъ, при чемъ сiи послѣднiе съ кибитками и со всемъ имущесшвомъ оспавляются на произволь судьбы, шакъ, чпо уже не одно дѣйствiе болѣзни, а голодь, или въ зимнее время суровость воздуха, прекращаетъ

дни спрадальцевъ. Въ приволжскихъ кочевьяхъ жилища ближайшихъ селеній и Казацкихъ станицъ нерѣдко находятъ оспавленныхъ шакимъ образомъ младенцевъ, и Христіанская любовь возвращаетъ ихъ къ жизни; но въ глубинахъ степей чуждо спасеніе; шамъ вопли несчастныхъ разносятся пущынными вѣтрами, и самый ихъ прахъ среди полуразрушенныхъ кибитокъ, служа предметомъ ужаса для Калмыковъ, возмущаетъ душу случайно приближающагося пушника.

Для прекращенія зла сего Правительство съ давняго времени печется о распространеніи между Калмыками оспопрививанія; но препятствующее надъ ними невѣжество, не позволяеть еще вполне пользоваться послѣдствіями сей спасительной мѣры. За всѣмъ тѣмъ постоянныя усилія Начальства и общенное убѣжденіе Калмыковъ въ пользу оныхъ, безъ сомнѣнія воспоржествуютъ надъ всѣми препятствіями (*). Въ 1832 году прививка оспа

(*) Нынешній Инспекторъ Астраханской Врачебной Управы Г. Саломонъ обратилъ на сей важный предметъ особенное вниманіе, и дѣлательно занимается всѣмъ тѣмъ, что только можетъ содѣйствовать успѣхамъ оспопрививанія.

въ улусахъ вообще 2,650-ми младенцамъ, тогда какъ сначала введенія сей операціи по означенный годъ, привито было оной въ сравненіи съ симиъ менѣе половины.

Живущій близъ города Енопаевска, въ соседствѣ съ Багодохуровскимъ улусомъ, помещикъ А. В. Кахановъ, имѣя небольшую домашнюю аптеку и обучивъ дворовыхъ людей своихъ оспопрививанію, приобрѣлъ у Калмыковъ споль большую довѣренность, что они сами ежедневно приходивъ къ нему въ домъ съ просьбою привить имъ осну.

Коръ, и вообще сыпи, по Калмыцки *тургунъ киликъ* (шелковая рубашка), не имѣющія особенно вредныхъ послѣдствій, полагаются въ числѣ болѣзней обыкновенныхъ.

Черты лица Калмыковъ имѣютъ весьма близкое сходство съ Китайскими или Манжурскими. Калмыки вообще черноволосы; имѣютъ узкіе черные глаза, большіе скулы, плоскій носъ и прекрасные бѣлые зубы. Цвѣтъ лица ихъ смуглый и все тѣло лишено бѣлизны; но сіе происходитъ не сполько отъ при-

роды, сколько опгъ дѣйствія солнечныхъ лучей и опгъ вѣчнаго въ кибиткахъ ихъ дыма. За всѣмъ тѣмъ еспь мушны и женщины, копорымъ самый рѣзборчивый вкусъ не опказалъ бы въ своемъ вниманіи.

Зрѣніе ихъ, по привычкѣ ли всегдашняго созерцанія предметовъ на обширныхъ степныхъ равнинахъ, или по особенной организаціи, одарено рѣдкою быспрошою, шакъ, что когда обыкновенный глазъ только еще замѣчаетъ что нибудь въ опдаленности, Калмыкъ безошибочно объяснитъ подробности едва мелькающаго признака; но жаль, что дымъ, причиняя глазныя боли, вредитъ сей дальноркости.

Крѣпость плѣсная и силы даютъ Калмыкамъ большое преимущество предъ другими кочующими народами. Ростъ ихъ большею частію средній, станъ довольно стройный, и только искривленные опгъ верховой ѣзды ноги, измѣняютъ общей правильности въ фигурѣ. Тучные Калмыки вспрѣчающся очень рѣдко, и по изъ сословія Гелюнговъ, упишанныхъ жертвами.

Борьба, замѣняющая въ Калмыцкомъ народѣ рыцарскіе шурниры, часто доставляетъ случаи видѣнь необыкновенныхъ силачей, изъ коихъ нѣкоторыя приобрѣтаютъ самое громкое во всѣхъ Монгольскихъ племенахъ имя: *батырь*, ш. е. богатырь.

Въ доказательство необыкновенной силы Калмыковъ можно привести и то, что они, нанимаясь въ Астраханской губерніи для развѣздовъ по Волжскимъ пропосокамъ, нерѣдко въ продолженіе цѣлыхъ дней, безъ отдохновенія и пищи, работаютъ веслами и, нечувствуя изнуренія, преодолеваютъ порывы вѣтровъ или быспрошу печенія, будучи при томъ палимы солнцемъ и шерзаемы безчисленнымъ множествомъ комаровъ. Труды сіи возбуждаютъ общее удивленіе, и многіе здѣсь, чтобы выразить швердосць Калмыковъ, въ шушкахъ называютъ ихъ водяными лошадями.

Но видя Калмыка идущаго пѣшкомъ, не мудрено подумать, что онъ только еще учинся ходить: шакъ неловка его походка, затрудняемая кривизною ногъ и неудобными сапогами. За то верхомъ на лошади, онъ гораздо

пверже, нежели на ногахъ, и даже шонть изъ нихъ, кшо пьяный не сдѣлаентъ шагу не упавши, никогда не свалился съ лошади, если его посадишь на нее. Женщины ихъ въ наѣздничествѣ сноть же искусны, какъ и мужчины.

ГЛАВА VI.

ПИЩА И ПИТЬЕ.

Находя въ пищу одну необходимую потребность—ушодвнне голода, Камыки не имѣютъ ни ушонченнаго вкуса, ни разборчивости. Домашнія живошныя всякаго рода и дикіе звѣри равно удовлетворяютъ ихъ аппетитну; но какъ первыхъ они (здѣсь должно разумѣть просной классъ народа) рѣжутъ только въ случаяхъ особенныхъ, напримѣръ: для больныхъ, госпей и н. п., а ловля послѣднихъ сопряжена съ нѣкошорыми заботами, шо всегдашній сподъ ихъ соспошнть въ лѣтнее время изъ кнрничнаго чаю и молочныхъ пригошвлентій, зимою же, когда доеніе прекращается, кромѣ чаю, преимущественно изъ будана.

Чай, называемый по внешнему виду его кирпичнымъ, есть спелый и испорченные листочки чая обыкновеннаго, которые въ Кипшаѣ не пропадають, а посредствомъ клейкихъ веществъ соединяются и высушенные въ формахъ, получаютъ видъ кирпича, или четвероугольной, немного продолговатой дощечки. Дощечки сии продаются въ Аспрахани каждая отъ 4 до 4 руб. 50 коп. и составляютъ значительный предметъ торговли. Камыки наливаютъ въ кошель воды, кладутъ туда не большое количество искошеннаго ножомъ чая, и кипятятъ до полъ, пока жидкость сдѣлается красноватою; потомъ прибавляютъ соли и молока, и вскипятивши вновь, разливаютъ деревянными половниками въ стаканы же чашки, для употребленія. Чай сей, похожъ болѣе на бульонъ, весьма питателенъ и съ живитъ внешнѣ пищею и питьею. Сначала кажется онъ непріятнымъ; но въ нѣсколько дней привычка, или лучше сказать необходимость, заставляетъ находить его довольно вкуснымъ; ибо дурная вода спешныхъ кудуковъ, не представляя другихъ средствъ къ утоленію жажды, только въ

соспавѣ, Калмыцкаго чая бываетъ еще сколько нибудь сносною. Калмыки пьютъ его чрезвычайно много, кушая при томъ привозимыя къ нимъ изъ Аспрахани и Царицына, сухія кольцеобразныя вишушки.

Кобылье молоко, квашеное, доспавляетъ имъ близкій къ вину напитокъ, называемый *Чиганъ*, а коровье молоко соспавляетъ особую жидкость *айрекъ*, и сверхъ сего за излишествомъ гонимся изъ того и другаго *арьки*, т. е. вино, кошорое передвоенное называется *арза*. Оба сѣя напитка довольно крѣпки и, если выпить на огонь, пылаютъ какъ спиртъ; но употребленіе ихъ, по словамъ самихъ Калмыковъ, причиняетъ большую головную боль, и вмѣсто обыкновенной опьянѣлости, приводитъ въ какое-то помѣшательство или одурѣлость, кошорая продолжается нѣсколько дней. Вкусомъ они могли бы быть не пропитны, если бы дурнопа обработки не сообщала имъ опротивительнаго запаха.

Выдѣлка *арьки* производится скоро и просто: въ чугунный кошелъ, поспавленный на шагнѣ, наливаютъ кислое молоко, плотно закрываютъ крышкою, кошорую обмазываютъ гли-

ною или коровьимъ каломъ; попомъ спавяишь въ наполненное водою корышко другой кошель, также закрытый, и соединяють ихъ посредствомъ небольшой деревянной кривой шпурбы, утверждая концы ея въ опверсшяхъ, копорыя для сего на крышкахъ у кошловъ оспавляются. Успроивъ все такимъ образомъ, начинаютъ кипячить молоко и проводятъ пары его въ порожній кошель, имѣющій опдушину, часа черезъ подшора получаютъ горшое вино. Оспавяющуюся при семъ винокурени бузу, ш. е. барду, процѣживають и гущыя часшцы оной сушатъ на солнцѣ, въ запасъ на зимнее время. Эшопъ родъ запаса, называемый шурьмукъ, кладется въ буданъ и употребляется въ пищу съ масломъ.

Буданъ есть жидкость; онъ варится въ кошлѣ изъ воды и муки, съ прибавленіемъ молока или масла и шурьмука, а иногда и крошенного мяса.

Изъ овечьего молока дѣлають маленькіе сыры, называемые *азге*.

На зиму Калмыки покупають въ Аспрахани и другихъ близкихъ къ нимъ мѣстахъ, по немногу муки, изъ которой иногда

некушъ что-то похожее на леенки. Для сего мукá замѣшивается на водѣ, и образующееся пѣсно кладется въ горячую золу, гдѣ и печется не только вмѣстѣ съ золою, но иногда и съ неперегорѣлымъ еще аргасуномъ, или оспанками камыша.

Скопъ палый и умерщвленный или поврежденный звѣрями, часно доставляется Калмыцкой кухнѣ обиліе и въ мясѣ; тогда предъ аппешипомъ нѣсколькихъ челоуѣкъ, исчезающъ цѣлыя лошади съ удивительною быстротою.

Владѣльцы и богатые изъ Зайсанговъ и Калмыковъ имѣющъ самое счастливѣйшее въ Калмыцкомъ народѣ преимущество: кушаль всегда свѣжую жареную и вареную баранину. Мясо молодыхъ жеребятъ, пишającychся еще молокомъ, для гаспрономовъ доставляется верхъ наслажденія.

Изъ царства распеній Калмыки, кочующіе близъ болописныхъ мѣстъ, употребляютъ въ пищу: а.) коренья пишковашаго медвяжяго уха (*Phlomis tuberosa*), по Калмыцки *ботманцукъ*; б.) головашую осоку (*Spicis capitatis*) по Калм. *алцинго*; с.) водяные оспрогран-

ные орѣхи (*trapa natans*) называемыя въ Аспрахани *тилмъ*; d.) спорышъ или распъ (*Ognithogalum bicolor*), по Калм. *буулукъ*, коего луковица имѣетъ большую мочку. Всѣ сѣи распенія или кореня Калмыки пекутъ въ золѣ или сушатъ на солнцѣ, шолкутъ въ крупу и варятъ какъ кашу, или ѣдятъ сырыя.

ГЛАВА VII.

О Д Ъ Ж Д А.

Одежда Калмыковъ состоитъ зимою изъ овчинныхъ шулуновъ, а лѣпомъ изъ киншайчанныхъ кафшановъ или чапановъ обыкновеннаго покроя, подпоясываемыхъ кушаками изъ киншайки же. На голову надѣваютъ они, сообразно времени года: шапки и войлочные шляпы. Шапки бываютъ суконныя и машерчашныя, большею частію желныя, съ лисьиными и другихъ звѣрей узкими околышами, вышиною оныхъ околыша вершка въ два или три, четвероугольныя и къ верху нѣсколько расширенныя; кромѣ сихъ шапокъ нарядныхъ, есть другія, извѣстныя во многихъ мѣстахъ Россіи подъ названіемъ Калмыцкихъ малахаевъ, кошорыми, въ случаѣ сильныхъ морозовъ, съ боль-

шею удобностию можно сохранять не только голову, но лице и уши. Шляпы Калмыціи чрезвычайно плоски, едва съ примѣшною шульею и съ маленькими полями. Какъ къ шапкамъ, такъ и къ шляпамъ пришиваются на верху шелковыя киспи краснаго цвѣща, называемыя *зала*. Киспи сіи служатъ не для одного украшенія, а сославляютъ какой-то особый религіозный символъ, весьма уважаемый.

Богатые Калмыки носятъ верхнее плащье длинное и широкое на распашку, а подъ нимъ парчевыя, и изъ другихъ матерій, узкія полукафшанья или бешметы; но молодые люди употребляютъ особенныя кафшаны, съ закладными назадъ рукавами.

Бѣлье состоитъ изъ холстинной распашной рубахи, проспирающей не много далѣ поясицы, и восточнаго плащья. Исключая владѣльцевъ и богатыхъ Зайсанговъ, ни одинъ Калмыкъ не заботится имѣть болѣе одной пары, которую носятъ на себѣ, и которая заимается новою не прежде, какъ превращается въ рубище. Лѣномъ Калмыки и Калмычки бѣлье свое иногда моютъ, оспаваясь до иного времени, когда оно просохнетъ, на-

гими, или прикрываясь кафшанами; но въ продолженіе зимы и шого не наблюдаешся.

Плащѣ женское оплечаешся опть мужскаго пѣмъ, чпо лѣпніе кафшаны не имѣють рукавовъ, и какъ у оныхъ, шакъ и у шулуновъ, на одной полѣ сверху дѣлаешся выемка, заснегиваемая на полѣ-аршина путовцами. Шапки прошивъ мужскихъ менѣе, а шляпъ онѣ не носятъ.

Сапоги, общая обувь; шьющся съ каблучками шполь высокими, чпо безъ привычки, совершенно невозможно ходишь въ нихъ; но за шо они, при обыкловеніи Калмыковъ имѣшь у сѣделъ коронкія шпрямна, удобны въ верховой ѣздѣ. Въ холодное время надѣваюцца подъ сапоги валяные кошешные чулки.

Говоря о костюмахъ Калмыковъ, здѣсь прилично упомянушь и о другихъ принадлежностяхъ шпеннаго ихъ наряда. Волосы на лбу мущины подбривають, а на запылкѣ заплешають въ косу; бороду же выщипывають дочисша, оспавляя одни усы.

Женщины заплешають волосы надъ висками въ двѣ косы, кошорыя обшиваюцца въ кишайку, или шелковую шемную матерію, и

упадають на грудь; дѣвицы напрошивъ дѣ-
ють нѣсколько косъ. Въ ухахъ носятъ сер-
ги: замужня въ обѣихъ, а дѣвицы въ одномъ,
въ чемъ подражають имъ и многіе мужчины,
принимая также одно ухо.

Лицамъ духовнаго званія присвоенъ самую
религією цвѣтъ одежды красный и желтый.
Кафшаны ихъ, или плащи съ рукавами, бывають
красные, а шапки и шляпы желтыми съ крас-
ною киспью (*залу*). Исподнее платье замѣ-
няютъ они коронкою до колѣвъ юбочкою. Во-
лосы на головѣ брѣвють, какъ Магомешане,
съ бородою же и усами посшупають по об-
щему всѣхъ Калмыковъ обыкновению.

ГЛАВА VIII.

ВЪРОИСПОВѢДАНІЕ.

Объ религіи Калмыковъ напрасно было бы искашь извѣстій, вполне удовлетворительныхъ; ибо самое духовенство Калмыцкое, имѣя всѣ книги до вѣры относящіяся на языкѣ Тангушскомъ, сколько можно замѣтивъ, не понимаетъ въ подробностяхъ своей религіи; а пошому при каждомъ покушеніи начать о семъ разговоръ, духовныя лица опзываются, что по закону ихъ говорить о вѣрѣ не позволительно; если же иногда случается воспользоваться со стороны нѣкоторыхъ опкровенностию, то объясненія ихъ большею частію бываютъ разнообразны, сбивчивы и неудобопонятны.

По сему, осматривая все шо, что можешь

казаться шемнымъ, и придерживаясь единственно шѣхъ свѣдѣній, кои будучи почерпнуты изъ разныхъ источниковъ, оказываются между собою согласными и представляются болѣе досповѣрными, я считаю приличнѣйшимъ ограничиться здѣсь только главными предметами Калмыцкаго Вѣроученія, которое имѣетъ начала общія съ ученіемъ Брамиковъ (*).

Исторія міра.

До сошворенія міра, по мнѣнію Калмыковъ, существовало неизмѣримое пространство пустошы, хаосъ. Пошомъ (неизвѣстно когда) поднявшаяся со всѣхъ десяти сторонъ свѣта буря, породила множество облаковъ, которыя пролили шполь сильный дождь, что изъ онаго сошпавилось величайшее море. На поверхности сего моря, движимаго бурей, накопилось чрезмѣрное множество пѣны, изъ коей уже образовалась земля, и воздвигнувшая

(*) Въ эпоху убавился я личнымъ наблюденіемъ богослуженія Индійцевъ въ Астрахани.

ся среди моря гора *Сюммерь-ула* (ханъ или царь всѣхъ горъ), унвержденная на пронзенной Бурханомъ *Манцзошири* черепахѣ, сошавшля средошочіе всей земной шверди.

Гора сія, имѣя чепыре стороны — одну серебряную, другую изъ лазури, прешью изъ рубиновъ и чепвершную изъ золоша, — возвынаенся надъ поверхношнію моря на 80 ш. беръ (*), семью ушпунами, изъ конхъ на каждомъ обшпающъ разлчнаго рода Тенгери (духи, парри): въ низу злые, въ верху добрые; на самой же вершинѣ помѣщающся 33 Тенгерія, самыя добродѣшельныя, подъ начальшвомъ *Хурмусти*. Наконецъ еще выше сего, вѣрояшно уже въ шпранахъ небесныхъ, находяшся царшво боговъ и жилище праведныхъ въ обласки Бурхана *Абида*.

Вмѣспѣ съ горою *Сюммерь-ула*, возникли окружающіе оную чепыре огромные ошрова.

Первый изъ нихъ называенся *Энгбутитъ*, земли, вмѣщающая въ себѣ всѣ драгоцѣнносии.

Вторый — *Улюджи Битъ Титъ*, земля великановъ.

(*) Беръ ешть мѣра, содержащая въ себѣ 8 вершп; она упоминаенся шолько въ духовныхъ книгахъ.

Третій — Укюръ Эделекки Тилъ, земля питающая рогатый скотъ.

и *Четвертый — Му ду-ута Тилъ*, земля производящая зловѣщій голосъ.

Всѣ сіи оспрова или міры, имѣющіе при себѣ еще по два небольшихъ оспрова, обитаемы. 1-й изъ нихъ занимаетъ Европа, на 2-мъ и 3-мъ живутъ великаны, одни другихъ превышающіе, а на 4-мъ помѣщаются люди, безъ болѣзней достигающіе до тысячи лѣтняго возраста и о времени кончины за нѣсколько дней извѣщаемые какимъ-шо шаманшвеннымъ голосомъ. Между всѣми помянутыми людьми нѣтъ никакихъ сношеній: ибо переходъ съ одного оспрова на другой возможенъ только для однихъ Бурхановъ.

Первые люди, получившіе бытіе въспѣ съ сошвореніемъ міра, ошъ нѣкоего *Тодорго герельту тенгери*, ш. е. свѣшлаго духа, осчасливлены были всѣми дарами благодати: они издавали ошъ себя сіяніе, имѣли крылья, не пребовали пици, жили по 80 ш. лѣшъ и всѣ были *Хубилганъ*, ш. е. возраждались вновь чрезъ переселеніе душъ.

Сколько времени продолжалось шакое за-

видное соспояніе людей — неизвѣспно; но оно ушрачено невоздержаніемъ одного человекѣка, копорый сѣвъвъ земное произраспеніе называеое *шиле* (*), соблазнилъ къ шому и другихъ. Сіе невоздержаніе было причиною, что исполнскій росптъ, долгодѣшіе, сіяніе, способноспъ лешапъ — словомъ все изчезло и люди долго оспавались во шмѣ, пока не учредились солнце, луна и звѣзды. Но среди шаковаго перевороша были еще люди, сохранившіе свяпоспъ: они въ числѣ 1000 сущеспвъ переселились на небо и сдѣлались Бурханами.

Съ сего времени солнце, соспоящее изъ огня и спекла, ежедневно обрашаепся около горы *Сюмеръ-ула*. Когда оно, движимое воздушными конями, выходитъ прошивъ серебряной спороны означенной горы, шогда начинаешся разсвѣспъ; когда равняешся со спороною лазурною, шогда наспунаешъ полдень; когда приближаешся къ споронѣ рубинной, шогда день склоняешся къ вечеру и наконецъ со спороны золошой опражаешся ночь. Лу-

(*) Что именно означаетъ *Шиле* — Калмыки не разумюптъ: шбо многія слова Тангутскаго писавія для нихъ незнапашны.

ну, подобно солнцу также спранспвующую окодо *Сюлмерь-улы*, починающъ Калмыки соединеніемъ спекла и воды, и какъ оную, шакъ и звѣзды предснавляющъ себѣ обипшелями свѣшлыхъ Тенгерій (*).

Пошерявъ, какъ сказано, жизнь благоданную, люди довольспвовались сначала различными непашельными распеніями, но какъ оныя скоро перевелись, шо всѣ впали въ неизъяснимую крайность, за копорою слѣдовали: необходимость приобрѣшашъ пищу шрудами и водвореніе на землѣ пороковъ. Въ семъ бѣдшвенномъ положеніи, для сохраненія порядка, бла-

(*) Запшганіе солнца и луны Калмыки приписываютъ какому-шо злобному духу, копорый, за причиненное Бурханамъ оскорбленіе, прѣковываешся попеременно къ снмъ свѣшпаламъ. Духъ сей нерѣдко покушаешся освободншь себя, и при снхъ-шо случаяхъ солнце и луна начинающъ шускнѣшь. А какъ шакое освобожденіе неминуемо должно произвешн величайшія бѣдшвія, шо Калмыки, шшобы испугашъ и усмирншь духа и сохранншь чрезъ сіе свѣшпа, поднимающъ ужасный шумъ, скачущъ на лошадяхъ, кричатъ, спрѣляютъ изъ ружей и проч. Сверхъ шого, о знакахъ видныхъ въ лунѣ они думаютъ, шшо шамъ изображаешся зайць, въ памашъ подвига Бурхана Шакдживуни, копорый бывши нѣкогда зайцемъ, позволилъ съшспъ себя умшравшему съ голода справнику. Паденіе звѣздъ означашъ у ннхъ переселеніе Тенгери.

горазумѣйшій изъ людей выбранъ былъ Ха-
номъ.

Бурханъ съ своей стороны, видя землю осиротѣвшую добродѣтелями, рѣшился поспѣшить оную, и когда вѣкъ людей былъ 80 ш. уменьшился до 40 ш. лѣтъ, тогда изъ числа тысячи, явился первый *Эбдеки Бурханъ*, ш. е. разорилъ (*), названный такъ можетъ быть потому только, что въ то время мръ начиналъ клониться къ разоренію или разрушенію. Впрочемъ цѣль его была — проповѣдываніе вѣры. Послѣ сего, когда люди не могли уже жить болѣе 30 ш. лѣтъ, сошелъ второй *Алтанъ Чидыки Бурханъ*, спросилъ міра (**); за нимъ, когда люди жили по 20 ш. лѣтъ, послѣдовалъ прешій *Герель Сакики Бурханъ*, блюстишель міра (***) ; далѣе явился четвертый *Манцзошири Бурханъ*, а потомъ, когда люди жили по снѣ лѣтъ, сошелъ на землю Бурханъ *Шакджикуни*, указавшій наспо-ящую Ламайскую вѣру и управляющій міромъ

(*) Индѣйское божество *Шивень*.

(**) — — — — *Брама*.

(***) — — — — *Вшину*.

доньяѣ. Не смотря однако же на покрови-
шельство всѣхъ сикъ Бурхановъ, уменьшеніе
лѣтъ и росна земнородныхъ все-таки не пре-
крапились и достигнешъ до того, что чело-
вѣкъ будешъ жить только 10-ть лѣтъ, роснѣ
ему дастся не болѣе одного аршина, и самыя
лошади будутъ не болѣе зайца. Наконецъ
ужасныя бѣдствія испребяшъ почти всѣхъ
живущихъ; послѣ чего земля очистишся ог-
немъ и водою и вновь наспанешъ вѣкъ блажен-
ства. Люди получаютъ опять долголѣтіе и,
слѣдуя внушеніямъ добродѣшельнѣйшаго *Бур-*
хана Майдри, — который долженъ послушишъ
погда вмѣсто Шахджимуни и удивишъ смерт-
ныхъ своими совершенствами, величіемъ, сія-
ніемъ и красою, — приобрышутъ возмож-
ностъ пользоваться возрастомъ до осьмиде-
сяти тысячъ лѣтъ, и, что всего важнѣе, въ
этомъ вѣкѣ будутъ владычествовашъ на зем-
лѣ уже не мужчины, а женщины.

Все описанное здѣсь опносительно зем-
ныхъ событій подлежащъ еще особому изъяс-
ненію. По ученію Ламайскому, существова-
ніе міра полагаешся безконечнымъ; но безпре-
дѣльность шакшая имѣешъ періоды, называе-

мые *Галь-ань*, огненное испребленіе (*). Каждый періодъ содержишь въ себѣ седмью семь (49) малыхъ эпохъ или галаповъ, изъ коихъ каждыя семь огненные сопровождаются осмьюмъ изъ воды — пошопомъ; всѣ же вообще заключаются разрушеніемъ міра: *Галапъ Эргиху*. Независимо отъ сего помянутое число галаповъ, въ началѣ, продолженіи и окончаніи оныхъ, раздѣляется на чешыре шепени: 1-я.) *Аха-галапъ* ш. е. главный или сшаршій галапъ, объемяющій время уменьшенія вѣка человѣческаго отъ 80 ш. до 10-ши лѣтъ; 2-я.) *Эбдереху галапъ* ш. е. галапъ разрушительный, въ продолженіе коего на землѣ все испребляется; 3-я.) *Хоосунъ галапъ* ш. е. галапъ пусшой, или время пусшошы на землѣ; и 4-я.) *Тохтоху галапъ*, знаменующій возшановленіе, ибо къ сему галапу отшосится время, когда буря возвращаетъ изъ ада души для новаго населенія земли.

(*) *Галь* по Калмыцки огонь, *ань* возми.

Ученіе Вѣри.

Калмыки хотя не нарицають Творца все-ленной ни какимъ особеннымъ именемъ, но за всѣмъ тѣмъ они не рѣдко упоминають „сущестиво всевидящее, непоспнжимое, невидимо всемъ управляющее, духомъ святымъ преобразеніе имѣющее и спасающее всѣхъ живонныхъ“ (*). При сихъ высокихъ понятіяхъ, о Богѣ, не умѣя предспавишь себѣ идеала, копорый являлъ бы зрѣнію подобіе непоспнжимаго, народъ Калмыцкій, согласно ученію вѣры онаго, воздаешъ божескія почести *Бурханамъ*, добрымъ и злымъ, имѣющимъ будшобы ближайшее вліяніе на судьбу міра. Испорія сихъ Бурхановъ, раздѣленіе между ними власни, ихъ свойсва и даже самыя изображенія предспавляютъ весьма близкую каршину языческой мнѳологіи.

Слѣдующіе изъ Бурхановъ счпшаются главными:

(*) Сими словами начинается сообщенная мнѣ на Калмыцкомъ языкѣ бумага, писанная о вѣрѣ однимъ изъ высшихъ лицъ Калмыцкаго духовенсва.

1.) *Шакджимунни*, онъ же и *Бакши* и. е. учипель. Онъ, какъ основатель вѣры, починается источникомъ свѣтлннн и изображается сидящимъ по Калмыцкому обыкновению, сложа ноги, правую руку имѣетъ опущенною, а въ лѣвой, прижатой къ поясу, держитъ чашу съ аршаномъ (живошворною водою); чрезъ плечо у него находящся перевязь (оркинджи).

Древнее Монголо-Калмыцкое Уложение начинается молитвою къ нему въ слѣхъ выраженіяхъ: „Яко пучина великаго моря всѣми добродѣтелями исполнившемуся, и пѣми украсившемуся, и самую вѣрою безплошнымъ уподобившемуся, и при сущеснва въ себѣ вмѣспившему, и обо всемъ вѣдѣніе и самодержавную власпѣ получившему — Шакджимунни Ламѣ поклоннемся.“

2.) *Манцзомири*, неспарфьющійся или вѣчннй. Сей Бурханъ, какъ изложено выше, былъ на землѣ еще прежде Шакджимунни и онъ же, будучи нѣкогда Хубилганъ, и. е. перерожденный, съ именемъ *Ямандаги* побѣдилъ *Эрликъ-Хана*. Посему изображенія его различны: въ первомъ случаѣ представляется онъ съ наруж-

носію божества добраго, а въ другомъ — ужаснаго.

3.) *Майдри*, Бурханъ долженсшвующій послѣ Шахджимуни управлять міромъ. Изображенію его, съ особенною тщательностію, при дается видъ совершенсшва; ибо его описываютъ блестящими красками. Иногда представляется онъ съ чепырьми лицами и десятиью руками, имѣя въ одной изъ сихъ послѣднихъ чашу аршана, а въ другой очирь (скишпръ или жезлъ).

4.) *Абида*, Бурханъ завѣдующій раемъ. Онъ изображается похожимъ на Шахджимуни, съ пою шолько разницею, что чашу съ аршаномъ держитъ обѣими руками.

5.) *Идуберъ Узюки*, — всевидяцій. Соопвѣпшвенно своему названію, Бурханъ сей имѣетъ множесшво головъ, одна на другую пирамидально поставленныхъ, и сверхъ того нѣскольکو рукъ снабженныхъ различными магическими знаками.

6.) *Эрликъ-Ханъ*, судья всѣхъ мершвыхъ и повелитель ада (*). Изображеніе сего Бур-

(*) Онъ же называется иногда *Цоурджиль*, или *Магалага*.

хана еспь образецъ всего ужаснаго и опшвра-
шнпшельнаго. Голова его окружена пламенемъ
и увѣнчана мершвыми человѣческими голова-
ми; въ одной рукѣ у него *огирь*, а въ другой
колокольчикъ, упошребляемый Калмыками при
богослуженіи, ногами подавляешъ какого-шо
злаго духа. Нѣкогда самовласпно присвоилъ
было онъ себѣ владычеспво въ спранахъ мі-
ра вышнпнаго, но побѣжденный Ямандагою по-
лучилъ въ удѣлъ царспво шьмы.

7.) *Оточе-Бурханъ*, богъ врачевспва. Въ
изображеніи подобенъ онъ Шакджимуни, из-
ключая шого, что не имѣешъ въ рукахъ чашки.

8.) *Дайгинь*, богъ брани. Его предспавля-
юшъ всадникомъ.

9.) *Хурмуста*, защитникъ или хранишель
земли. Хурмуспа, обпшающій съ 33-ми под-
власпными ему Тенгеріями на высопахъ Сюм-
меръ-улы, еспь благодѣшельный духъ, пеку-
щійся о всѣхъ шваряхъ. Онъ изображаешся
въ видѣ спарца, развѣзжающаго на слонѣ, ко-
порый называешся: *Газыр Сакики Кубень*,
ш. е. мальчикъ, сынъ защитника земли. Слонъ

сей оплачивается необыкновенною близкою жерстью и огромностию; ибо выпина и длина его полагаются въ нѣсколько верстѣ. Пасется онъ въ очаровательной долинѣ и утоляетъ жажду водою, сладкою какъ медъ. Особенное свойство сего животнога состоитъ въ томъ, что при отправленіи Хурмуспы въ путь, оно получаетъ 33 красныя головы, изъ коихъ на каждой по 6-ти хобошвѣ; на всякомъ хобошвѣ по 7 бассейновъ; въ каждомъ бассейнѣ расшеть по спольку же (т. е. по 7) водяныхъ лилій; а на сихъ лиліяхъ сидятъ воздушныя дѣвы, которыя поютъ и устроятъ въ лилавры. Между тѣмъ самъ Хурмуспа помещается на средней головѣ слона, уступая прочія 33 сопущивующимъ ему Тенгеріямъ.

10.) *Огурбани.* Во власпи сего Бурхана, обитающаго на пущынномъ хребтѣ горъ, состоятъ бури, непогоды и облака. Следовательно его можно сравнить съ Бореемъ.

Сверхъ сего къ сонму боговъ надлежитъ причислить Тенгери, имѣющаго нѣкоторое

сходство съ Юниперомъ. Сей Тенгеръ, съ начала весны, лѣпомъ и осенью развѣзжаетъ по воздуху верхомъ на какомъ-то чудовищѣ, называемомъ *Лоу-Ханъ*, и посылаетъ на землю громовыя стрѣлы, употребляя при семъ рога Лоу-Хана вмѣсто лука. Когда онъ напигиваетъ шепиву, то Лоу-Ханъ, отъ сильной боли, производитъ ужасный ревъ и испускаетъ рیحомъ пламя, а отъ сего происходитъ громъ и молнія. Въ зимнее время Лоу-Ханъ покоится въ глубинѣ морей.

Бурхановъ невидимыхъ, пользующихся правами божескими на землѣ предшавиштели ихъ: *Далай Лама* и вообще всѣ *Ламы*; за ними же слѣдуютъ Тенгеріи обоего пола (добрые духи), кои, рождаясь отъ взаимныхъ лобзаній и даже отъ взоровъ, или одной улыбки любви, существующихъ не только десятки, но цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ и исчезая вселяются въ благочестивыхъ людей.

Солнце, луна и звѣзды, какъ жилища Тенгерій, и даже огонь, равномерно принадлежатъ къ предметамъ обожанія.

Обширныя преданія о подвигахъ Бурха-

новъ, ихъ непорочности и сплужанномъ величїи, и наконецъ ученіе Шахджинунн, — написанныя въ огромныхъ книгахъ, заключающыя въ себѣ *Ноль*, ш. е. законъ Калмыцкой вѣры.

Въ шѣсномъ смыслѣ вся сущность сего закона выражается символическими словами: *Гурбунъ-Эрдени*, ш. е. пройспивенная драгоценность или святыня, въ соединенїи коей Калмыки разумѣють: *Божество, Законъ* (писаніе) и *Духовенство*.

Далѣе предписывающыя подробныя правила, основанныя на раздѣленїи добра и зла и числовою понятїи внушающыя справедливое удивленіе. Главнѣйшія изъ сихъ правилъ, коихъ десять, указываютъ дурныя дѣла (грѣхи) въ слѣдующемъ порядкѣ: а.) грѣхи приписываемые произволу: 1.) *ами тасалху*, — убійство, опияніе жизни; 2.) *Кюгеръ-Абху* — всякое насиліе; 3.) *Таганку Седкель*, — всякое шѣлесное оскверненіе. б.) Грѣхи происходящіе отъ языка или словъ: 4.) *Шюрюнъ* или *Докшинъ-Ёгё* — злословіе; 5.) *Цалга-Ёгё* празднословіе; 6.) *Алгалъ*, или *Худуль*, — клевета, ложь; 7.) *Холь*, — смуты, подспреканїя. и с.) Грѣхи душевные 8.) *Хоб-*

доголху, — зависпъ; 9.) *Хоролху - Секдиль*, — мщеніе; и 10.) *Буру - Юзюль*, — безбожіе, непризнаніе свяпости закона.

Воспрещая сіи пороки, Калмыцкая религія спрого повелѣваетъ наблюдать прошивуположныя онымъ добродѣтели и обѣщаетъ по смерти за дѣла добрыя награды, а за худыя — наказаніе. Отсюда слѣдуетъ шолкованіе о душѣ и о мѣрахъ воздаянія.

Души людей, совершенно непорочныхъ, или занимавшихъ высшій санъ духовный, по оплаченіи оныхъ пѣла, немедленно переселяются въ райище блаженства; но, за исключеніемъ оныхъ, всѣ прочія предшавляются на судъ грознаго *Эрликъ-Хана*. Здѣсь, соображаясь съ книгою дѣлъ человѣческихъ: *бе алтанъ тоали*, п. е. золотое волшебное зеркало, сравнивая число пороковъ съ числомъ добродѣтелей и въ случаѣ сомнительномъ взвѣшивая пѣ и другія на вѣсахъ, Эрликъ-Ханъ дѣлаетъ свои опредѣленія, по копорымъ души получаютъ различныя назначенія: одні изъ нихъ опправляются къ Бурханамъ; другія послунають въ число добрыхъ Тенгерій; прещы въ число злыхъ духовъ; четвертыя

возвращаются на землю, будучи поселены или возраждаемы въ людяхъ или бессмысленныхъ шваряхъ, и наконецъ пышны осуждаются на мученія.

По окончаніи процесса, который совершается по смерти въ продолженіе 49 дней, души, согласно назначенію, препровождаются въ свои мѣста; для чего опть жилища Эрликъ-Хана усстроены при дороги: золошая, серебряная и желѣзная.

Первая (ш. е. золошая) ведетъ на небеса въ царство Абида, гдѣ въ очаровательныхъ спранахъ, въ черпогахъ, сооруженныхъ изъ золоша и драгоценныхъ камней, среди цвѣшовъ, дышащихъ ароматами и орошаемыхъ источниками аршана, покоятся Бурханы, раздѣляя блаженство съ праведными.

Вторая дорога (серебряная) пролегаетъ къ жилищу Тенгерій, на высопы Сюмеръ-улы, гдѣ шѣ же наслажденія доспаются въ удѣлъ людямъ добродѣтельнымъ.

Третья дорога (желѣзная) — есть путь адскій. Дорога сія проведена надъ проспраннымъ моремъ, соспавленнымъ изъ всѣхъ нечистотъ, и имѣетъ такое свойство, что

подъ ногами шѣхъ изъ осужденныхъ, кои пре-
небрегли въ жизни хоша чпо либо изъ *Гур-*
бунъ-Эрдени, дѣлаешся чрезмѣрно понкою, раз-
рываешся и ввергаешъ несчастныхъ въ оп-
врашишельную влагу.

Самый адъ состоишъ изъ 18-ми отдѣле-
ній, окружающихъ жилище Эрликъ-Хана. Си-
ми отдѣленіями завѣдываютъ особенныя злыя
существа, называемыя *Эзды* (смопришель),
кои имѣютъ головы козлиныя, змѣиныя и дру-
гихъ звѣрей и чудовищъ, и вообще предспа-
вляющія ужасными.

Безбожники, неуважавшіе духовенства,
убійцы (лишавшіе жизни безъ нужды не толь-
ко людей, но и насѣкомыхъ), шираны, кляш-
вопреспунишки и прочіе злодѣи и грѣшники,
перцяшъ въ аду, по мѣрѣ преспуленій, раз-
личныя наказанія. Тамъ непрерывно распи-
раютъ ихъ жерновыми каменьями; варяшъ въ
коплахъ; жаряшъ на вершелахъ; разрывающъ
жельзными крючьями; толкушъ въ спухахъ;
морозяшъ среди вѣчныхъ льдовъ; засшавля-
ютъ плавашъ въ кровавыхъ моряхъ и проч.
Богадые, кошорые проводя жизнь въ пре-
сыщеніи, презирали бѣдныхъ и осшавляли безъ

помощи, наказывающся подобно Таншалу шѣмъ чпо имѣя передъ глазами пищу, не могутъ ею пользоваться: ибо они превращающся въ уродовъ съ огромною головою и маленькимъ, не болѣе иглочнаго ушка, рпомъ; шея у нихъ дѣлаешя тонкою какъ волосъ, и въ добавокъ ко всему, брюхо величиною съ гору, поддерживаешя ногами не шолще спичекъ.

Домашнія живошныя, дикіе звѣри и всѣ швари равномерно подвергающся наказаніямъ ада, если они, вмѣщая въ себѣ души людей, ведутъ себя худо. Наказанія сіи соспоющъ въ шомъ, чпо злые звѣри раздрающъ другъ друга; лѣнивыя живошныя изнуряющся перевозкою тяжестей; прожорливыя непрерывно ѣдятъ безъ уполенія голода, и ш. д.

Пребываніе въ аду по закону Калмыцкому не вѣчно; но сроки для сего назначаемые почти безпредѣльны. Впрочемъ ошъ добрыхъ Бурхановъ иногда зависящъ сокращанъ время мученія и освобожданъ души, особенно пакыхъ людей, кои, въ печеніе жизни уважая духовенство, приносили оному обильныя жертвы, и чипали, списывали и имѣли при себѣ духовныя книги, изъ коихъ полезѣйшею въ

семь случаѣ счищается одна, называемая *Дор-жо Джотбо*. Кромѣ сего частое повпореніе молишвы: *омъ ма ни патъ ме хоумъ*, при перебираниі чешока (эркинь), по мнѣнію Калмыковъ избавляетъ ихъ опѣ всѣхъ несчастій, какъ въ жизни, такъ и по смерти.

Праздники и обряды богослуженія.

Въ каждомъ мѣсяцѣ Калмыки постоянно празднуютъ 8-е, 15-е и 30-е числа. Въ сіи дни, называемые *мацакъ* и посвящаемые молишвамъ и благочестію, Калмыцкое духовенство не употребляетъ ни какой пищи кромѣ молочной, что наблюдаютъ въкопорые и изъ свѣтскихъ; вообще же всѣ Калмыки счищаютъ тогда за величайшій грѣхъ лишить жизни какое бы то ни было животное или насекомое (*).

Но въ продолженіе года бывають въ Калмыцкомъ народѣ три главные праздника:

(*) Въ мацаки ни одинъ Калмыкъ не дастъ ножа и ни какого орудія, если узнаетъ, что они нужны для зарзанія чего либо въ пищу.

цаганъ-сара, въ первыхъ числахъ Февраля, въ день рожденія луны; *юрюсъ-сара*, въ концѣ Мая или началѣ Юня; и *зулу-сара* въ Ноябрь мѣсяцѣ.

Цаганъ-сара (бѣлый мѣсяцъ) продолжается семь дней и считаеся особенно важнымъ, сколько по цѣли учрежденія онаго, въ память побѣды, одержанной однимъ Бурханомъ надъ злымъ духомъ, сполько и потому, что съ сего времени начинаеся у Калмыковъ весна и они, оставляя зимнія кочевья, выходятъ изъ состоянія оцѣпенѣлости. Въ *цаганъ-сара* у Калмыки, вспрѣчаясь между собою, оказываютъ всѣ знаки радости и взаимно даришь другъ друга, или мѣняюся различными вещами, фруктами и деньгами.

Юрюсъ-сара, праздникъ лѣпный, въ который хурулы и всѣ кибишки украшаюся зеленью изъ травы и древесныхъ вѣтвей. Сверхъ того Гелюнги, изъ приносимой къ нимъ въ сіе время Калмыками муки, приготавлиюшь круглыя, къ верху нѣсколько острые хлѣбы, съ изображеніемъ *огира* (жезла), имѣя для сего нарочно сдѣланныя формы. Хлѣбы сіи спа-

вяпся предъ Бурханами и пономъ, въ видѣ жершвоприношенія, пускающся въ воду.

Зула-сара, праздникъ зимній, бывающій предъ наспуленіемъ, по Калмыцкому изчисленію, новаго года, 25 Ноября. Въ эпошъ день во всѣхъ хурулахъ и въ каждой кибишкѣ возжигается предъ Бурханами коровье масло.

Сверхъ сего въ осеннее время празднуется *Галь-талло* — жершвоприношеніе огню, при чемъ каждый Калмыкъ, убивая барана или другое изъ домашнихъ живощныхъ, опрѣзываетъ опъ каждаго члена онаго лучшія части и кладетъ въ огонь на сожженіе. Полагая, что самое солнце еспъ огонь и слѣдовательно счиная спихію сію испочникомъ шеплоны въ мірѣ, Калмыки приносятъ означенныя жершвы осенью, вѣрояшно для шого, чтошбы шеплона не оспаивала ихъ въ продолженіе наспушающихъ зимнихъ мѣсяцевъ и сохранила опъ гибели спада, единственное ихъ благососпояніе (*).

(*) Калмыки счишаютъ за большой грѣхъ липъ въ огонь воду или другую жидкость, полагая, что эпо раздражаетъ обш спихіи. Напрощивъ, оспашки костей, мяса и ш. п. бросаютъ всегда въ огонь, какъ будшо въ пицу пламени.

Въ просные дни, если нѣтъ особенныхъ пожертвованій отъ больныхъ, богослуженіе Камыцкое отправляется по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ день; въ мацаки прижды: рано по утру, въ полдень и вечеромъ; а въ помянутые большіе праздники продолжается цѣлые дни почти непрерывно.

Мѣспомъ богослуженія во всякомъ улусѣ есть *юра* или *хуруль* (родъ монашья). Подъ словомъ хуруль разумѣютъ иногда собщенно одну кибишку, назначенную для моленія, называя юрею особыя жилища духовенства, а иногда неправильно именуютъ хуруломъ вообще и то и другое; впрочемъ для кибишки посвященной молишвамъ есть названіе примчнѣйшее: *бурхани орьэ*, и. е. жилище Бурхановъ. Въ каждой изъ такихъ кибишокъ на первомъ мѣспѣ пропивъ двери успроивается возвышеніе, на которомъ помѣщаются испуканы Бурхановъ, липые изъ мѣди и гуспо вызолоченные, (зимою одѣваемые въ шеплое плашь). За ними бывають развѣшены пакія же изображенія, писанныя Кипайскою живописью на шелковыхъ шканяхъ. Предъ возвышеніемъ спавишя споль для жершвенныхъ приноше-

ній. На семь сполъ представляющяся искусно сдѣланныя изъ серебра цвѣшны, лилии; а между ими Тибетскія курипельныя свѣчи и множесиво серебряныхъ сосудцевъ, наполненныхъ: коровьимъ и деревяннымъ масломъ, медомъ, сарачинскимъ пшеномъ, пшеницею, мукою, сухими фруктами, пряниками и ш. п. Посреди же всего эшого имѣеть мѣсно серебряный сосудъ въ видѣ вазы, украшенный павлиными перьями и сохраняющій въ себѣ аршанъ — воду подслащеную сахаромъ и подкрашенную шафраномъ (*); ошъ помянушаго жершвеннаго спо-

(*) *Аршанъ*, пригошовляемый съ особенными молитвами, почишаеся священою водою, и Гелюнги дають онаго по нѣскольку капель Калмыкамъ: больнымъ для изцѣленія, а здоровымъ для охраненія ошъ всякаго вреда. Происхождение аршана весьма занимательно: Бурханы Манцошири, Шакджи-муни и Майдри, разсуждал нѣкогда о средстввахъ сообщити людямъ безсмертіе, соспавивъ живопворную воду (аршанъ); но когда они оплучились искашь для сей же влаги ароматическихъ расшеній, шо *Эрликъ* (злой духъ), выпивъ помянушую воду, бывшій съ оною сосудъ наполнилъ нечистою. (По словамъ другихъ Эрликъ успѣлъ сдѣлать се въ присущствіи саміхъ Бурхановъ, въ шо время когда они сидѣли, по Казмыцкому обыкновенію, въ благоговѣйномъ положеніи — съ закрытыми глазами). Снмъ случаемъ Бурханы приведены были въ недоумѣніе: они долго не знали что предпринимаць, и полагаля, что если нечистому вышеснушь на воздухъ или выдѣнь на землю, шо ошъ

ла по направленію къ дверямъ разспилаются въ два ряда кошмы и ковры для засѣданія духовенства.

Время моленія возвѣщается звуками прубъ или бубенъ. Услыша сіи призывные звуки, Гелюнги, въ красныхъ и желтыхъ кафшанахъ, съ шаками же чрезъ плечо перевязями (оркиджи) и съ чепками въ рукахъ спекаются къ кибишкѣ *бурхани орьэ* и по спаршинству, слѣдуя одинъ за другимъ, долго ходяще (по печенію солнца) около жилища своихъ боговъ; при чемъ, проходя мимо дверей, дѣлають по три земныхъ поклона. Совершивъ шакимымъ образомъ нѣсколько круговъ, и снявъ обувь, всушпають они босыми ногами въ кибишку, беруть принадлежащія каждому инструментамъ духовной музыки, и съ непокровенными головами садящся на свои мѣсна, одни прошивъ другихъ въ двѣ линіи. Въ слѣдъ за симъ изъ общей кухни приносятся къ нимъ

сего испребится все живущее — рѣшились выпить оную сами. Подвигъ сей хотя не причинилъ вреда Гурханамъ, однако же у одного изъ нихъ, которому досталось выпить ошашки, лице сдѣлалось навсегда синимъ. Испорія сія по видимому имѣеть связь съ испорією злаго духа, производящаго зашмвнїе солнца и луны.

огромный ушатъ Калмыцкаго чаю или будану. Часпицу принесеннаго главный жрецъ вливаетъ въ сосудъ и оспавляетъ предъ Бурханами; а попомъ начинаешся брашская прапеза, въ продолженіе коей нѣсколько служителей, имѣя въ рукахъ деревянные уполовники, едва успѣваютъ наполнять чашки, съ неподражаемымъ проворствомъ Гелюгами опорожняемыя (*). Такимъ образомъ удовлетворивъ сперва аппетиту, Гелюги приступаютъ къ богослуженію, кошорое состоитъ попеременно — въ пѣніи и музыкѣ. Духовное пѣніе ихъ довольно согласно и благозвучно; что же касается до музыки, то въ ней соединено все, что только можетъ раздражать слухъ и душу. Инструменты, при семъ употребляемые: а) *хонго*, колокольчики не много менѣе почпovýchъ; б) *цангъ*, разной величины мѣдные блюда, лишныя съ часпю серебра и имѣющія назади ручки; в) *гандама*, не большія шрубы, сдѣланныя изъ человѣческихъ берцовыхъ костей,

(*) Гелюги, безъ особенной крайности, изъ чужихъ чашекъ пища не употребляютъ, имѣя всегда при себѣ собственные. Чашка, чернильница и мѣдный пузырекъ съ аршаномъ — суть необходимыя принадлежности каждаго Гелюга.

оправленные серебромъ и перевязанныя чело-
вѣческими же волосами; d) *кенгерге*, въ родѣ
лишавръ или Турецкихъ барабановъ; e) *дунгъ*,
большія морскія раковины, въ серебряной опра-
вѣ и безъ оной; f) *бишкюръ*, прубы въ видѣ
гобоевъ и g) *бюрл*, огромныя мѣдныя прубы,
длиною аршина въ три, съ широкими на по-
добіе волшорнъ опверспіями. Когда весь сей
оркестръ дѣйствуетъ, по звонъ колокольчи-
ковъ, удары блюдъ, громъ лишавръ, дикій ревъ
прубъ, и пронзительные звуки раковинъ, сли-
ваясь вмѣстѣ, приводятъ душу въ содроганіе
и оспавляютъ споль сильное впечатлѣніе,
что эпа; можно сказать, адская орапорія (*),
при каждомъ воспоминаніи объ ней опзываеш-
ся въ ухахъ и превожитъ чувства. Кромѣ
описанныхъ инструментовъ, Гелюнги молят-
ся посредствомъ особой машинки—*кюрдэ*, кошо-
рая, имѣя сходство съ оптвержденнымъ на спи-
лѣ барабаномъ, приводится шнуромъ въ дви-
женіе. Наружность сего барабана бываетъ
украшена разными, краскою написанными,
Тангулскими молитвами, наполняющими и

(*) Такая музыка гремитъ безпрестанно въ жилищѣ Эр-
лякъ Хана.

внушренность онаго. Калмыки считаютъ, что вершеніе такой машинки замѣняетъ чиненіе молишвъ, и когда одинъ Гелюнгъ дѣйствуетъ шнуромъ, то другіе вмѣстѣ съ нимъ повсоряютъ едва слышнымъ голосомъ слова: *омъ ма ни патъ ме хоумъ*. Подобныя машинки за большую цѣну приобретающа отъ духовенства и свѣтскими людьми, какъ рѣдкій способъ — молишья не молясь: ибо независимо отъ шнура къ нѣкоторымъ *мордэ* приделываются еще маленькія крылья, и кому лѣнь или не когда дергать за шнуръ, шоптъ можетъ выславлять *мордэ* на воздухъ, предсказывая приводить молишвы въ пользу ево въ движеніе вѣтру. Въ большіе праздники, привлекающіе въ хурулы Гелюнговъ до пяти сотъ и болѣе, къ обыкновенной церемоніи богослуженія прибавляется то, что спарнія духовныя лица опсправляютъ оное въ жершвенныхъ одеждахъ. Для сего каждый изъ нихъ надѣваетъ коронкую краснаго цвѣта юбку и опоясывается широкимъ желтымъ поясомъ; далѣе возлагаетъ на себя, по голому шѣлу, красное безрукавное, не длиннѣе какъ до пояса, плашье, у коего на бокахъ осна-

влены парчевыя полосы, а на спинѣ нашишь шакой же чешвероугольный знакъ. Попомъ, съ лѣваго плеча подѣ правую руку надѣваюцца при покрывала желнаго и краснаго цвѣта. На головѣ у нихъ бываетъ красная шапка на подобіе вѣнца, съ изображеніемъ на острыхъ концахъ оной Бурхановъ и съ привѣшенною назади изъ чернаго шелку косою, коей часни распускающа чрезу плеча на грудь. Надъ ушами опъ сей же шапки висають разжодвѣшныя парчевыя ленты, длиною въ аршинъ, а шириною вершка въ два. Ноги, руки (до плечъ) и грудь оспаються обнаженными.

Ламы, по важности ихъ, совершають богослуженіе очень рѣдко и въ торжественныхъ случаяхъ показывающихся народу не иначе, какъ поддерживаемые на носилкахъ, покрытыхъ богатыми коврами. Въ кибицкахъ, гдѣ они живуть, въ меньшемъ видѣ успроено все также, какъ и въ *бурхани орьгэ*, и проходящіе съ благоговѣніемъ покланяются предъ оными до земли. Уваженіе Калмыковъ къ сямъ особамъ просираеша до того, что въ Харахусовскомъ улусѣ, по смерти Ламы, жилище его со

всею ушварью и одеждою перевозимся на кочевкахъ вмѣстѣ съ *бурхани орьгэ*: въ ней успроенъ занавѣсъ, за кошорымъ, какъ думаютъ Калмыки, невидимо присушлевуесть самъ умершій Лама.

Просшой народъ, и вообще люди свѣшскіе, не принимаютъ въ богослуженіи другаго участвія кромѣ того, что ходящъ кругомъ *бурхани орьгэ* и въ честь боговъ усердно пишають Гелюнговъ различными жершвами. Женщинамъ входить въ *бурхани орьгэ* ни въ какое время не дозволяется.

Въ дополненіе къ сему описанію прилагается рисунокъ, снятый съ напуры и представляющій внутреннее расположеніе *бурхани орьгэ*, молящихся Гелюнговъ, всѣ ихъ инструменшы и сверхъ того изображенія главнѣйшихъ Бурхановъ.

ГЛАВА IX.

П Р А В Ы.

Сравнивая Калмыковъ съ прочими кочевыми племенами и вообще Азіатскими народами, находишь между нравами шѣхъ и другихъ великую разницу.

Калмыкъ слѣпо покоренъ волѣ высшихъ; но покоренъ безъ униженія. Если онъ проситъ о чемъ нибудь, то говоритъ просто, не зная поклоновъ и не измѣняя ни вида, ни голоса, такъ, что просьба его бываетъ болѣе похожа на требованіе.

Гордость или надменность, столь же какъ и униженіе, Воспощнымъ народамъ свойственныя, среди Калмыковъ, исключая владѣльцевъ, кажутся вовсе неизвѣсны. Бѣд-

нѣйшій изъ нихъ принимается въ кибиткѣ богатаго наравнѣ съ другими; онъ также садится близъ хозяйскаго кошла, и если шунтъ нѣтъ никого спарѣе его лѣшами, то ему подается первая чашка чаю или будану. Говоря о бѣдныхъ Калмыкахъ пріятно сказать, что они, при всей крайности, не имѣють привычки бродить за милоспшнейю и всегда находящъ средспва живъ въ своихъ хононахъ, около людей избышочныхъ.

Госпепрѣимство у нихъ есть добродѣтель не только освященная обычаями, но и предписанная законами. Всякій прѣзжающій въ улусъ входящъ прямо въ любую кибитку и вездѣ встрѣчается одинаковій прѣемъ: хозяйка шопчасъ пригошворяющъ для него чай, или рѣжущъ барана, хотя шакое вниманіе бываетъ иногда госпно и шягоспно. Къ изясненію сего приведу слѣдующій случай: въ одномъ улусѣ Зайсангъ N N. убѣдительно просилъ меня прѣхать къ нему въ хононъ и прислать за мною верховыхъ лошадей. Желая удовлетворить просьбѣ его, а болѣе собственному любопытству: видѣлъ домашній бытъ Калмыцкаго вельможи, имѣющаго ай-

мачныхъ до 300 кибяшохъ, и отправился къ нему въ сопровожденіи переводчика и, за опшущивіемъ хозяина, принявъ былъ его супругою, женщиною лѣтъ 18-ми, пріятной наружности. Она сидѣла на небольшемъ, покрытомъ коврами возвышеніи, которое служило ступенью къ поспелѣ. Одежда ея состояла изъ покрывной парчею лисьей шубы и изъ шакой же на головѣ шапки; двѣ длинныя косы довершали сей пышный костюмъ. При входѣ моемъ въ кибяшку, *Эрдени* (*) (имя хозяйки) привѣщивовала меня легкимъ наклоненіемъ головы, и сказавъ чрезъ переводчика, что мужъ скоро будешь, просила садиться. Между тѣмъ не замедливъ явившись и самъ Зайсангъ, молодой человекъ, лѣтъ 22-хъ, прекрасный собою, живой и пылкой, но къ сожалѣнію ни слова не понимающій по Русски. Извинясь въ своемъ опшущивіи, онъ съ искренними знаками радунія заболѣлся угостить меня Русскимъ, по естѣ обыкновеннымъ, чаемъ, увѣряя, что вода въ его худукѣ не такъ солоня и горька, какъ въ

(*) Т. е. Драгоценность.

другихъ. „Но умыселъ иной шунтъ былъ“ — оня хопѣлъ блеснутъ передо мною своею образованносцію, хопя послѣ вѣрояшно въ помѣ и раскаялся, ибо большія хлопоты служипелей около самовара, покрывшаго ржавчиною, показывали едва ли не первое еще здѣсь употребленіе сего премудренаго сосуда. Сначала бѣдные Калмыки долго шумѣли между собою, ворочая самоваръ во всѣ стороны; но наконецъ ухипрились: кругомъ прубы, гдѣ наливаешся вода, наложили угольевъ, а въ прубу налили воды! Зайсантъ, вида худые успѣхи, жаловался, что шеперь нѣтъ при немъ людей, копорымъ дѣло сіе извѣстно, и переводчикъ мой, принявъ главное по сей части распоряженіе уже на себя, успранилъ дальнѣйшія затрудненія. Самоваръ былъ готовъ и Калмыкъ, по порядку обмывъ чайныя чашки, выперъ взяшымъ изъ шапки его плащкомъ, до того запачканнымъ, что не лзя было опредѣлить наспоющаго его цвѣта! Дорого заплашилъ-бы я за то, чтобы избавишься оня этого чая; но переводчикъ увѣрилъ меня, что ошказашся оня сего, значить оскорбишь хозяина, и я изъ вѣжливос-

спии долженъ былъ проглотить двѣ чашки самой опиврашишельной микшурѣ. Провожаи меня, Зайсангъ приказалъ Гелюнту, занимающему при немъ должность Совѣтника и Секретаря, записать мой чинъ, имя и фамилію и подарилъ мнѣ пойманнаго его балабанами лебеди (*).

Но пора возвращишься къ своему предмету. Кромѣ госпепримства Калмыки обязательны и между собою въ жизни общесшвенной. На примѣръ: если у Калмыка падешъ верблюдъ, лошадь и шому подобное, или онъ зарѣжешъ что нибудъ изъ домашняго скота, то къ нему будшо на праздникъ собираются всѣ сосѣди и онъ усердно ихъ угощашъ, не смощри на шо, что послѣ самъ шерпишъ медоснашокъ въ пищѣ. Равнымъ образомъ если изъ находящихся вмѣстѣ десяти Калмыковъ, одному даны будшъ въ подарокъ деньги, пища, шабакъ или что нибудъ другое,

(*) Нѣкогда лебеди считались у предковъ нашихъ лучшимъ кушаньемъ и даже принадлежностью Царскаго стола. Я въ степяхъ, по необходимости, пишался ими, и не нашель въ нихъ ничего пріятнаго: мясо ихъ грубо и шажело для желудка.

въ какомъ бы шо количествѣ ни было, получившій непременно раздѣляетъ все съ товарищами по равной часпи.

Полная свобода женщины и худая оцѣнка со стороны Калмыковъ добродѣтелей прекраснаго пола, не подаютъ повода къ разрушенію въ семь народѣ благонравія. Напрощивъ шо-го, шамъ не найдешъ примѣра, который гласноспію непозволишельныхъ связей, или явнымъ пренебреженіемъ цѣломудрія, служилъ бы для другихъ опкрытымъ соблазномъ. Вообще о Калмыкахъ можно сказать, что они при самой полудикоспи ихъ, во всемъ шомъ, что предшавляешся порокомъ или неблагоприспойноспію, спарающся бышь оспорожеными.

Впрочемъ, будучи склонны къ пьянспву и воровспву, они сохраняющъ слабоспи сіи въ нравахъ, какъ будшо врожденные и по видимо-му даже не считающъ ихъ въ числѣ пороковъ или преспуцленій; ибо въ пользу невоздержанія въ самомъ спешномъ уложеніи помѣщена особая спашья, освобождающая пьяныхъ оцъ всякой опвѣшспвенноспи за нарушение нѣкошорыхъ приличій; а воровспво производимое

взаимными опгонами скопа, Калмыки донинѣ называютъ не болѣе какъ шалоспью, или удалспвомъ молодечесва.

Ссоры и драки между Калмыками также довольно обыкновенны, но они всегда скоро прекращаются, не оставляя ни какихъ послѣдствій; изъ чего, равно какъ и изъ прочихъ наблюдений, видно, что духъ мщениа и непримиримости, обладающей всѣми Азіатцами, для Калмыковъ чуждъ совершенно.

Лѣность и праздность на каждомъ шагу въ семь народѣ встрѣчаемая, суть свойства общія всѣмъ кочующимъ племенамъ, и происходяють собственно отъ того, что племена сіи, занимаясь скоповодствомъ и почти безъ всякихъ заботъ находя въ ономъ достаточныя средства къ своему существованію, не имѣють побуждательныхъ причинъ знакомиться съ трудами и дѣятельностью. Впрочемъ и изъ Калмыковъ, коихъ нужды заставляютъ заниматься у Астраханскихъ рыбопромышленниковъ, доказываютъ собою, что упомянутыя свойства не сообщаютъ имъ слабой извѣженности и не лишаютъ способности переходить къ трудамъ, такъ, что они

по крѣпости силъ, проворству и усердію считающаюся лучшими рабочниками.

Здѣсь приходитъ чреда съ сожалѣніемъ замѣтить, что двухъ-вѣковое пребываніе Калмыковъ въ предѣлахъ Россіи, слишкомъ мало подѣйствовало на улучшеніе нравовъ сего народа, и что Калмыки не принявъ доселѣ ни чего полезнаго и хорошаго, переняли шолько дурное и вредное, а именно: сдѣлались спрасными любителями каршѣжной игры (*) и получили наклонность къ нязбамъ и ябедамъ, соснавляющимъ главныя причины наспоющей ихъ бѣдности, копорая пораждаешъ уже грабежи и убійства, погда, какъ до сего подобныя преспуленія между ними были чрезвычайно рѣдки.

Между прочимъ особенною черпою характера Калмыковъ, есть суевѣріе, коему преданы они въ высшей степени и копорое поддерживаелся въ нихъ ученіемъ духовенства. Въ глазахъ Калмыка весь міръ предспавляешся

(*) Упошребительнѣйшія между ними игры: 1) *горька* (горка); 2) *долонъ цасунъ* (1-мъ вѣшокъ); 3) *марья* (марьяжъ); 4) *панбиль* (панель); 5) *цыхра* (Армянская игра безъ козырей); сверхъ сего есть и другія игры нншересныя и азартныя. Кар-

полнымъ очарованій; самые обыкновенные случаи въ жизни и даже явленія природы, на примѣръ: бури, громъ и шому подобное кажутся имъ дѣйствіями сверхъ-естественными. Такимъ образомъ приписывая все Эрикамъ, повсюду преслѣдующимъ человѣчество, каждый Калмыкъ запасается пропивъ ихъ всѣми возможными лалисманами, у Гелюнговъ покупаемыми, и сверхъ того, признавая существованіе счастливыхъ и несчастныхъ дней, ничего важнаго не начинаешь дѣлать не посовъшовавшись напередъ съ *Зурхателми*, (*) копорые, по ихъ увѣренію, умѣюшь постиганъ шаниспа судебъ. Неразлучно съ сими суевѣрными идеями соединяешь довѣренность и къ волшебству. Калмыцкіе ворожеи (*бег*—*кодунъ*, *удугунъ* — *кодунья*) славяшся между своими однородцами необыкновеннымъ даромъ всевѣднія. Они ворожатъ различно: смотрянъ на воду, раскладываяюшь чешки, но болѣе упо-

шы покупаются ими по большей части уже игравыя, у степныхъ торговцевъ, по 1 р. и по 2 р. колода; а если кто заводитъ особую игру у себя въ кибиткѣ, то за новую колоду беретъ съ запальчивыхъ игроковъ отъ 5-ти и до 20-ти рублей.

(*) Астрологамъ.

используют баранью кожу, лопашку передней ноги, кошорую жгутъ на угольяхъ и по линиямъ шрецинь дѣлають заключенія, примѣшивая ко всему этому спирное коверканье и впадая въ испугленіе. Посредствомъ сего чародѣйсва Калмыки спараются опкрыванію похищаемый у нихъ скотъ и узнавать вообще будущее.

Далѣ замѣчательна въ Калмыкахъ немощная привязанность къ своимъ степямъ. Удаленіе отъ оныхъ навсегда ужасно для нихъ самой смерти. Мы извѣсны случаи, гдѣ два Калмыка, обличенные въ воровствѣ и взятые подъ арестъ, желая избавишься отъ ссылки въ Сибирь, рѣшились умершвишь себя и самымъ ужаснымъ образомъ: каждый распоролъ себѣ брюхо и умеръ такимъ образомъ въ незъяснимыхъ мукахъ, причемъ орудіями смерти служили одному ножъ, другому — гвоздь! Съ другой стороны нельзя не удивляишься привязанности ихъ къ своимъ привычкамъ. Видя зимою преспарьлыхъ людей, страдающихъ отъ холода, я предсавляла имъ счастливое осщояніе Русскихъ шариковъ, кошорые во время буръ и непо-

годъ укрывающа въ шельныхъ избахъ и спокойно поваливающа на печкахъ или полахъ; меня слушали съ примѣшнымъ удовольствіемъ и даже съ завистию; соглашались въ выгодахъ осѣдой жизни; но на вопросъ: почему сами они не хощають сими выгодами пользоваться и изъ доброй воли перниають крайности? отвѣщивовали, что пакъ жили ихъ предки и они слѣдуютъ ихъ примѣру.

Относительно религіи, Калмыки почти вовсе не озабочены ея правилами, ибо духовство Калмыцкое, присвоивъ себѣ исключительное право сношеній съ Бурханами, заставляеть просполоудиневъ знаеть единственно себя. А за симъ каждый Калмыкъ спарается только о шомъ, чтообы получить отъ Гелюнга *мани*, небольшой лоскутъ какой нибудь матеріи, который вѣшается на палкѣ вѣ кибитки, съ полною увѣренностию, что онъ имѣеть силу отгоняють прочь Эрикковъ и охраняють людей отъ всякаго несчастія. Кроме сего залогомъ безопасности служають хранящіяся къ кибиткѣ Тангутскія письма, и послѣ всего этого о чемъ Калмыку молишься? Но положимъ, что онъ, по какимъ либо про-

искамъ Эрлика, сдѣлаешся болѣнъ, — тогда, чинобы изцѣлишся, спюишъ шолько призвавъ Гелюнга; положимъ, что онъ даже умреть — тогда Гелюнгъ шакже поможеть, и если не возврашишъ души, шо дасшъ ей хорошее назначеніе; лишь было бы чѣмъ за все это заплашишь. Вопъ поияшя, внушаемыя несчастнымъ Калмыкамъ корысполюбивыми Гелюнгами, для собспвенной пользы и оспавляющія ихъ почти безъ всякой религіи.

Но и окруженные заблужденіями, нѣкопорые Калмыки пожилыхъ лѣшъ, по чувспвамъ, безъ сомнѣнія болѣе или менѣе знакомымъ каждому смершному, увлекаясь порывами къ доспигенію верховнаго блага, принимають на себя временно, или на цѣлую жизнь, обѣшы благочеспія и ведушъ жизнь монашескую. Люди сего рода не опнимають жизни ни у какой швари; не упошребляють въ пищу надали, а въ *мацаки* и никакого мяса; не пьюшъ горячихъ напишковъ; оспавляютъ супружескія права; чуждаются свѣшскихъ удовольспвій и упражняются въ чпеніи молишвъ. Они называются: мушца — *убуша*, а женщина *шабганца* или *убусанца*, и для опличія опъ

другихъ носить *оркиджи*. Изъ свѣтскихъ же людей нѣкоторые счищаютъ подвигомъ спасительнымъ вершить *кюрдэ*, и перебирать чешки, новиноря молитву: *омъ ма ни патъ ме хоумъ*.

Наконецъ нравы Калмыковъ дополняются смѣсью хипросши, лобопышсша, легковѣрія и непосноянсша.

ГЛАВА X.

О Б Ы Ч А И.

Рожденіе, имена и воспитаніе.

Разрѣшеніе женщины отъ бремени совершается въ Калмыцкихъ улусахъ, благодаря напурѣ, при пособіи однакожь бабокъ, весьма благополучно.

Мать, разрѣшившаяся двумя младенцами, пріобрѣшаетъ право на похвалу. Новорожденнымъ, по просьбѣ родителей, Гелюнги назначаютъ пакія имена, которыхъ должны приносить благополучіе, за яно обыкновенно щедро платишся. Впрочемъ это наблюдается преимущественно въ семействахъ людей зажиточныхъ, имѣющихъ средства покупать у Гелюнговъ счастье; у бѣдныхъ же дѣло об-

ходився безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ и имена даюся слѣдующимъ порядкомъ: когда младенецъ родился, по опець его или бабка, немедленно выходящъ изъ кибишки и первый предметъ, какой встрѣчается ихъ глазамъ, служивъ названіемъ для новорожденнаго. По сей причинѣ Калмыки носятъ названіе рѣкъ, звѣрей, птицъ, различныхъ вещей и ш. п. Вотъ нѣкоторые образцы ихъ именъ мужескихъ :

Иджиль, по переводу : — Волга.

Нохо — Собака.

Чоно — Волкъ.

Нохонъ - Кюбень — Собачій сынъ.

Нохонъ - Басынь — Собачій помешъ.

Ишига — Кошма и козленокъ.

Мого — Змѣя.

Мекле. — Лягушка.

Шара - Мѣнжи. — Рыжій дѣвчекъ.

Ухуръ. — Ложка.

Сюка — Топоръ.

Эмгенъ — Спаруха.

Мукукенъ — Дрянная дѣвка.

Залу — Молодецъ.

Поругикъ —

<i>Маіоръ</i> —
<i>Сенаторъ</i> —
<i>Василій</i> —
<i>Марфа</i> — (*)

Женщинамъ выбираюшся названія съ бѣльшею разборчивостію: иную изъ нихъ жалу- ютъ лисою, другую куницей, кукушкой и ш. д. Сверхъ сего еспь и общія имена пріят- нья, напримѣръ:

<i>Амгулунгъ</i> , по переводу:	— Спокойствіе.
<i>Уту - Насунъ</i> — Долголѣпній.
<i>Эрдени</i> — Драгоценность.
<i>Менко - Джиргаль</i> — Вѣчное веселіе.

Вмѣстѣ съ назначеніемъ имени, или по- слѣ, Гелюнга пишутъ для новорожденныхъ на Тангутскомъ языкѣ молитвы, которыя но- сяшся всѣми Калмыками на шеѣ зашитыя въ кожѣ. По разрѣшеніи, женщина часто на дру- гой же день занимается работою. Дѣтя за- вершываюшъ лѣпомъ въ какую нибудь пряп- ку, а зимою въ баранью овчину и, можно ска-

(*) Подобныя имена на Русскомъ языкѣ, не имѣющія Кал- мыцкаго перевода, даюшся по случаю встрѣчь съ Чиновника- ми и Русскими простолюдьями.

запъ, закупоривающъ въ небольшой деревян-
ный, или изъ лубьевъ соспавленный ящикъ,
въ кошоромъ ребенокъ укладываешся, и съ
верхней стороны вмѣсто крышки зашнуровы-
ваешся. Для глазъ и дыханія и для другихъ
необходимыхъ опсправленій, опспавляющся въ
приличныхъ мѣспвахъ опверспя. Въ шакомъ
положеніи, съ кускомъ сыраго сала во рту,
малюшка не обременяешъ родителей своихъ
излишними забошами, и шолько плачемъ на-
поминаешъ изрѣдка о своемъ сущеспивованіи.

Въ семейспвахъ малолюдныхъ, гдѣ неко-
му присмалприваеш за дѣшми начинающими
ползаеш, мащери, оплучаясь изъ кибипокъ,
опоясывающъ ихъ веревкою, кошорую привя-
завъ однимъ концомъ къ ушвержденному въ
землѣ колу, дающъ возможность ползаеш
на привязи по шакому просспранспву, чшобы
нелзя было попасеш въ огонь или золу.
Грудью кормящъ ихъ до двухъ и шрехъ лѣшъ,
когда они курящъ уже и шабакъ.

До осьмилѣшпяго возраста мальчики хо-
дящъ совершенно нагѣ, прикрываеш лишь въ
зимнее время овчинами или шулунами; изъ
дѣвочекъ же нныя имѣющъ лѣшомъ одно ко-

ропкое исподнее платье. Вообще ихъ никогда не моютъ и послѣднимъ не спригутъ волосовъ, и пошому легко себѣ предсавивъ жалкую наружность сихъ малюшоекъ, кошорыхъ шолько даръ слова опламчаешъ ошъ живошныхъ. У мальчиковъ волосы на головѣ иногда брѣютъ, осшавляя часнѣ оныхъ шолько на самой маковкѣ.

Воспитаніе ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи предосшавлено одной нашурѣ. Сынъ Калмыка, если не посвященъ въ духовный санъ, имѣя назначеніе бытъ не болѣе какъ пасшухомъ, съ дѣтства привыкаетъ къ немногимъ и проснымъ занятіямъ сего сосшояніа, и шолько женщины, родясь бытъ хозяйками и работницами въ домѣ, учашъ дочерей своихъ, лѣтъ съ 10-ти или 12-ти, необходимымъ въ ихъ бышу рукодѣліямъ.

Лѣта свои Калмыки считашутъ не со дня рожденія, а со времени зачатія, и кшо родившися въ концѣ года, на примѣръ 24-го Ноября (эшо у нихъ послѣдній мѣсяць), шому считашешся уже цѣлый годъ, и родившемуся

во вновь наступившемъ году, хопя 1-го числа первато мѣсяца, считашенся два года.

Сватовство и браки.

Калмыкъ, желающій женишься, избираетъ себѣ паршю по своему произволу, и чрезъ пошпороннихъ людей или родспвенниковъ дѣлаетъ предложеніе родшпелямъ невѣспы. Здѣсь надо замѣшпшь, что для пріобрѣшенія побѣдъ надъ сердцами, спешная красавица должна имѣшь самые узенькіе, будпо едва прорѣзанные глазки, какъ можно болѣ сплюснутый носъ, и далеко выдавшіяся скулы; напропшвъ дѣвушка, одаренная — какъ случалось мнѣ видѣшь, — спкрышными пламенными очами, соразмѣрнымъ носшкомъ и правшльными щечками, не шакъ легко находшшь поклонниковъ: Калмыкамъ не можешъ она нравшться пошому, что имѣешъ облікъ не совершенно Калмыцкшй, кошоршй, по ихъ мнѣнію, еспъ очаровашельнѣшшй.

Если начальные переговоры обѣщающъ успѣхъ, и *Зурхатей* посредспвомъ книгъ своихъ найдешъ, что спвшсно пданешъ,

подъ кошорыми родились будущіе супру-
ги, не препяшсвуеишь ихъ союзу, но же-
нихъ собираешъ въ сосѣдственныхъ хошо-
нахъ сколько можно болѣе *арьки* (вина), за-
калываешъ и варишь нѣсколько барановъ и,
пригласивши родныхъ и друзей, все пригошо-
вленное опвозишь къ родителамъ невѣсты
для угощенія. Событіе сіе, называемое *шага-
та*, соспавляешъ стоворъ или помолвку, на
кошорой всѣ присущсвующіе пьютъ и ѣ-
дятъ, а молодые люди сверхъ того занима-
ются пѣніемъ и пляскою. Въ заключеніе же
женихъ условливаетъ ся съ будущимъ шесшемъ
въ шомъ, какую сумму денегъ, или какое ко-
личество скота долженъ онъ заплащитъ за
невѣсту, или лучше сказать, дасть ей на при-
даное: ибо Калмыкъ, отдавая дочь въ заму-
жество, почти все приданое устроиваетъ на
счетъ жениха. Таковъ въ степныхъ обычай,
кошорому, безъ сомнѣнія, позавидуютъ многіе
опцы въ просвѣщенной Европѣ! Къ сему
обычаю древнее Калмыцкое и Монгольское
Уложеніе присоединило правило, нынѣ поше-
рившее уже силу, шобы каждыи сорокъ ки-
бишокъ ежегодно женили чепырехъ чедовѣкъ,

доставя имъ отъ себя нужное для сего вспоможеніе.

По доставленіи всего положеннаго, въ назначенный Зурхачеемъ счастливый день, женихъ съ близкими своими отправляется за невѣстою, копорую однакожь получаетъ не иначе, какъ съ большимъ усиліемъ, пошому, что по други обыкновенно защищаютъ ее и спаряющіяся не отдаваешь, при чемъ женихова свинья не рѣдко вѣсперѣваешь отъ прекраснаго пола порядочные побои, и бѣда, если амазонки сіи одержатъ преимуществво: тогда свадьба оплагается еще на годъ; но для избѣжанія сей опсрочки и самого спыда бышь побѣжденными отъ женщинъ, Калмыки, расплачиваясь въ свою очередь ударами нагаекъ, вырываютъ невѣсту изъ рукъ защитницъ, сажаютъ или просно кладушь ее на пригошовленную верховую лошадь и скачушь спремглавъ въ пушь, какъ похищители. Проѣхавъ такимъ образомъ версны при и уже не опасаясь преслѣдованія, оспанавливаются, приводяшь поѣздъ свой въ порядокъ, и съ шоржеспвомъ возвращающіяся въ свой кошонъ, ш. е. мѣсно своего кочевья. Здѣсь Гелюнгъ

сажаешь жениха и невесту предъ дверьми
 родипельской кибипки, и въ знакъ избыль-
 ной жизни вручивъ имъ обоимъ берцовую
 коспъ задней бараньей ноги, совершаешь об-
 рядъ бракосочетанія, состоящій въ чтеніи
 молившъ объ ихъ благоденствіи и въ наспа-
 вленіяхъ о почтеніи, какое должна имѣть же-
 на къ опцу и вообще родспвенникамъ мужа.
 Послѣ сего новобрачную сопровождающъ въ
 новую, изъ бѣлыхъ кошмъ пригоповленную,
 кибипку, гдѣ заплеля ей волосы въ двѣ ко-
 сы и пронявъ для серги другое ухо, оспа-
 вляютъ одну принявъ посѣщеніе супруга (*).
 Невинность не считаешся здѣсь въ числѣ не-
 обходимыхъ добродѣтелей, а пошому при бра-
 кахъ не обращаешь на себя никакого внима-
 нія, и даже самое нарушеніе супружескихъ обя-
 занностей не сопровождаешся особенною взы-
 скашельностію.

Новобрачная до нѣкошораго времени не
 показываешся никому изъ родныхъ, въ осо-

(*) Въ сіи духовные и свѣтскіе обряды наблюдаются толь-
 ко тогда, когда женихъ и невеста вступающъ въ супруже-
 ство въ первый разъ. Другіе же браки заключаются просто
 и ушверждаюшся однимъ взаимнымъ согласіемъ.

бенности же съ собственной стороны. По рожденіи ея перваго младенца, если будешь сынъ, опсправляешься она къ опцу своему, которій и вообще всѣ родспвенники дѣлають ей тогда подарки скопомъ, смотря по соспоянію. У владѣльцевъ подарки сіи бывають весьма значительны и заключають въ себѣ цѣлыя стада барановъ и лошадей, до нѣсколькихъ тысячъ головъ.

Кромѣ браковъ обыкновенныхъ, бывають въ Калмыцкихъ улусахъ и романическіи похищенія, вынуждаемыя опказами на предложеніе жениховъ, или пребываніями за невѣсту слишкомъ большаго количества денегъ. Въ такихъ случаяхъ влюбленный Калмыкъ, приглася извѣстныхъ удалыспвомъ пріятелей своихъ, является неожиданно въ хопонъ возлюбленной и, нимало не заботясь о ея склонности, по праву сильнаго, опнимаешь ее у родиспелей и увозить безъ всякой церемоніи въ какое нибудь безопасное мѣсто, гдѣ проведя нѣсколько времени въ неизвѣспности, ищешь примиренія съ новыми родспвенниками, чѣмъ обыкновенно все и оканчи-

ваешся. Въ бытность мою въ улусъ Хараху-совскомъ, одинъ бѣдный Калмыкъ, влюбленный въ дѣвушку, сосващанную уже за другаго, богатаго жениха, вечеромъ, наканунѣ того дня, въ кошорьѣ надлежало бытъ свашьбѣ, похищилъ ее, когда она вблизи своей кибитки занималась собираніемъ *аргасуна*, и скрылся. Спарики, опцы эшой романической чепы, и несчастный женихъ, просиди Присшава опыскашъ похищителя и похищенную, навлекшую впрочемъ на себя подозрѣніе въ согласіи на побѣгъ; но всѣ усилія и поиски оспались безполезными. Калмыки увѣряли меня, что бѣглецы сіи скрываются гдѣ нибудь среди опдаленныхъ камышей рѣки Кумы или Каспійскаго моря, и на вопросъ: чѣмъ они шамъ питаются? отвѣчали, что пищею могутъ имъ служить лошади, на кошорыхъ они уѣхали! Въ сіе время (въ концѣ Ноября) пиньнадцати градусный морозъ доспапочень былъ для прохлажденія самыхъ пылкихъ ощущеній даже и подь кровомъ Калмыцкой кибитки, но провеспи цѣлыя недѣли, и день и ночь, подь опкрытымъ небомъ, а при шомъ лакомишься однимъ конскимъ мясомъ — эшо доказательствва

такой любви, которая не испортила бы ни одного чувствительного романа. В обиденном женихе не замечал я ни малейшего расположения к мщению против цехишше-ли невеспы его, ни негодования против самой невеспы, подозреваемой в измене и принадлежащей уже другому; напротив он сохранял намерение по опытаніи все-таки взять ее за себя, если она только изъявит на сіе желаніе. В противномъ случаѣ онъ долженъ былъ получить отъ счастливаго соперника вознагражденіе за понесенные имъ во время сватовства расходы.

Брачные союзы Калмыковъ весьма непрочны, и твердость оныхъ зависитъ отъ большаго или меньшаго поспоянства мужей. Безплодіе есть главнѣйшая изъ причинъ, по которой всякій мужъ можетъ оставить свою жену; а иногда довольно для сего и одного каприза. Оставленные такимъ образомъ жены выходятъ за другихъ, и случается, что нѣкоторыя изъ нихъ, послѣ многихъ браковъ, соединяются вновь съ прежними мужьями. Впрочемъ справедливость пребудетъ сказать, что случаи сіи не столь часты, и что поряд-

дочные Калмыки никогда не обольщаются возможностью переменить женъ своихъ, или имѣть ихъ по нѣскольку вдругъ; что же касается до сихъ послѣднихъ, то вообще не смотря ни на жалкое состояніе женщинъ въ Калмыцкомъ быту, ни на особенныя въ семейственной жизни ихъ спраданыя, трудно найти примѣръ, чтобы жена добровольно османила своего мужа, хотя самаго безнравственнаго.

Самое отдаленное родство по мужеской линіи, то есть съ отцовою стороною, претиспвуетъ совершенію браковъ; но въ отношеніи родства со стороны матери подобныхъ затрудненій не представляется. Равнымъ образомъ два брата могутъ жениться на двухъ сестрахъ, и братъ послѣ умершаго брата, опецъ послѣ сына и сынъ послѣ отца берутъ вдовъ за себя въ замужство.

Погребеніе и попки.

Со времянь глубокой древности, почти во всѣхъ странахъ, люди дорожили пражомъ усопшихъ родственниковъ и друзей своихъ. Египтяне имѣли особенное искусство сохранять шрупы отъ поврежденія; Индѣйцы, сожигая шѣла, самый пепель оныхъ, какъ величайшую драгоценность, передавали и передающъ въ позднѣйшее потомство; другіе народы воздвигали надъ могилами курганы и различными памятниками означали мѣста, гдѣ предавались землѣ хладные останки мѣлыхъ сердцу. Изъ сего слѣдуетъ, что желаніе находиться близъ могилы родителей, супруга или супруги и дѣшей, или по крайней мѣрѣ знать гдѣ они покоятся, всегда было и должно бы бытъ общею потребностью человека, одареннаго способностями мыслишь и чувствовашь; но въ Калмыцкомъ народѣ встрѣчается противоположное: шамъ умирающій, если онъ не владѣлецъ, не уноситъ съ собою надежды, что гробница его украсится миршами и освящится любовью и благоговѣйнымъ почтеніемъ дѣшей и внучалъ; а остающійся въ живыхъ не

знаеть наслажденія бесѣдовать съ могилами незабвенныхъ! Впрочемъ у Калмыковъ можеть бысть все это замѣняешся понятіемъ о переселеніи душъ, которое даеть имъ средства въ каждомъ живошномъ или насѣкомомъ видѣнь своихъ ближнихъ.

По смерти Калмыка, Гелюнга Зурхачемъ, сообразивъ время рожденія и кончины покойнаго съ шамиспевами ихъ ученія, опредѣляють обрядъ погребенія, которое бываеть шести родовъ. Въ 1-мъ изъ нихъ тѣло умершаго выносятъ на поле и оспавляютъ на поверхности земли; во 2-мъ относятъ въ лѣсъ или кустарникъ, и кладутъ на деревья (*); въ 3-мъ повергаютъ въ воду; въ 4-мъ зарываютъ въ землю; въ 5-мъ покрываютъ одними каменьями, вшыкая во всѣхъ сихъ случаяхъ около шруповъ по нѣскольку колевъ, съ священными на нихъ значками — *Мани*, а въ 6-мъ сожигаютъ; но сей послѣдній обрядъ принадлежить исключительно однимъ знатнымъ владѣльцамъ и верховнымъ жрецамъ;

(*) Если мертваго скоро съядятъ звѣри, то сіе считають хоронитъ предзнаменованіемъ.

ш. е. Ламаѣ. Сожженіе, какъ сказывали мнѣ очевидцы, совершается самымъ поржеспвеннымъ образомъ. Умершаго облакають во всю парадную одежду, по его званію, и украшаютъ голову особеннымъ уборомъ въ видѣ вѣнца; попомъ, посадя на покрывныя богатыми коврами носилки, въ сопровожденіи духовенства и народа, выносятъ изъ кибитки къ мѣспу, гдѣ предварительно, въ небольшой, нарочно ископанной ямѣ, приготавливаюся дрова, и здѣсь посаженный на косперъ шрупъ превращается въ пепель. Изъ сего пепла, смѣшаннаго съ глиною, дѣлаюся маленькія цилиндрики, называемые *ццц*; они спавяшся въ хурулахъ и въ сооружаемыхъ на мѣспахъ сожженія, изъ глины или кирпичей, памянникахъ, кошорые носятъ поже названіе *ццц*, и въ продолженіе существованія служатъ предметомъ общаго уваженія Калмыковъ. Проѣзжая мимо шакой цаци, каждый Калмыкъ непременно долженъ сдѣлать какое нибудь приношеніе и если ни чего при себѣ не имѣетъ, то обязанъ положить хоть коспъ, камень, и ш. п.

Послѣ кончины и погребенія, въ шеченіе

49 дней (время разсмотрѣнія добрыхъ и худыхъ дѣлъ), Гелюнга умоляютъ Бурхановъ о доставленіи душъ умершаго лучшаго назначенія, т. е. чтобы она переселена была въ Гелюнга же, богатаго или бѣднаго Калмыка, или, буде это не возможно — хотя въ порядочное живописное изъ бесловесныхъ. Между тѣмъ печальные родственники чуждаются въ поминные дни всѣхъ развлеченій, дѣлаютъ подаянія бѣднымъ и въ особенности обогащаютъ Гелюнговъ, жертвуя имъ скотомъ и прочимъ имуществомъ покойнаго. По прошествіи года дѣлаются вновь поминовеніе, которое также сопровождается въ молебствіи и въ новыхъ пожертвованіяхъ (*).

Но все сказанное здѣсь о порядкѣ погребенія и поминовенія исполняется только людьми достапачными; бѣдные же, которые не

(*) Изъ даль Аспраханскаго Архива видно, что въ прежнія времена для поминовенія Хановъ и владѣльцевъ отправлялись отсюда посольства съ богатыми подарками въ Тибетъ къ Далай Ламѣ. (По смерти Люки-Хана, жена его Дарма-Бала и сынъ Царень Дондокъ въ 1728 году посылали для сего чрезъ Сибирь и Китай, Калмыковъ: Батуръ-Омбо и Намки Гелюнга съ прочими).

могутъ много плакишь Гелюнтамъ, не наблюдають ни какихъ обрядовъ, и не имѣя даже орудій, коими можно-бы было копать могилы, оспаивають умершихъ безъ всякаго къ нимъ прикосновенія на помъ мѣспѣ, гдѣ кто умеръ, а сами, снимая кибитки свои, поспчасъ удаляются; къ чему побуждаешъ ихъ и то, что они мертвыхъ боялся.

Народныя увеселенія.

На праздниствахъ, у Калмыковъ, главнѣйшее удовольствіе производися, какъ и вездѣ, пышноспію угощенія, и блистательность каждаго шоржества опредѣляется числомъ съѣденныхъ лошадей, быковъ и барановъ, и мѣрою выпиваго арьки. Къ наслажденіямъ же впороспепеннымъ принадлежатъ: музыка, пѣніе, ловля пшиць и звѣрей, пляска, борьба и скачка на лошадяхъ.

Предположивъ сказашь въ своемъ мѣспѣ о пѣннн и музыкѣ, обращаюсь къ другимъ изъ помянувшихъ увеселеній.

Охота Калмыковъ, выѣзжающихъ въ по-

де большими паршиями съ борзыми собаками и хорошо приучеными яспребами и балабанами, весьма занимательна. Тупъ на обширныхъ равнинахъ преслѣдующся звѣри и птицы, изъ коихъ послѣднимъ нѣшъ спасенія и въ самое воздушное проспранствѣ. Въ бившѣ пернатыхъ всего инпереснѣ видѣшъ, какъ смѣлоснѣ и искусство побѣждающъ силу. Небольшой балабанъ, усупающій въ наружности беркупу, завиди колоссальныхъ лебедей, спрѣлюю пускаешся въ ашаку и начинаешъ бой съ однимъ изъ велжановъ, при чемъ обыкновенно спараешся дѣйспвовашъ съ высопы и вонзая оспрыя когти въ длинную шею пняжелаго прошивника, спремисельно влечешъ его на землю. Вѣднѣй лебедь! напрасно мощные удары крыльевъ его поражающъ воздухъ: онъ быспро спремиснся въ низъ и ударяешся объ землю, гдѣ ожидающъ его собаки и охонники. Кромѣ лебедей балабаны бьюшъ гусей, драхвъ и ушокъ, а изъ звѣрей — зайцевъ.

Пляска Калмыковъ соспоишъ не шолько въ движеніи ногъ и рукъ, но, можно сказащъ, всѣхъ мускуловъ, попрясаемыхъ каждымъ звукомъ музыки, какъ будпо элекпрической си-

лоу. Слѣдуя симъ звукамъ, крайне опривис-
 нымъ, Калмыкъ дѣлаеть въ шакпу различ-
 ныя кривлія, падаеть съ ними на колѣна и
 съ каждою минушою приходи въ бѣльшее из-
 сшупленіе изгибаеться шакъ, чшо перегнувъ
 спину касаетса головою до земли, попомъ
 вскакиваетъ и по мѣрѣ учащенія шакпа уск-
 ливаетъ судорожныя движенія свои до шого,
 чшо помъ каппица съ него градомъ, глаза на-
 ливающса кровью, во ршу показываеться пѣна
 и волосы на головѣ спановящса дыбомъ. Сло-
 вомъ, одно совершенное изнеможеніе полагаеть
 конецъ шчоль спранному удовольствію, копо-
 рое справедливѣе назвашь спраданіемъ. При
 семъ должно замѣнитъ, чшо искуснѣйшимъ
 изъ плясуновъ почипаеться помъ, кшо между
 прочимъ въ шѣлодвиженіяхъ своихъ умѣеть
 подражатъ нѣкоторымъ дѣйсшвіямъ живощ-
 ныхъ.

Пригопоясь къ борбѣ, избраные для
 соспизанія выпязи, являющса среди зришелей,
 раздѣшые до нага, въ одномъ исподнемъ плащѣ,
 и долго наблюдають одинъ другаго; ибо каж-
 дый спараеться уловитъ удобную минушу,
 чшо бы съ бѣльшею ловкостію приняшься за

своего противника. Такимъ образомъ послѣ многихъ взаимныхъ приснуповъ и уклоненій, они мгновенно, какъ будто ожесточенные, бросающіе другъ на друга, крѣпко схватываются и начинаютъ борьбу, которая олицетворяетъ извѣстную сцену изъ Ермака.

Побѣда награждается здѣсь хотя не болѣе какъ плашкою или бараномъ; однакоже для пріобрѣтенія оной, а не различно съ шѣмъ и славы, соперники не щадящъ ни какихъ усилій и въ чрезвычайномъ напряженіи всѣхъ мускуловъ представляющъ богатые образцы для живописи и скульптуры.

Въ скачкѣ не только можно удивляться легкости и быстротѣ — особеннымъ качествомъ лошадей Калмыцкихъ, сколько искусству наездничества, которыми оплачиваются сами Калмыки. Мнѣ случилось видѣть, что они садящіяся верхомъ на лошадей никогда неважныхъ, съ шрудомъ пойманныхъ арканами, и почти поваливъ ихъ на землю. Можно себѣ представить съ какимъ бѣшенствомъ дикое животное пускается скакать, и какіе дѣлаются прыжки желая сбросить съ хребта своего дерзкаго всадника; часто даже падаешь спрем-

главъ и вновь вскакнваетъ, — но опважный всадникъ, держась обѣими руками за гриву, сидитъ какъ будно приросшій, дошолъ, пока лошадь не уменьшишь своей пылкости и пока другіе, подскакавъ шакже верхами, не снимунтъ его.

Подобныя опыны верховой ѣзды позволяють себѣ не только люди взрослые, но и 15-ти лѣтніе мальчики.

Привѣтствіа

и

знаки уваженія и любви.

Общее привѣтствіе, наблюдаемое въ Калмыцкомъ народѣ при встрѣчахъ между равными всѣхъ соснояній и обоого пола, заключаешся въ словѣ: *менду*, ш. е. здравствуй, къ кошорому только во время праздника цаганъ сары, или когда кто съ кѣмъ увиденнся послѣ сего праздника въ первый разъ, — прибавленнся иногда взаимное пожатіе рукъ: но снятнє шапокъ и поклоны не въ употребленнн.

Вспрѣчаясь дорогою съ владѣльцемъ, люди всѣхъ классовъ почтительно осиганавливаясь въ споронѣ, и продолжаютъ путь свой не прежде, какъ по проѣздѣ его. Приходя же въ кибитку владѣльца, хотя бы онъ былъ другаго улуса, всякой просполоудинъ, Зайсангъ, и даже Гелюнгъ, спановишся предъ нимъ на одно колѣно и съ наклоненіемъ головы прикасаешься правою рукою къ краю одежды его, при чемъ сей послѣдній, въ знакъ благосклонности кладешь лѣвую руку свою на голову или плечо пришедшаго. Сповишь въ присущствіи владѣльца и каждаго спаршаго званіемъ, счищаешься неучпивымъ; ибо Калмыцкій эшикентъ, пребуешь, чшобы въ шакыхъ случаяхъ младшій садился близь дверей на землю, или, чшо все равно, на полъ; а какъ и эшо положеніе раздѣляется на два разряда: почтительное и проспое или обыкновенное, шшо садилъся при спаршихъ должно не иначе, какъ спанъ на колѣна и пошомъ опуспнишься на пяпы; съ равными же себѣ располагаюшся шочно шакъ, какъ сядишь наши порпные во время занятія ихъ рабошою, ш. е. положи ноги одна на другую.

Люди значительные и Гелюнки, посѣщая
либо кибитку, приглашаются хозяиномъ
занять почетное мѣсто — близъ кровати про-
шивъ дверей — кошорое иначе принадлежитъ
исключительно главѣ семейства.

Въ изъявленіи супружеской или родитель-
ской нежности Калмыки замѣняютъ лобызаніе
обнятіемъ, прикасаясь для сего носомъ
къ лицу и головѣ предмета ласкъ своихъ.
Впрочемъ, по прошествіи и особенной скромно-
сти семейнаго ихъ обращенія, поспоронній мо-
жетъ видѣть подобныя ласки только со спо-
роны наперей къ ихъ дѣтямъ.

ГЛАВА XL.

ОБРАЗОВАНИЕ.

•

Не взирая на то, что природа одарила Калмыковъ остроуміемъ, понятливостію и другими качествами, во многомъ возвышающими ихъ предъ прочими кочующими племенами, и что опдаленные предки опсавили имъ письма, — народъ сей, какъ будто на перекоръ врожденнымъ способностямъ, пребываетъ въ глубокомъ невѣжествѣ.

Не говоря уже о просполоудинахъ, коперымъ въ наспоищемъ ихъ бышу еще проспешельно опсавашся во мракѣ, самые владѣльцы, посспавленные судьбою быши примѣромъ

•

для подвласныхъ, не хощащъ ни мало поспигашъ пользы просвѣщенія и всѣ свои познанія, оплачающія ихъ огнь черни, ограничивающъ Калмыцкою грамошою, успуная впрочемъ проспому народу чеспъ и выгоды говоришъ по Русски: ибо весьма многіе изъ проспыхъ Калмыковъ довольно хорошо обьяснившися на Русскомъ языкѣ, шогда какъ власпишели ихъ не понимающъ онаго (*). Чпо же касаетсѣ до Зайсанговъ, шо они болшешю часшю совершенно безграмошны. За смѣ просвѣщенійшій между Калмыками классъ составляетъ духовенство. Каждый Гелюнгъ, умѣя по своему хощи нѣсколькo чшпанш и писашъ, пользуешся величайшимъ уваженіемъ, какъ человекъ ученый, исполненный премудрости, а по сану и вдохновенный. Посредствомъ смѣ преимуществшъ содержитъ народъ въ суевѣрш, владычешвуя надъ умами онаго и совѣшшю, сочиняя для всѣхъ различныя бумаги, занимая должности совѣшниковъ и секретарей при владѣльцахъ и Зайсангахъ

(*) Изъ владѣльцевъ чшпы одной только фамиліи *Толемей* знаютъ Русской языкъ и грамошу.

(*), и такимъ образомъ имѣя на все безъ изъятія неограниченное вліяніе, — духовенство всѣми своими благами обязано слѣпому невѣдѣнію прочихъ сословій; а посему не трудно оп-гадаться шайну, копорая столь сильно пре-дписывуешь развишію въ Калмыцкомъ наро-дѣ общественнаго образованія.

Впрочемъ степень познаній и самыхъ да-рованныхъ сего народа представляется здѣсь съ нѣкоторою подробностію.

Языкъ и грамота.

Будучи попомками Монголовъ, Калмыки сохраняютъ донынѣ языкъ и письмена Мон-гольскія, съ небольшимъ можетъ быть измѣ-неніемъ въ нарѣчій — слѣдствіемъ смѣшенія съ другими племенами. Главное свойство се-го языка въ разговорахъ, есть грубость про-изношенія, копорая въ самыхъ дружескихъ

(*) Владальцы и Зайсанги, следуя древнему Монгольскому обыкновенію, сами не только ничего не пишутъ, но не под-писываютъ и своихъ именъ, прикладывая вмѣсто сего пе-чати.

объясненіяхъ заспавляентъ предполагант ссо-
ру; сверхъ сего звуки, выражаемые между про-
чимъ горшанью или одними губами, безъ осо-
бннаго содѣйствія языка, соспавляютъ са-
мую трудную спорону въ изученіи Калмыц-
наго разговора.

Буквъ въ Калмыцкой азбукѣ содержишся
гласныхъ 8, ошъ коихъ производятъ звуки :
а, о, и, о, л, у, ё и ю; двѣ послѣднія почтѣ
можно изъяснитъ Французскими: еи и и. Къ
симъ буквамъ прилагаютъ другія согласныя,
переводимыя по Русской азбукѣ такими же :
н, г, х, б, в, к, л, м, т, д, (*) р, п, з, ц, (**)
с, ш. Изъ соединенія сихъ буквъ съ гласны-
ми соспавляются склады: двойные, тройные,
и далѣе, исключая слоговъ : оъ, гъ, хъ, тъ, зъ,
и цъ, коихъ, равно какъ и буквъ соопвѣш-
ствующихъ нашимъ ф, ы, въ Калмыцкомъ
писмѣ вовсе несущесивуентъ. Множесиво
едва примѣшныхъ шочекъ, ноликовъ и пропя-

(*) Д произносится во многихъ случаяхъ нераздѣльно съ
звуками ж, на прим: дж.

(**) Ц произносится иногда какъ Ч.

женій, сопровождающихъ письмо сіе, измѣняющъ значеніе одной и той же буквы смотря по тому, какое мѣсто занимаетъ она въ цѣлой рѣчи, ш. е. въ началѣ, срединѣ, или окончаніи. Другіе знаки служатъ особенными пособіями, на примѣръ: знакъ / поставленный надъ буквою, есть знакъ пропяженія; ш. ◦ предсн-
 вляетъ запящую, а ◦◦ шочку. Спрости пишуща у Калмыковъ сверху внизъ и располагаются отъ лѣвой руки къ правой, причемъ Калмыки хотя употребляютъ перья, но настоящее ихъ правило — писать пошкимъ камышемъ. При обученіи грамотѣ, вмѣсто ашидныхъ досокъ, служатъ имъ доски деревянные, называемыя *Самра*. Намазавъ пакою доску одинъ или два раза въ годъ саломъ и сажемъ, и пошомъ осыпая слегка золою, Калмыки пишущъ на оной палочкою, кошпю или шглою дикобраза. Написанное уничтожается отъ одного дуновенія, и доска, посыпанная вновь золою, готова для новаго употребленія.

Духовенство Калмыцкое, независимо отъ письменъ Монгольскихъ, непременно должно

знашь письма Таугунскія, копорыхъ почти
нельзя разлчтатъ отъ Индйскихъ,

Пѣнѣ, музыка, повѣсти и пословицы.

Калмыки не осшавляютъ ни одного замѣ-
чательнаго для нихъ случая безъ того, что-
бы не воспѣшь онаго. Такимъ образомъ пѣс-
ни сосшавляютъ ихъ поэзію, подчиненную сво-
имъ правиламъ, не копорымъ, въ замѣнъ рѣчи,
спроки начинаются съ одинаковыхъ буквъ
и звуковъ. Пѣсни сіи сочиняются не на пись-
мѣ, а просто импровизируются въ часы до-
суга и вдохновенія. Предметомъ оныхъ бы-
ваетъ любовь съ ея владычествомъ и приклю-
ченіями, подвиги наѣздииковъ, достоинства
коней и проч. Многіе изъ Калмыковъ, нанима-
ющіеся у рыбопромышленниковъ въ весельную
работу на разѣздныхъ лодкахъ, часшо пере-
лагаютъ въ пѣсни вояжи свои. Тутъ обык-
новенно говорится о шомъ, гдѣ были, что
ѣли, что дѣлалъ ихъ хозяинъ и ш. д. Въ нѣ-
копорыхъ изъ сихъ импровизаций встрѣчающ-
ся оригинальныя оспрошы и наклонность Кал-

мыковъ къ ироніи. Иногда воображеніе переноситъ ихъ въ улусы и они, въ мелодическихъ звукахъ, или изливають шокку о разлукѣ съ сшеними, или колко подшучивающъ надъ шѣми изъ шоварищѣй, у которыхъ оспались шамъ жены, предспавляя имъ невѣрносшь прекраснаго пола. Впрочемъ есшь пѣсни и шакиа, въ которыхъ проявленешя нѣжносшь чувствъ и изыщносшь мыслей.

Напѣвы или шоны Камыцкихъ пѣсень одозвучны и чрезвычайно унылы; а пошому не зная словъ, всегда можно думащъ, шшо въ пѣніи ихъ выражаешся одна грусшь. Необыкновенная прошижносшь и переходы къ горшаннымъ звукамъ, соспавляя въ семъ пѣніи главное достпоиштво, дѣлающъ его не подражаемымъ; но пѣсни плясовыя изъ сего исключаются. Помѣщаемыя здѣсь пѣсни и шоны могутъ доставитъ ближайшее понятіе о произведеніяхъ Камыцкой поэзіи, и вмѣстѣ о пѣніи и музыкѣ сего народа.

П Ъ С Н И.

1.

*Кѣдѣ сайханъ газарту,
Кѣлѣ цецетъ уреаксамъ.
Кержіокитъ байдалта зѣгѣ юзедъ
Нисси, торги лдагадъ зобоксонъ.*

П Е Р Е В О Д Ъ :

Среди прекрасной долины
Выросъ голубой цвѣшокъ;
Его увидѣла бѣдная пчелка,
Но не могла къ нему долетѣть,
И жершвой грусти сдѣлалась.

2.

(Маштакъ боро (*))

*Сѣмъ хамартай Французи,
Серѣмъ лбаджи чаталъ.
Маштакъ боро минъ, дебкенъ байжи кешиней —
Мани Нойонъ Джууджа Мюскюгонъ те.мюедъ мор.иллай.
Тасархай гююдютей боро минъ
Тактаинъ аманъ ду кюрней ле.
Табанъ томенъ Французи,
Тактаинъ аманъ ду чатилъ.
Мунсакъ болоксонъ Французи,
Мюскюгинъ балгасу идней ле.*

(*) Пѣсня сія сочинена во время кампаніи 1812 года Калмыками, бывшими подъ начальствомъ владѣльца Князя Тюмеля. Голосъ въ приложен. номерахъ No. 1-й.

*Манай Нойонъ хайръсанъ,
Мани лгатугай гексенъ-бу;
Бокдоду кюрюнъ юкюнэй,
Бокиоргой мету нисене.*

П Е Р Е В О Д Ъ.

Хоть у Французовъ носы въ чешвершь,
Но намъ не трудно ихъ рубить;
Сърый машпакъ мой прискакивалъ рысипъ.
Нашъ владѣлецъ Джууджа
Успремилъ пушь свой къ Москвѣ.
Съ порывомъ сърый бѣгунъ мой
Доспигаешь край ноща;
Тамъ пятьдесять тысячъ Французовъ —
Мы всѣхъ ихъ испребили.
Одурѣвшіе Французы
Разорили городъ Москву!
Чпюжъ намъ велѣть дѣлать
Обожаемый нашъ владѣлецъ?
Къ ИМПЕРАТОРУ подобно пшичкѣ лепъшь,
И доспигнуть, за него умереть.

Музыкальные инструменты у Калмыковъ
— *балалайка и ятга*. Первая изъ нихъ довольно
извѣстна, а ятга имѣя, семь мѣдныхъ
спрунь, походитъ успройспвомъ своимъ на
гусли. Музыкаю въ Калмыцкихъ улусахъ за-
нимаются преимущественно женщины.

Послѣ пѣсенъ слѣдуютъ сказки, въ кошорыхъ люди обладающіе даромъ краснорѣчія прославляютъ древнихъ богатырей. Калмыки, обожая героевъ своихъ и вѣря всему чудесному, сряду дня по ири слушаютъ преданія объ ихъ подвигахъ. Герои сіи едва ли имѣютъ соперниковъ въ другихъ повѣствованіяхъ; они обыкновенно бываютъ роспомъ по нѣскольку верстъ, одинъ ударъ меча сражаетъ цѣлымъ тысячи непріятелей, кони ихъ перескакиваютъ чрезъ моря и горы, — однимъ словомъ, предъ ними не значатъ ни чего ни Францы Венеціаны, ни Еруславы Лазаревичи.

Описывая какую нибудь сцену изъ ихъ волшебной жизни расказчикъ часно прерываетъ слова свои пѣніемъ или музыкою, а иногда, смотря по содержанію расказа, въ голосѣ и движеніяхъ подражаетъ живошнымъ, и довершаетъ пѣмъ восторгъ и очарованіе слушащелей. Баснословная повѣсть *Джангирь* (о Джангирѣ), болѣе другихъ Калмыками любимая, могла бы сосланишь довольно большую и забавную книгу. Но кромѣ сихъ, ееть сказки принадлежащія къ роду басенъ, въ кошорыхъ,

сквозь прозрачную пелену вымысловъ, выказывающія поучительныя истины. Сюда же относятся наконецъ и самыя пословицы. Изъ шѣхъ и другихъ для примѣра выписываю я слѣдующія:

Б А С Н И.

1.

Одинъ изъ Хановъ, лежа съ ночью спать при свѣтѣ огня, приказывалъ охранять себя Орангушангу, вооруженному саблею. Однажды вошелъ къ нему воръ и въ поже время явился другой злодѣй: люшала змѣя. Когда сія послѣдняя, спремьясь узвѣнць спящаго Хана, извивалась уже близъ него, то Орангушангъ, по неразумію своему, замахнулся саблею шакъ, что не минуемо поразилъ бы вѣспѣ съ нею и самого повелишела своего; но воръ рѣшился пожертвовать собою для спасенія Хана, и удержавъ гибельный ударъ, оспорожно убилъ змѣю. Пробужденный Ханъ, узнавъ все случившееся, сказалъ: « умный непріятель гораздо лучше, нежели глупый слуга и шовариць » и сдѣлалъ избавишело своему большую награду.

2.

Нѣкошорый Ханъ, видя шоржество порока надъ добродѣшелою, удрученъ былъ горешшною мыслию, что въ мірѣ все подчинено могущеспву зла, и что

оно есть всему начало. Когда же уныніе сего Хана достигло высочайшей степени, такъ, что ни прекрасная его супруга, ни изобрѣшательные придворные не могли доставить ему утѣшенія — явился изъ опдаленныхъ степеней неизвѣстный пустынникъ, который взялся изцѣлить его отъ сѣдавшей его печали. Въ семъ намѣреніи пригласивъ Хана къ прогулкѣ, привелъ онъ его къ огромной гранишной скалѣ, которая во многихъ мѣстахъ была раздроблена и пробита непрерывно упадающими каплями низвергающагося съ высоты водопада. «Смотри — сказалъ пустынникъ — вотъ изображеніе добра и зла. Вѣковая скала сія была некогда вдвое болѣе; но, посполненнымъ своимъ стремленіемъ и даже слабыми явленьями, водопадъ уничтожилъ ее до половины, сдѣлалъ въ ней разсѣлины и открылъ себѣ опвершія: такъ и добродѣтель, рано или поздно, но побѣдитъ пороки, если только каждый смертный угодился хотя одной каплѣ въ источникъ добра. Для сего каждый, кто бы въ какомъ сословіи ни былъ, по мѣрѣ силъ своихъ, долженъ поборать камень порока и пѣтъ въ свою очередь содѣйствовать изпребленію зла. Добродѣтели и пороки суть поже, что дни и ночи; но будетъ время, когда настанетъ вѣчный день добродѣтели, и тогда мракъ пороковъ исчезнетъ предъ лучами немерцающаго свѣта.» Съ этими словами таинственный мудрецъ удалился, а Ханъ, убѣжденный испиною его наставленія, нашелъ душевное спокойствіе, и велѣлъ о наслоящемъ происшествіи выбитъ на скалѣ неизгладимую надпись, въ

ушѣшеніе людей добродѣтельныхъ, весьма часто преслѣдуемыхъ злыми.

ПОСЛОВИЦЫ.

Несправедливо добытая пища взынеть въ зубахъ.

Сегодняшня печенка лучше завтрашняго легкаго.

Хоть волкъ и не ѣлъ, а рожь у него всегда кра- сень.

Видя близкую смерть и мышь укусила кошку хвостъ.

На одномъ верблюжьемъ поменѣ тысяча верблю- довъ спохкнулся.

Худая собака увидѣвъ злодѣя, прежде кусанья ворчанья и лапая.

**ВОТЪ ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ПОУЧИТЕЛЬ-
НЫХЪ МЫСЛЕЙ И ИЗРЕЧЕНІЙ, ИЗЪ КАЛ-
МЫЦКИХЪ КНИГЪ:**

(Ерю кюмюни седкильду орохунъ зюгольду мужуръ юе болбо чиги хоолданъ токтоогодь юлю ібгів лібкки теремереень). У всякаго человѣка желанія неограниченны; но благоразумный шпашеть ихъ вшайнѣ.

(Зюркюнъ вбедкю ішшівібітю дайсунду дарууда уур- лумъ юе лсадакъ мшииеръ чире эеръ уктукки цецень). Благоразуменъ шопъ, кпо прілпшною улыбкою уни-

что жаёшь вредныя замыслы враговъ, не показывай ихъ и вида неудовольствія.

(Кюмонги му еджи битесе чимарла, хонъ сашъ тиги болху, сашъ дубиттее макта ібіѳъ болху ии медекю кецою). Не пренебрегай никѣмъ изъ ближнихъ, и не говори худо: послѣ онъ можетъ быть и добрымъ; равно не превозноси ни чьихъ достоинствъ выше мѣры: узнавъ ихъ шрудно.

(Болъ зараца ду-хали екедкеле, эректи кюмонъ хо-боръ). При излишнемъ гнѣвѣ къ рабамъ, рѣдко можно имѣть около себя служителей.

(Найджинаръ ту эркешикю ібетѳъ тее ібіѳронъ шидкю). При совѣщаніяхъ, женъ преимуществва не давай и слѣдуй своимъ соображеніямъ.

(Сайнъ хайрту эдемъ кюсолтэй кюмонъду битесе югоюл). Человѣку завидливому лучшее сокровище свое не показывай.

(Келексенъ тоотуги юмонъду битесе бари сайтуръ шиджиле). Не все слышанное отъ другихъ принимай за истину, а обсуживай обо всемъ самъ со вниманіемъ.

(Балнъ эдемъ эдленъ идгула хоиноса ібрейжикю, югете кюмонъ арбиланъ эдкеле заболонъ бага). Если богатый умѣешь распорядкшъ своимъ имѣніемъ — оно приращается; но если бѣдный умѣренно живешь — онъ менѣ несчастливъ.

Сашъ муу наришь будгоюнъ голли ухаинъ-ду бак-

таль юге вьезде эе суружки теде уйтаны тибрибюлжиту мибнъ; саныъ жуу али санажсанъ вьотюкю кюртюле аманалса илю гарганъ байлги теде гюнь тибрибюлжиту мибнъ). Кпо не скромно обременяешь другихъ вопросами, шошь еспь человекъ слабоумный; а шошь, кпо предприятій своихъ до совершения оныхъ ни словошь ни дѣломъ не обнаруживаешь — еспь человекъ глубокомысленный.

(Эрдежъ сав туръ суружсанъ ниге мергенъ гакцаръ паранъ шинге ертюнчунге гейгююль-кю, олонъ жуу цу-кьлаба тиги одонъ шинге гейгююль-кю юге). Одинъ человекъ испинно образованный блиспаешь въ миръ сечь какъ солнце, шогда какъ многіе невѣжды, въ совокупности, не могушь уподобляться и звѣздамъ.

(Юкюръ хара ади ундаасба тиги токтобори усу жууху юге, мергенъ хмаару муурба тиги муухугишиъ мибрибрь лбаду юге). Скворецъ, сколь бы ни жаждалъ, спюлчю воду пинь не будетъ; шакъ и умный человекъ, въ какія бы бѣдшвіа ни впалъ, — совѣшанъ глупаго не послѣдуешь.

(Баянъ цикту хамукъ урукъ, буураула хамукъ дайсунъ). При счастиі всѣ друзья, а при бѣдшвіа всѣ враги.

(Окторгойду паранъ урегухула одонъ олонъ болбо тиги юлю ювюндюкю). Когда свѣшпшь солнце, шо звѣзды, хошя бы ихъ было и много — не видны.

(Мунхакъ эрдеменъ аманъ-ду бариху, мерденъ эр-

дементъ докторо жууху). У глухого способности на языкъ, а умный хранишь ихъ вшайнъ.

Врачи и способы врачеванія.

Въ болѣзняхъ Калмыки ищутъ изцѣленія въ пособіи врачебномъ и духовномъ, прибѣгая къ Гелюнгамъ, копорые обыкновенно вмѣстѣ съ званіемъ жрецовъ соединяють и званіе медиковъ (Эмчи).

Въ первомъ случаѣ Гелюнги сіи по біенію пульса, въ особеннрости же по уринѣ, опредѣляютъ свойство и степень болѣзни и потомъ начинаютъ пользованіе, при чемъ общимъ и непремѣннымъ правиломъ счищается предписывать больнымъ спрочайшую діету, итакъ, что иногда до двухъ недѣль, хотя бы больной и оправлялся, ничего не дозволяютъ ему употреблять, кромѣ теплой воды. Далѣе составляются лекарства изъ различныхъ травъ и кореньевъ, собираемыхъ ими въ степяхъ Аспраханскихъ и получаемыхъ изъ разныхъ мѣстъ средней Азіи и даже изъ Индіи. Къ числу необходимыхъ медикаментовъ принадлежатъ у нихъ *Заръ ошъ звѣря барги*, ш. е. мускусъ или

мошусь. Декокшъ, называемый *танъ*, по удословленію не только Калмыковъ, но и Русскихъ, бывающихъ въ степи, оказываешъ чрезвычайное дѣйствіе въ произведеніи испарины и превосходитъ все, что для сего предлагаешъ Европейская Медицина (*). — Въ нѣкопрыхъ случаяхъ допускаешся между Калмыками кровопусканіе.

Для излеченія уязвленныхъ паранпулами и черными пауками, наспаивающъ сихъ же наѣкомыхъ въ деревянномъ или коровьемъ маслѣ, и симъ спиртомъ напиралощъ больнымъ укушеннымъ мѣспа и все шѣло, употребляя при томъ лекаршва и внушрениа, но пособіа вообще бывающъ дѣйствительны только шѣ, кои оказывающся безъ малѣйшей потери времени, въ прошивномъ же случаѣ жизнь больного подвергался опасносши. Припадкш укушенія обнаруживающся неизъяснимою поскою и бѣшенствомъ и безъ скорой помощи дѣлающся смертельными. Выздорапвающіе

(*) Я весьма желалъ пріобрѣсти хоть нѣсколько того растенія, изъ коего декокшъ сей составляешся, но къ сожалѣнію, бывъ въ улусахъ въ зимнее время, не получилъ успеха.

на долго получаютъ желтый цвѣтъ лица, чувствуютъ въ шлѣхъ ломоту и имѣютъ видъ изнуренныхъ долговременными спраданіями. Для совершеннаго поправленія ихъ пребуется продолжительная во всемъ оспороженность и умѣренность въ пищѣ.

Все сіе показываетъ доселѣ общность notions людей о средствахъ врачеванія, но бываютъ примѣры, гдѣ Гелюнги или Эмчи поятъ больныхъ горячими напипками и кормятъ безъ мѣры жирною бараниною.

Оспа считалась у нихъ болѣзнію неизлечимою и посему до того ужасною, что одно нечаянное приближеніе къ мѣспу, гдѣ есть одержимые ею, поражаетъ Калмыка чрезвычайнымъ страхомъ, повергаетъ въ уныніе и наконецъ сообщаетъ ему сію болѣзнь. Для предупрежденія такого послѣдствія, на челоуѣка впавшаго въ ужасъ и называемаго *сезикте*, III. е. сомнительный, взводился какое нибудь пресуппленіе; мнимаго виновника нечаянно схватываютъ, уличаютъ чрезъ свидѣтелей, на примѣръ въ воровствѣ; связываютъ ему руки и наказываютъ нагайками. Слѣдъ способомъ удачно производился новый

благодѣтельный испугъ, и новыя впечатлѣнія, заславляя пациенша забывая оспу, уничтожаютъ пагубное вліяніе ея на разспроенное воображеніе,

Многіе опыты доказываютъ, что нѣкоторыя изъ Гелюнговъ обладаютъ большимъ искусствомъ въ излеченіи болѣзней и имѣютъ обширныя свѣдѣнія въ свойствѣ распеній. Во всемъ этомъ преподаетъ имъ уроки непосредственно сама природа; и сколь ни велики въ семъ отношеніи успѣхи наукъ, но поспоянное и основательное изслѣдованіе въ степяхъ Калмыцкой Медицины, безъ сомнѣнія, открыло бы новыя пути къ шаманствамъ напугры и принесло бы пользу человѣчеству.

Къ пособіямъ земнымъ Гелюнги присоединяютъ молебствія, обременя за то больныхъ величайшими пожертвованіями въ пользу хуруловъ. Калмыкъ, слѣпо увѣренный въ силу заступленія своего духовенства, не щадишь ничего и не рѣдко богатыи освобождается отъ болѣзни на жертву нищеты, или умирая ославляетъ оную въ удѣлъ своему семейству. Гелюнги, по особенной учености называющіеся *Зурхагеями*, имѣютъ даръ узна-

валъ причину болѣзней, и попому у каждаго заживочнаго Калмыка оказываешся какая нибудь изъ лучшихъ вещей, вредящая его здоровью. Сдѣлавши шакое благодѣтельное ошкрышіе, всевѣдушій Зурхачей шопчасъ совѣлуешъ пожершвовашъ вредную вещь на хурль, что и исполняешся какъ будшо по волю самихъ небесъ.

Сверхъ сего въ болѣзняхъ упорныхъ и продолжительныхъ, не рѣдко всѣ спраданія приписывающся шому, что больной имѣешъ *несчастное имя*. Въ шакихъ случаяхъ Гемюнгидѣлающъ изъ муки или глины маленькую человѣческую фигуру, и назвавъ ее именемъ больного ошносяшъ въ ошдаленное мѣсто; больной же получаешъ новое наименованіе и долженъ бытъ здоровымъ. Нѣшъ сомнѣнія, что большая часть сихъ переименованныхъ умираешъ своимъ порядкомъ; но неудачные опышы не уничтожающъ заблужденія, а напрошивъ какой нибудь одинъ примѣръ, гдѣ больной съ новымъ именемъ выздоравливаешъ, поддерживаешъ суевѣріе. Въ бышность мою въ Еркешевскомъ улусѣ, Зайсангъ Церенъ Доржи, (бывшій Бапу Насунъ) увѣрлялъ меня,

что онъ, изшощивъ всѣ средства къ изцѣленію отъ болѣзни, обязанъ существованіемъ своимъ единственно совершенію надъ нимъ описаннаго здѣсь обряда.

Наконецъ Калмыки, по самой вѣрѣ ихъ, считаютъ, что болѣзни и всякое несчастіе причиняются людямъ отъ злаго духа, и что всѣхъ умирающихъ похищаетъ сей враждебный духъ эрликъ, ш. е. дьяволъ (*). При шакомъ жалкомъ состояніи, когда больной доходитъ до степени безнадежности, Гелюрги употребляютъ поже средство искупленія, и вмѣсто больного приносятъ неопущенному эрлику въ жертву — глиняную куклу. Впрочемъ для возвращенія къ жизни Хана или другаго знатнаго владѣльца, если уже жестокость болѣзни доказываетъ, что эрликъ намѣренъ непременно имъ воспользоваться, приписывается изъ подвласныхъ его (владѣльца) шакой человекъ, кошорый, изъ любви къ нему согласился бы замѣнить его собою.

(*) Одна Калмычка на вопросъ мой чрезъ переводчика: были ли у нея дѣти? отвѣчала: «что были, но ихъ чертъ взялъ» (эрликъ ацхре), ш. е. они умерли.

По любви ли къ спраждущему, по убѣжденію ли въ выгодѣ принадлежащъ зряку, кошорый хошь и спрашенъ, но не беретъ албана (по еспь подаши) и не кушаешь барановъ, а можешъ бышь по приказанію или изъ видовъ корыспи, словомъ какъ бы по ни было, но въ Калмыцкомъ народѣ споль чрезмѣрныц услуги не могушь счашашься рѣдкостію. Принавшему на себя спасеніе владѣльца передаешъ имя и самая наружность сего послѣдняго, и онъ въ богашомъ одѣяніи, вооруженный всѣми доспѣхами больнаго, на любимой его лошади, украшенной драгоценнымъ сѣдломъ, въ сопровожденіи народа и духовенства, при звукахъ трубъ и другихъ инструменшовъ, съ совершеніемъ молебсшвѣд, для подобныхъ случаевъ установленнаго, обводишъ ся вокругъ хурула, а пошомъ, при ружейныхъ выспрѣлахъ и народномъ крикѣ, съ именемъ *андына*, — опшверженнаго, изгоняешъ на всегда изъ своего улуса. Такой опшверженный можешъ однако же присоединишь къ другому улусу, и даже женишь ся; но кочевашъ долженъ опдѣльно,нося самъ и сообщая попомсшву названіе *андынъ*.

Нынѣ обрядъ сей по видимому выходилъ изъ употребленія и живые андыны замѣняются вообще бездушными, глиняными или изъ муки соспавленными.

Кромѣ описанныхъ здѣсь средствъ, Гелюнгъ имѣющъ множество другихъ уловокъ, доказывающихъ наглое ихъ шарлатанство и невѣроятное ослѣпленіе и суевѣріе Калмыковъ. Желая болѣе выманить, Гелюнгъ объявляетъ иногда больному, что душа его распалась уже съ плѣтомъ и что если онъ еще сохраняетъ память и дыханіе, то это не что иное, какъ послѣдніе признаки исчезающей жизни. Къ этому ужасному извѣстію обыкновенно прибавляется увѣреніе о возможности призвать оплучившуюся душу обратно, и несчастный больной, обѣщая за се все свое имѣніе, умоляетъ соединить его съ душою. Тогда Гелюнгъ начинаетъ призваніе, сперва звуками духовныхъ инструментовъ, а потомъ, вышедъ изъ кибишки, разными знаками, приглашаетъ душу въ обратный путь; кричитъ что она напрасно ушла, что ее съѣдятъ волки и ш. п.; — когда же больной, въ мучительномъ состояніи спреха и надеж-

ды, освѣдомляеяся объ успѣхѣ, шо Гелюнгъ велишь сказаць ему, что все идетъ хорошо, что душа показалаь уже въ ошдаленіи и по видимому намѣрена возврашиться. Подобныя увѣренія продолжаются дополѣ, пока больному сдѣлаеяся хопя нѣсколько лучше, или онъ дѣйшвишельно разшпанеяся съ жизнью. Въ первомъ случаѣ Гелюнгъ поздравляетъ своего больного съ душою, а въ послѣдемъ увѣряетъ родшвенниковъ его, что душа была уже очень близко, но что злобный эрикъ употребилъ къ удаленію ея неожиданную хипросць, о коей сочиняетъ цѣлыя басни, не шеря права на получение вознагражденія, за шруды обѣщаннаго.

Въ болѣзняхъ, когда человекъ, впадая по временамъ въ безпамятство, не можетъ владѣть собою и произноситъ непонятныя слова, окружающіе его воображаютъ, что въ сіи минуты превожилъ шрадальца эрикъ, намѣревающійся похишить его душу; а по сему какъ въ кибишкѣ, шакъ и внѣ оной поднимаетъ спрашная шревога: ибо всѣ находящіяся съ больнымъ, вооружась чѣмъ ни по-

пало, съ крикомъ бросающся во всѣ стороны, и ударяя по воздуху спарающся прогнашь злаго духа, въ чемъ усердно помогающъ имъ Гелюнги своимъ примѣромъ и насщавленіями.

Счисленіе времени.

Начадо лѣтосчисленія Калмыцкаго не опредѣляется никакою эпохою и продолжаешся извѣстными періодами. Періоды сіи содержатъ въ себѣ кругъ счисленія, копорый оканчиваешся и начинаешся вновь по числу живошныхъ; именами коихъ всѣ годы называющся, чрезъ 12, а по придаваемымъ симъ живошнымъ свойствамъ: желѣза, воды, дерева, огня и земли — чрезъ 60 лѣтъ. Чшобы предметъ сей объяснишь подробнѣе, я помѣщаю здѣсь полный періодъ Калмыцкаго счисленія съ 1770 по 1830 годъ.

<i>Темиръ барсъ,</i>	ш. е.	желѣзо	барсъ,	1770
<i>Темиръ туула,</i>	—	желѣзо	заяць,	1771
<i>Усунъ луу,</i>	—	вода	драконъ,	1772
<i>Усунъ мого,</i>	—	вода	змѣя,	1773
<i>Модынъ моринъ</i>	—	дерево	лошадь,	1774

<i>Модынь</i>	<i>хоинь</i> , ш. е.	—	дерево	барань, 1775
<i>Галь</i>	<i>мечинь</i> ,	—	огонь	обезьяна, 1776
<i>Галь</i>	<i>така</i> ,	—	огонь	курица, 1777
<i>Шоро</i>	<i>нохо</i> ,	—	земля	собака, 1778
<i>Шоро</i>	<i>гата</i> ,	—	земля	свинья, 1779
<i>Темиръ</i>	<i>хулгуна</i> ,	—	желѣзо	мышь, 1780
<i>Темиръ</i>	<i>укурь</i> ,	—	желѣзо	корова, 1781
<hr/>				
<i>Усунь</i>	<i>барсь</i> ,	—	вода	барсь, 1782
<i>Усунь</i>	<i>туула</i> ,	—	вода	заяць, 1783
<i>Модынь</i>	<i>луу</i> ,	—	дерево	драконь, 1784
<i>Модынь</i>	<i>мого</i> ,	—	дерево	змѣя, 1785
<i>Галь</i>	<i>моринь</i> ,	—	огонь	лошадь, 1786
<i>Галь</i>	<i>хоинь</i> ,	—	огонь	барань, 1787
<i>Шоро</i>	<i>мечинь</i> ,	—	земля	обезьяна, 1788
<i>Шоро</i>	<i>така</i> ,	—	земля	курица, 1789
<i>Темиръ</i>	<i>нохо</i> ,	—	желѣзо	собака, 1790
<i>Темиръ</i>	<i>гата</i>	—	желѣзо	свинья, 1791
<i>Усунь</i>	<i>хулгуна</i> ,	—	вода	мышь, 1792
<i>Усунь</i>	<i>укурь</i> ,	—	вода	корова, 1793
<hr/>				
<i>Модынь</i>	<i>барсь</i> ,	—	дерево	барсь, 1794
<i>Модынь</i>	<i>туула</i> ,	—	дерево	заяць, 1795
<i>Галь</i>	<i>луу</i> ,	—	огонь	драконь, 1796
<i>Галь</i>	<i>мого</i> ,	—	огонь	змѣя, 1797

<i>Шоро</i>	<i>моринъ</i> , ш. е.	—	земля	лошадь,	1798
<i>Шоро</i>	<i>хоинъ</i> ,	—	земля	баранъ,	1799
<i>Темиръ</i>	<i>мегинъ</i> ,	—	желъзо	обезьяна,	1800
<i>Темиръ</i>	<i>така</i> ,	—	желъзо	курица,	1801
<i>Усунъ</i>	<i>нохо</i> ,	—	вода	собака,	1802
<i>Усунъ</i>	<i>гаха</i> ,	—	вода	свинья,	1803
<i>Модынъ</i>	<i>хулгуна</i> ,	—	дерево	мышь,	1804
<i>Модынъ</i>	<i>укуръ</i> ,	—	дерево	корова,	1805

<i>Галь</i>	<i>барсъ</i> ,	—	огонь	барсъ,	1806
<i>Галь</i>	<i>туула</i> ,	—	огонь	заяць,	1807
<i>Шоро</i>	<i>луу</i> ,	—	земля	драконъ,	1808
<i>Шоро</i>	<i>мого</i> ,	—	земля	змѣя,	1809
<i>Темиръ</i>	<i>моринъ</i> ,	—	желъзо	лошадь,	1810
<i>Темиръ</i>	<i>хоинъ</i> ,	—	желъзо	баранъ,	1811
<i>Усунъ</i>	<i>мегинъ</i> ,	—	вода	обезьяна,	1812
<i>Усунъ</i>	<i>така</i> ,	—	вода	курица,	1813
<i>Модынъ</i>	<i>нохо</i> ,	—	дерево	собака,	1814
<i>Модынъ</i>	<i>гаха</i> ,	—	дерево	свинья,	1815
<i>Галь</i>	<i>хулгуна</i> ,	—	огонь	мышь,	1816
<i>Галь</i>	<i>укуръ</i> ,	—	огонь	корова,	1817

<i>Шоро</i>	<i>барсъ</i> ,	—	земля	барсъ,	1818
<i>Шоро</i>	<i>туула</i> ,	—	земля	заяць,	1819

<i>Темиръ</i>	<i>луу,</i>	ш. е.	жельзо	драконъ	1820
<i>Темиръ</i>	<i>лого,</i>	—	жельзо	змѣя,	1821
<i>Усунъ</i>	<i>моринъ,</i>	—	вода	лошадь,	1822
<i>Усунъ</i>	<i>хоинъ,</i>	—	вода	баранъ,	1823
<i>Модинъ</i>	<i>летинъ,</i>	—	дерево	обезьяна,	1824
<i>Модинъ</i>	<i>така,</i>	—	дерево	курица,	1825
<i>Галь</i>	<i>нохо,</i>	—	огонь	собака,	1826
<i>Галь</i>	<i>гата,</i>	—	огонь	свинья,	1827
<i>Шоро</i>	<i>хулгуна,</i>	—	земля	мышь,	1828
<i>Шоро</i>	<i>укуръ,</i>	—	земля	корова,	1829

За снмъ послѣ 1770 года въ первый разъ слѣдуешъ вновь *темиръ барсъ*, ш. е. *жельзо барсъ*, и періодъ въ печеніе 60-ти лѣтъ будетъ продолжашься вышеизложеннымъ порядкомъ безъ всякаго измѣненія. Если нужно припомнишь происшествіе, случившееся на примѣръ въ 1816 году, по Калмыкъ говоришь, что это было во вшоромъ мышинномъ году, или что тогда былъ годъ: *галь хулгуна*, (огонь мышь), ш. е. по принятому въ переводахъ на Русской языкъ склоненію: годъ огненной мыши. Новый годъ начинаешъ въ послѣднихъ

числахъ Ноября, а болѣе въ Декабрѣ мѣсяцѣ, предшеспуемый 25 Ноября празднесивомъ *хулу сара*, и соспоишь изъ 12-ти лунныхъ мѣсяцевъ, которые по порядку называющся именами пѣхъ же живопныхъ, какъ и годы, полько безъ всякихъ къ нимъ прибавленій, и именно :

1. <i>Барсъ сара</i> , ш. е.	барсъ,	—	Декабрь.
2. <i>Туула</i>	— заяцъ,	—	Январь.
3. <i>Луу</i>	— драконъ,	—	Февраль.
4. <i>Мого</i>	— змѣя,	—	Марпгъ.
5. <i>Моринъ</i>	— лошадь,	—	Апрѣль.
6. <i>Хоинъ</i>	— баранъ,	—	Май.
7. <i>Мешинъ</i>	— обезьяна,	—	Юнь.
8. <i>Така</i>	— курица,	—	Юль.
9. <i>Нохо</i>	— собака,	—	Августъ.
10. <i>Гаха</i>	— свинья,	—	Сентябрь.
11. <i>Хулгуна</i>	— мышь,	—	Окпябрь.
12. <i>Укуръ</i>	— корова,	—	Ноябрь.

Слѣдую шеченію луны и пищашельно на-блюдая возрожденіе и ущербъ ея, Калмыки считающъ однакожъ въ каждомъ мѣсяцѣ по 30 дней, раздѣляемыхъ на недѣли.

Дни называющіся:

- 1.) *Наранъ* — Воскресенье.
- 2.) *Сара* — Понедѣльникъ.
- 3.) *Мингмеръ* — Вторникъ.
- 4.) *Улюмжи* — Среда.
- 5.) *Пюрбе* — Четвершокъ.
- 6.) *Басангъ* — Пятница.
- 7.) *Бембе* — Суббота.

Наранъ значить солнце, а *сара* луна, существия же прочихъ названій хотя ни переводчики, ни Калмыки объяснили положительно не могутъ, но увѣряютъ, что каждое изъ нихъ означаетъ особую звезду (*одонъ*), а посему и можно полагать, что у Калмыковъ дни называющіся также какъ и у насъ именами планетъ и что Калмыцкія слова значатъ:

<i>Наранъ</i>	—	солнце.
<i>Сара</i>	—	луна.
<i>Мингмеръ</i>	—	Марсъ.
<i>Улюмжи</i>	—	Меркурій.
<i>Пюрбе</i>	—	Юпитеръ.
<i>Басангъ</i>	—	Венера.
<i>Бембе</i>	—	Сатурнъ.

Въ порядкѣ чиселъ Калмыцкое счисленіе съ Русскимъ рѣдко бываетъ согласно, ибо числа ихъ но оспашюшя нѣсколькими днями назадъ, но идущъ впередъ. Сверхъ сего, соглашая печеніе луны съ правиломъ, чпобы каждый мѣсяцъ имѣлъ равное количество дней, Калмыки не рѣдко счисляютъ два дни за одинъ, и одинъ день за два, и когда такимъ образомъ не доспаешъ дня, то они говорятъ *тасырба*, ш. е. день перервался, а когда два дни счисляютъ однимъ числомъ, то называютъ *юльбл*, ш. е. лишній. Чрезъ при же года въ четвертый бываетъ сряду и по два одинакихъ мѣсяца.

Счетъ и мѣра.

Счетъ у Калмыковъ начинаешя слѣдующимъ порядкомъ: *нигенъ 1, хоиръ 2, сурбунъ 3, дербѣнъ 4, табунъ 5, зурганъ 6, долонъ 7, найманъ 8, есинъ 9, арбанъ 10.* — Послѣ сего единицы прикладываются къ десяти и говорятся: *арбанъ нигенъ* (десять и одинъ), *арбанъ хоиръ* (десять и два), и проч. Такимъ образомъ числа

возраспають до милліона и болѣе. Вотъ ихъ продолженіе: *хоринъ* 20, *гушинъ* 30, *дѣшинъ* 40, *табанъ* 50, *джиренъ* 60, *даланъ* 70, *наинъ* 80, *еренъ* 90, *зунъ* 100, *минганъ* 1,000, *тюлюнъ* 10 ш., *бужъ* 100 ш., *сая* 1 м., *джба* — билліонъ; такъ прилліонъ. Для сокращеннаго изображенія сихъ чиселъ Калмыки имѣють свои цифры, въ коихъ примѣрно сходство съ Арабскими, какъ можно видѣшь сіе изъ приложенной къ сей главѣ сравнительной таблицы цифръ до 10-ши. Далѣе десятки, сотни, тысячи и прочія суммы изъясняются приложеніемъ къ единицамъ извѣснаго количества нолей; но естъ ли у Калмыковъ какія либо дальнѣйшія обще-принятныя правила ариметики, того неизвѣстно; ибо они во всѣхъ случаяхъ съ удивительною легкостію и скоростію производятъ сложенія, умноженія, вычитанія и дѣленія, не прибѣгая ни къ какимъ пособіямъ — кромѣ *четохъ* и *памяти*. Въ эпозѣ видно самое ясное доказательство необыкновенной способности Калмыковъ къ наукамъ математическимъ.

Что принадлежитъ до опредѣленія *мѣръ вещей, разстоянія и времени*, шо и въ сихъ слу-

чалхъ народъ Калмыцкій обходился безъ средствъ вспомогательныхъ.

При измѣреніи вещей, какъ по: песемъ, аркановъ, и п. п. доспапочно для нихъ локтя и сажени.

При опредѣленіи мѣры распоянія принимающъ они въ соображеніе: во сколько времени и какою ѣздою можно достигнуть извѣснаго мѣсна; а пошому на вопросъ: далеко ли до шакого-шо урочища или жишельсшва, — Калмыки говоряшъ, что скорою ѣздою верхомъ надобно ѣхашъ шуда половину дня, цѣлый день или болѣе. Всего же чаще опшвѣчаютъ, что до шакого-шо пункта будешъ сполько-шо кочевокъ, раздѣляя оныя на весеннія, лѣшнія и осеннія (*). Наконецъ, опредѣляя распоянія ближайшія, Калмыки ссылающся на звукъ голоса или на зрѣніе, говоря, что до шакого-шо мѣсна проспрансшво не далѣе шого, на сколько можешъ раздавашься громкій крикъ человѣка; или что до онаго шакое пропшженіе, на сколько въ эшопъ разъ и куда либо проспираешся зрѣніе обьясняющаго.

(*) Весенняя кочевка полагаешся опъ 15 до 20-ши, лѣшная опъ 10 до 15-ши, а осенняя опъ 25-ши до 40 вершпъ.

Въ продолженіе дней и ночей Калмыки раздѣляютъ время не по часамъ (о коихъ не имѣютъ понятія), а по печенію солнца, луны и другихъ свѣтилъ небесныхъ, коихъ, при точности наблюдений, даютъ имъ средства каждый разъ съ досповѣрностію опредѣлять мѣру дня или ночи. Коснувшись здѣсь вниманія Калмыковъ къ свѣтиламъ, прилично замѣтивъ, что свѣтила ночныя, — изъ коихъ Полярная звѣзда называется *Алтанъ Гасунъ* (золотой колъ); млечный путь — *Ойдуль*, (путь небесный); большая Медвѣдица — *Долонъ Бурхутъ* (семь Бурхановъ), — служатъ въ обширныхъ степяхъ всегдашними и вѣрными путеводителями, и что Калмыки, по образу пастушеской ихъ жизни, безъ сомнѣнія, имѣютъ доспашочныя свѣдѣнія Астрономическія и Метеорологическія, въ чемъ убѣждаютъ многія основательныя ихъ предвѣщанія о переменѣхъ воздушныхъ и о бѣльшей или мѣньшей суровости зимъ, равно какъ и о степени лѣсныхъ жаровъ.

Объяснивъ по возможности способы исчисления и измѣренія, надлежитъ упомянуть, что съ вещамъ, если вспрѣчается надобность

знашь эшо, Калмыки опредѣляютъ нынѣ по Русски, ш. е. пудами и фунтами; собственнаго же вѣсу, или яснѣе сказашь, своего изобрѣ-
 пения въ семь родѣ не имѣють.

Искусства и ремесла.

Искусства и ремесла, не соснавляя въ Калмыцкомъ народѣ особой промышленности, заключающагося полько въ необходимыхъ домашнихъ рукодѣляхъ.

Женщины обыкновенно дѣлають кошмы или войлоки, валяные чулки, шерстяныя шельмы для кибитокъ, шерстяныя же съ конскими волосами арканы или веревки; выдѣлываютъ кожи и пригошовляютъ изъ нихъ различныя сосуды; шьютъ всю одежду и сапоги для себя и мужей, употребляя, гдѣ нужно, вмѣсто драпвы, жилы скопа. Кошмы или войлоки дѣлаются изъ сняпой съ овецъ шерсти, копорую раскладываютъ для сего на спарой кошмѣ же, бьютъ палками, уравниваютъ и обдаютъ кипячкомъ; попомъ свершиваютъ все въ шрубку, связываютъ и начинаютъ бро-

сашь и валишь по землѣ до шѣхъ поръ, пока находящаяся въ среднѣ шерсть достапочно сваллешся. Тогда развертывающъ шарую кошму и вынимающъ изъ нея новую. Шерстяныя шесъмы, кошорьми укрѣпляющъ кибилки, предспаляютъ работу довольно хорошую; прирною онѣ бывающъ въ вершокъ и болѣе. Выдѣлываніе овчины производилсъ посредствомъ кислаго молока, разными способами, изъ коихъ употребительнѣйшій естъ слѣдующій: сначала овчину моющъ въ водѣ, и, провадивъ на воздухъ, очищающъ лупыми ножами мясную спорону; далѣе въ продолженіе нѣсколькихъ дней намазываютъ молочными опгъ арьки дрожжами, или просно кислымъ молокомъ съ солью, и провѣпривая вновь, мнущъ руками, чѣмъ доводятъ до того, что овчина сплановилсъ мягкою и наконецъ довершаютъ опдѣлку мѣломъ. Кожи конскія, воловьи и верблюжьи для сосудовъ и сапоговъ варятъ въ водѣ, и испребивъ на нихъ шерсть, скрблятъ съ обѣихъ споронъ ножами; послѣ сего квасятъ, также какъ и выше сказано, въ молочныхъ кислопахъ, и просушивая шьютъ что надобно. Водоносы и прочія принадлеж-

ности и въюпъ наружность различную, сообразно ихъ назначенію; но пакъ называемыя барпоги, въ родъ большихъ флагъ съ узкими и широкими опверспіями, и съ наружными, на манеръ писанныхъ, узорами, перебуюпъ особаго искусства, ибо шупъ нужно умѣнье выкраивать часни и соспавлять изъ оныхъ цѣлое, при чемъ, чнобы данъ сосуду какую нибудь извѣспную форму, наполняюпъ внупренности онаго пескомъ, а для сообщенія досташпчной пвердости, копшяпъ надъ дымомъ. Кропъ сего ивкошоры женщины высшихъ сословій вышиваюпъ шелками шапки и края у платья сверху до поясьевъ.

Мушны занимаюпся дѣланіемъ кибшпчныхъ рѣшешокъ и дверей, шпчашъ корневыхъ чайныхъ чашки, дѣлаюпъ для чая деревянные съ мѣдными или желѣзными обручиками *домбы*, похожія на креспьянскіе жбаны, съ шпоу разницею, чшо домбы выше (*). Сверхъ шпого еспъ у нихъ свои кузнецы, слесари, масшера серебряныхъ дѣлъ, сѣдѣльники и даже живописцы изъ Ге-

(*) Лучшія домбы и барпоги дѣлаюпся въ улусъ Малодербешевскомъ.

дѣловъ, украшающіе хурулы изображеніями Бурхановъ. Но всѣ сіи масперовые весьма рѣдки и произведенія ихъ крайне грубы. Живопись Калмыковъ по шелковой маперіи не имѣетъ грунтовокъ, и если чѣмъ и побудь обращаетъ на себя вниманіе любопытныхъ, то это единственно доброшою яркихъ и прочныхъ своихъ красокъ; ибо ошдѣлка предметовъ уснуаетъ самой прорпой малярной работѣ. Причиною всего этого не недоспашокъ способностей въ Калмыкахъ, а лѣнь и небреженіе, оспанавливающія ихъ на всѣхъ путяхъ къ приобрѣщенію и усовершенствованію познаній. Дѣлая какую и побудь вещь, Калмыкъ не думаетъ о красотѣ ея и чистотѣ работки, лишь-бы годилась она для употребленія. Инструменты ихъ масперства столь ничтожны, что объ нихъ и говорить нечего.

Цифры Арабскія и Калмыцкія.

1	..	_____	..	_____	1
2	..	_____	..	_____	2
3	..	_____	..	_____	3
4	..	_____	..	_____	4
5	..	_____	..	_____	5
6	..	_____	..	_____	6
7	..	_____	..	_____	7
8	..	_____	..	_____	8
9	..	_____	..	_____	9
10	..	_____	..	_____	10

Г Л А В А XII.

НАРОДНОЕ БОГАТСТВО.

Богатство Калмыковъ заключается въ ско-
пководствѣ. Обширныя степи, занимаемыя ими,
поддерживаютъ жизнь безчисленныхъ стадъ
овецъ, рогатаго скота, лошадей и верблю-
довъ, почти безъ всякихъ человѣческихъ по-
печеній, и если бы къ благодѣяніямъ приро-
ды прилагалось со стороны Калмыковъ радѣ-
ніе о хозяйствѣ, то они воскресли бы въ
улусахъ своихъ названіе *Золотой Орды*. Но
люди, которые не заботятся лично о себѣ,
могутъ ли помышлять о чемъ нибудь полез-
номъ? Умѣренность климата, доставляя воз-

возможность спадамъ ихъ быть круглый годъ, на открытомъ воздухѣ и питаться подожженнымъ кормомъ, приучила хозяевъ не думать о доспавленіи бѣднымъ животнымъ, на случай суровости зимняго времени, приюта и продовольствія, и хопши Калмыки, обманываясь въ надеждахъ своихъ, не разъ были наказываемы жестокими пошерями, но не сдѣлались ошороживѣ. Скопъ ихъ содержимся по прежнему, и при совершенномъ измѣненіи здѣшняго климата, — гдѣ зимній холодъ и изобиліе снѣговъ сдѣлались послоянными, — подвергается величайшей гибели.

На зимнихъ пасльбищахъ, въ Калмыцкихъ степяхъ, впереди пускающія конные шабуны, попому, что лошади имѣютъ болѣе силы рыванъ копытами снѣгъ, покрывающій праву; по слѣдамъ ихъ идетъ скопъ рогатый, а попомъ овцы, облегчаемыя первыми въ добываніи себѣ пищи; при чемъ снѣгъ служить вмѣсто воды, и избавляетъ Калмыковъ отъ единственнаго ихъ шруда: приготоовлять въ дѣшнее время худуки или водопойныя ямы.

Верблюды, питающіеся бурьянникомъ, ре-

пейникомъ и прочими грубыми расшеніями, хотя менѣе другихъ затрудняюща въ борьбѣ со снѣгомъ, но за то, по свойству своему, болѣе шерстяныя оцѣ холода и не могутъ бытъ безъ кошениныхъ покрововъ.

Бури и мятели, называемыя *шурганами*, въ особенності здѣсь производящъ величайшія опустошенія. Они по направленію своему увлекающъ спада, и повергая съ высокихъ обрывовъ въ рѣки и спремнины, губящъ вдругъ цѣлыми тысячами.

За всѣмъ тѣмъ скопководство Калмыковъ до 1831 года находилось въ весьма хорошемъ состояніи. По неизвѣстности о семь новѣйшихъ официальныхъ свѣдѣній, изъ прилагаемой при семь табели за 1827 годъ видно, что тогда показано было во всѣхъ улусахъ: верблюдовъ 46,455; лошадей 160,900; рогащяго скота 124,690; овецъ 459,036; козъ 13,144. Счетъ сей, безъ всякаго сомнѣнія, уменьшенъ Калмыками, и какъ удостовѣрили меня улусные Приспава, можетъ бытъ принятъ развѣ за одну прешью часть наспящаго количесва. При сихъ удостовѣреніяхъ, согласныхъ съ наблюденіями жившихъ въ улусахъ щорговцевъ, если поль-

ко удвоить вышеприведенныя числа и положить всему круглымъ числомъ самую низкую цѣну, а именно: за верблюда 70 р., лошадь 25 р., рогашую скотину 15 р., овцу 6 р. и козу 3 р., оказывается, что въ 1827 году Калмыки имѣли скопа по крайней мѣрѣ на 23,876,696 руб.

Верблюды здѣсь вообще двугорбые, шерстью темно-желтые, и изрѣдка бѣлые. Калмыкамъ необходимы они при перекочевкахъ для перевозки ихъ жилищъ и имущества. Здоровый и сильный верблюдъ легко можетъ поднимать и везти на себѣ тяжесть до 20-ти пудъ. Для удобности вьючить и развьючивать приучаютъ ихъ, когда нужно, присядать на землю. Управляють ими однимъ поводомъ, продаваемымъ въ нарочно прожитаемое близъ ноздрей сквозное отверстіе, и такимъ образомъ не смотря на огромность и силу сихъ живошныхъ, всякой, безъ малѣйшаго труда *водитъ ихъ за носъ*. Обыкновеннымъ караваннымъ ходомъ верблюдъ свободно можетъ сдѣлать въ день 40 верстъ, а въ другихъ случаяхъ и болѣе. Въ бытность мою въ улусахъ, по дикости и непривычкѣ Калмыцкихъ

лошадей къ упряжкѣ, закладывали въ мой экипажъ по три верблюда рядомъ, и я, имѣя въ заводу другихъ верблюдовъ для перемѣны усталыхъ, въ продолженіе дня проѣзжалъ верспѣ по 80-ши и болѣе шамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ. Верблюды, неприсущныя только въ Февраль мѣсяцъ, когда бываетъ пора ихъ спраспей, въ прочее время очень кропки. Забавно видѣть ихъ въ запряжкѣ подъ экипажами, при чемъ вмѣсто упряжи накладываются имъ на горбы веревки, и на каждомъ садится верхомъ Калмыкъ - подводчикъ. Непривычныя къ сему роду употребленія, они непрерывно выпускаютъ дикіе крики, выражая усталость или неудовольствіе на побужденія ихъ къ скорому бѣгу.

Лошади Калмыціи, не имѣя завидной наружности, отличаются легкостью и швердостью. На нихъ можно проѣзжать до 100 верспѣ, не останавливаясь. Въ Малодербешевскомъ улусѣ, кочующемъ на Сѣверъ, среди обильныхъ пажитей, лошади въ сравненіи съ прочими на видъ лучше, но въ качествахъ преимущественно отстаютъ на споры лошадей другихъ улусовъ, далѣе въ степи углублен-

ныхъ, пошому вѣрояшно, что послѣднія, при не избынкѣ кормовъ, освоюаясь съ нуждами приобрьшающъ по мѣрѣ пого и ббльшую крѣпость.

Здѣшній *рогатый скоть* принадлежишь къ числу породъ посредственныхъ.

Овцы Калмыцкія пѣ же, что и Киргизскія. Онѣ велики, сильны и вѣсятъ болѣе 4 пудъ. Главное различіе ихъ отъ овецъ другихъ породъ естъ *курдюкъ*, представляющій вмѣсто хвоста мѣшокъ, наполненный жиромъ изъ котораго выпасливаея сала иногда близъ пуда; шерсть, снимаемая весною и осенью, употребляетъя только на грубыя издѣлія (*). Овцы сіи, какъ и весь домашній скоть Калмыковъ, зимою бывающъ крайне шочи; но эшо не мѣшаетъ имъ съ наступленіемъ весны счастливо плодиться, а осенью, когда благошворная прохлада замѣняетъ зной

(*) Одинъ изъ Аспраханскихъ жителей, занимающійся скотоводствомъ, выискалъ было сюда овецъ изъ внутреннихъ губерній, для того, чтобы имѣть отъ нихъ хорошую шерсть; но овцы сіи въ одно лѣто потеряли дословнаго шерсти и что удивительнѣе, сверхъ обыкновенныхъ хвостовъ получили курдюки.

солнца и удаляются миллионы оводовъ и другихъ насѣкомыхъ, достигая полной гнучности. Въ кочевомъ быту овцы необходимѣе и полезнѣе всѣхъ животноныхъ, и онѣ же, къ сожалѣнiю, болѣе всѣхъ подвержены испребленiю отъ бурь, снѣга и холода.

Козь держатъ Калмыки только для пупеводимельства овцамъ: ибо онѣ, будучи смѣлѣе, пускаются всегда впередъ; безъ нихъ же овцы, если ихъ куда нибудь гонятъ, спѣсняются въ неподвижный гуртъ, и при перекочевкахъ наводятъ затрудненiе.

Болезни повальныя и прилипчивыя въ здѣшнихъ степяхъ бывающъ: а) *Момо* (Сибирская язва), поражающая лошадей, рогатый скотъ и овецъ; б) *Чагырь*, производящая у рогатаго скота кровавую мочу; в) *Элкене гель*, т. е. гниенiе печеней и легкихъ у верблюдовъ, которые сверхъ сего подвержены болѣзни въ ногахъ; д) *Баху*, причиняющая въ горлѣ у овецъ опухоль и е) *Шулька*, сопровождаемая печенiемъ слюны у рогатаго скота и овецъ. Сiи болѣзни, почти всѣ, считающся неизлечимыми, изъ нихъ чагырь и баху, открываю-

щіяся большою частію на низменныхъ мѣстахъ, послѣ спака весенней воды, приписывающія дѣйствию вредныхъ расшеній.

Состояніе Калмыковъ можно раздѣлять, примѣрно, на богатое, безбѣдное и самое ограниченное. Богатымъ состояніе считается тогда, когда Калмыкъ имѣетъ олъ 500 до 5 и 10-пи ш. овецъ, олъ 100 до 2 ш. лошадей, олъ 100 до 500 рогатаго скопа и олъ 25 до 100 верблюдовъ (*); безбѣднымъ — когда естъ олъ 50 до 150 овецъ, олъ 10 до 50 лошадей, олъ 10 до 30 рогатаго скопа и олъ 5 до 15 верблюдовъ, и наконецъ самымъ ограниченнымъ, если у Калмыка не болѣе 20 овецъ, двѣ или три лошади и головъ пять рогатаго скопа, ибо изъ сего количества нельзя извлечь продажу доспапочныхъ средствъ къ содержанію и надобно чрезъ услуги другимъ искасть ихъ пособія. Съ состояніемъ же еще меньшимъ Калмыкъ вынужденъ бываетъ вовсе оставишь кочевую жизнь; иногда онъ переходишь къ заливамъ Каспій-

(*) Каждый хозяинъ оплачиваетъ свой скотъ олъ поспонриного особеннымъ знакомъ (Тавро) и мѣшкою на ухахъ.

скаго моря для снисканія пропишанія рабошами и по наименованію прибрежныхъ урочищъ мочагами, называешся уже *можажныль*.

Имѣя ошъ скоповодсва кошмы для жилищъ, пищу и проч., Калмыки въ семь же родѣ хозяйства находяшъ средсва имѣль и все шо, что можеть считашся въ ихъ быту нѣкошорою роскошью. Средсва сіи потчернаюшся ими въ шорговль скопомъ. Главнѣйшая продажа онаго бываешъ весною, въ улусахъ, куда съѣзжаюшся изъ внутреннихъ губерній Русскіе шорговцы, и покупаюшъ весьма большія парши, въ особеннoshi овецъ, коимъ цѣна, не всегда посшоянная, просшираешся ошъ 6 до 9 рублей.

Лѣшомъ и осенью Калмыки продаюшъ скопъ Аспраханской губерніи въ городѣ Черномъ Ярѣ, гдѣ, по сему случаю, 14-го Септября бываешъ значительная ярманка; въ Енолаевскѣ, и въ 7 версшахъ ошъ Аспрахани, на урочищѣ, издревле именуемомъ *Калмыцкой базарь*, гдѣ на крупомъ песчаномъ берегу Волги всякой проѣзжающій въ Аспрахань можеть видѣль небольшой деревянный въ Китайскомъ вкусѣ хуруль, нѣсколько вешкихъ

лавочекъ съ разною мелочью и около 10 кибипокъ. Здѣсь пребываютъ: Часный Калмыцкаго базара Приславъ и назначаемые отъ каждаго улуса *бодоктеи* или старосшы, имѣющіе обязанность свидѣтельствовать условія Калмыковъ, нанимаемыхъ рыбопромышленниками въ работу.

Сверхъ поименованныхъ мѣспъ Калмыки гоняютъ скотъ свой для продажи въ предѣлы Саратовской губерніи, Кавказской области и въ землю войска Донскаго.

Нахичеванскіе Армяне пріѣзжаютъ къ нимъ покупать лошадей; а Киргизы подвласной Россіи меньшей орды, кочующіе между Ураломъ и Волгою, производятъ съ ними мѣну, при чемъ Калмыки за верблюдовъ получаютъ овецъ и лошадей, коими Киргизы славятся.

Къ сему же описанію степной Калмыцкой торговли, надлежитъ присоединить продажу сырыхъ различныхъ кожъ, овчинъ, мерлушекъ и шуруповъ.

Принимая все сіе въ соображеніе и основываясь на наблюденіяхъ улусныхъ Присла-

вовъ, рѣшительно можно сказать, что скоповодство приносило Калмыкамъ, или по крайней мѣрѣ досель приносило, ежегодно болѣе полтора милліона рублей.

Послѣ скоповодства рыболовство въ Аспраханской губерніи служило единственныиъ источникомъ пропитанія бѣдныхъ Калмыковъ. На рѣчномъ и Эмбенскомъ морскомъ промыслахъ съ весны до осени бываетъ ихъ неменѣе 6 ш. человекъ, гдѣ каждый зарабатываетъ до 100 руб. на хозяйскомъ хлѣбѣ, а при рыболовныхъ вапагахъ цѣлыя семейства бѣдныхъ Калмыковъ питаются рыбою. Такимъ образомъ Калмыки отъ сего промысла получаютъ въ продолженіе каждаго лѣта до 60 ш. рублей.

Для бѣднѣйшаго Калмыцкаго семейства, состоящаго изъ 5-ти душъ, въ числѣ коихъ одинъ работникъ, надобно въ годъ чаю 6 кирпичей, по 4 р. 50 к., на 27 р.; муки ржаной 2 мѣшка 7½ пудоваго вѣсу, по средней цѣнѣ на 18 р.; табаку курительнаго на 8 р.; холста на 5 р.; сверхъ сего нужно на платье владѣльцу, Зайсангу и служилецамъ

вѣры до 15 р.; на ремонтъ кибитки и домашней ушвари до 8 р.; на исправленіе верхней одежды отъ 10 до 15 р.; и на праздничныя удовольствія до 4 р. Чтѣ всё сосоставляетъ около 100 р., кои непременно должно приобрести продажею скота, или работою.

Торговля необходимыми въ Калмыцкомъ быту пошребностями, какъ по: чаемъ, шабакомъ, кипайкою, бурмешью, холспомъ, вишутками, чихиремъ (винограднымъ виномъ) и разными мелочными издѣліями находящися въ рукахъ Армянь и часшію Ташаръ, кошорые кочуютъ всегда съ шоварами своими при главныхъ владѣльческихъ спавкахъ или орьгахъ. Въ прежнее время допущена была въ спеняхъ продажа и хлѣбнаго вина, но съ 1828 года воспрещена, пошому, что Армяне, пользуясь слабостію Калмыковъ, поспупали съ ними пошю также, какъ поспупаютъ Еврей въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ съ шамошними крестьянами, ш. е. насчитывали на Калмыковъ огромные долги и проценшы, и дѣлались пошомъ хозяевами ихъ собспвенности. Въспшъ съ пошмянутымъ воспрещеніемъ, для вящшаго охраненія народнаго благососшодія, пошпано-

влено Правительствомъ, чтобы безъ дозволенія просному Калмыку вѣрять не болѣе 5 руб. Займы до 100 руб. допускашь только за поручительствомъ Зайсанга или Демчя, а свыше сей суммы только по поручительству владѣльца, или въ казенномъ улусѣ, Присава. Мѣры сія вполнѣ достигли бы благошворной цѣли своей, если бы продажа хлѣбнаго вина не замѣнялась нынѣ едва ли невреднѣйшею еще продажею чихиря: прежде вино продавалось въ немногихъ мѣстахъ и Калмыкъ не легко могъ доставать его, а теперь почти нѣтъ ни одного хошона, гдѣ бы услужливость Армянъ не предлагала даровъ Вакха; при томъ прежде Калмыкъ могъ довольствоваться одною полъ-осмухою хлѣбнаго вина, а теперь для опьяненія въ той же степѣни, долженъ выпить дурнаго кислаго чихиря двойную или тройную порцію, платя за полъ-осмуху до 75 коп.; слѣдовательно нынѣ Калмыки имѣють ближе къ себѣ вино, и болѣе на сіе издерживають.

В Ъ Д О М О С Т Ъ
о числѣ скота по Калмыцкимъ улусамъ,
за 1827 годъ.

	Знамя улусовъ.	Верблюды.	Лошади.	Рогатой скотъ.	Овцы.	Козы.
1.	Въ Хошоутовскомъ улусѣ, владѣльца Князя Тюменева.	8,000	30,000	20,000	110,000	400
2.	Въ Экицухуровскомъ, владѣльца Цереня Убуши.	4,500	11,000	9,500	55,000	4,000
3.	Въ Яндыковскомъ того же владѣльца.	1,785	3,800	4,190	104,035	2,019
4.	Въ Харакусовскомъ наследника владѣльца Очира . .	1,500	6,000	12,000	16,000	375
5.	Въ Эрдеи Кичиковскомъ	2,000	8,000	13,000	15,000	450
6.	Въ Малодербетскомъ владѣльца Дажыша Тундушова	15,000	70,000	25,000	50,000	1,700
7.	Въ Большедербетскомъ, владѣльца Очира Хачукова	4,350	10,700	8,000	49,000	1,050
	Въ Казенныхъ улусахъ:					
8.	Багоцухуровскомъ.	5,050	12,000	17,000	35,000	1,200
9.	Эркетеневскомъ . .	3,800	10,000	16,000	25,000	4,500
	Итого . . .	46,435	160,900	124,690	459,036	15,144

ГЛАВА XIII.

П О В И Н Н О С Т И.

Улусы владѣльческіе и казенные никакой опредѣлительной казенной повинности не опбываютъ, кромѣ того только, что ежегодно командируются изъ нихъ 200 человекъ при двухъ Зайсангахъ въ Аспраханское казачье войско для опправления кордонной службы на Ахшубинской линіи, и 40 человекъ въ составъ Эскадронной команды, для сопровожденія отъ Аспрахани къ Кизляру почтъ и эстафетовъ (*).

(*) Калмыки сіи вооружаются на общественный счетъ ружьями, пистолетами, пиками и саблями.

При такой льготѣ со стороны Правитель-
ства, состояніе Калмыцкаго народа конечно
процвѣтало-бы, если бы не препятствовали
сему, съ одной стороны, закоренѣлая лѣность
Калмыковъ, не презвая жизнь, каршы и пня-
бы, а съ другой обязанности ихъ въ отноше-
ніи къ владѣльцамъ, Зайсангамъ и многочис-
ленному праздному духовенству, кои всѣ жи-
вущъ на счетъ просполудниковъ, не заботясь
объ улучшеніи ихъ хозяйства и промышлено-
сти (*).

Для огражденія Калмыковъ отъ неогра-
ниченныхъ поборовъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ
крайнее ихъ разореніе, въ разныя времена
послановлено, чшобы владѣльцы собирали съ
каждой кибитки подвласныхъ своихъ по 25
руб. и Зайсанги по одному рублю въ годъ; но
правило сіе едва ли исполняешся во всей силѣ,
ибо, по неравенству состояній, вмѣсто плаше-
жа съ кибитокъ раскладка подаши (албана) въ
пользу владѣльцевъ и на всѣ другія надобно-
сти издревле дѣлаешся у Калмыковъ по числу

(*) Сіе впрочемъ ни мало не относится до улуса владѣль-
ца Полковника Кнзя Тюменева, извѣстнаго своимъ просвѣще-
ніемъ и попечительностію о благѣ подвласныхъ ему.

скота, завися въ опредѣленіи количества налога ошъ произвола владѣльцевъ, Зайсанговъ и духовенства, при чемъ на кибитку бѣднѣшаго падаешъ въ годъ рубля по 3, а богатые платяшъ ошъ 100 и до 500 рублей. И если при семъ распорядкѣ, въ основаніи своемъ болѣе близкомъ къ справедливости, допускающаго излишества, по уравнительной обязанности плательщика по 25 руб. съ кибитки, будучи полезна для однихъ богатыхъ, превышала бы способности большей половины бѣдныхъ, копорые едва снискивають себѣ пропитаніе.

Очень рѣдко Калмыкамъ приходилса опправляшъ другія чрезвычайныя повинности, въ примѣръ коихъ можно привести: бытность на службѣ двухъ пѣшихонныхъ конныхъ полковъ въ опечесивенную войну съ Французами и нарядъ значительнаго числа людей въ вожапые съ верблюдами въ Персію и Турцію, во время послѣднихъ кампаній съ сими державами. Въ сихъ случаяхъ Калмыки показали однакоже, что мирная паспущеская жизнь не испребила въ нихъ воинственнот доблести ихъ предковъ, и шѣнь Чингизъ-Хана съ шоржесивомъ носилась въ рядахъ опдаленныхъ его пошомковъ

— подъ небомъ Франціи на берегахъ роскошной Сены.

За нѣмъ постоянныя личныя обязанности соспомятъ въ службѣ по общесивеннымъ выборамъ, копорую несуптъ члены: Коммисіи Калмыцкихъ дѣлъ, Суда Зарго и Улусныхъ Правленій и въ казенныхъ улусахъ Правителей.

ГЛАВА XIV.

УПРАВЛЕНІЕ, СУДОПРОИЗВОДСТВО И ЗАКОНЫ.

Россія, принимая Калмыковъ подъ свое покровительствѣ, сохранила совершенную неприкосновенность къ правамъ сего народа, споль для нея новаго и неизвѣснаго правами и обычаями; а пошому оный и управлялся непосредственно своими власными и законами.

Въ семь порядкѣ вещей каждый улусъ повиновался своему владѣльцу. Сильнѣйшій изъ сихъ владѣльцевъ признаваемъ былъ главою всей Калмыцкой Орды, и пользуясь власною и шишуломъ Хаѣа, имѣлъ при себѣ особый Правительственный Совѣтъ, въ кошоромъ по выбору его засѣдали восемь членовъ изъ Ге-

люнговъ и Зайсанговъ. Совѣтъ сей, по Калмыцки *Зарго*, ш. е. Судъ, завѣдывалъ всѣми дѣлами внутренними и вѣшними. Члены онаго собирались въ особенной кибиткѣ, гдѣ хранилось и Калмыцкое Уложеніе; тамъ разсматривали они жалобы на частныя владѣльческіе суды и производили отъ лица Хана всю переписку съ Россійскимъ Правительствомъ и владѣльцами. Заготовляемыя ими бумаги представлялись вчернѣ къ Хану и удостоенныя одобренія переписывались на бѣло, а попомъ вмѣсто подписи утверждаемы были Ханскою печатью, хранившеюся у довѣреннаго Зайсанга, и разсылались по принадлежности.

Судъ въ дѣлахъ Уголовныхъ и Гражданскихъ производился большею частію на словахъ. По выслушаніи испца и оповѣщчика призывались свидѣтели, и если обшояшельства казались довольно ясными, то сообразно Уложенію или обычаямъ постановляемо было рѣшеніе, которое съ утвержденія Хана шущъ же и исполнялось. Но чаще, для облегченія судопроизводства, дѣла оканчивались присягою, какъ это дѣлается и по нынѣ.

Случаи, въ коихъ допускается, присяга и

обряды при семъ наблюдаемыя, заслуживающъ чшобы сказаць объ нихъ подробности. Если, напримѣръ, сдѣлаешся въ улусѣ значительная пропажа скопа и въ покражѣ онаго хозяинъ объявишь на кого либо подозрѣнїе, съ шѣмъ, что по не возможности представивъ доказательства (*), считаешъ необходимымъ употребленіе въ настоящемъ дѣлѣ *шахана*, т. е. присяги, тогда допускаешся къ оной не опвѣщчикъ, а кто либо изъ близкихъ родственниковъ его, или по крайней мѣрѣ изъ одного съ нимъ рода, по избранію испца. Выборъ сей обыкновенно падаешъ на людей почетныхъ и богатыхъ, по предположенію, что человекъ наслаждающійся счастливою жизнію, не такъ легко подвергнешъ себя неизбежнымъ слѣдствіямъ клятвопресупленія, т. е. предашь особу свою эрику, какъ ожидашь сего можно опъ человека бѣднаго.

Назначенный такимъ образомъ посредникъ, будучи не вправѣ опказацься опъ при-

(*) Хозяева покраденнаго, не щадя никакихъ обещаній, не рѣдко узнающъ похитителей опъ ихъ родныхъ, подъ клятвою не мысавляшь оныхъ предъ судомъ доказателями.

сяги, и спрашась, чшобы не приняшь оной
 неправильно въ пользу другаго, развѣды-
 ваешъ спороною и убѣждаешъ самага опвѣш-
 чика сказашъ ему: не учинилъ ли онъ въ са-
 момъ дѣлѣ возводимаго на него воровства?
 и пакъ какъ сей послѣдній обязанъ бышь при-
 семъ споль же опкровеннымъ, какъ добрый
 Хриспіанинъ на исповѣди, шо въ случаѣ при-
 знанія его, избранное присягатьъ лице, подѣ
 разными предлогами, опъ сего уклоняешся и
 плашишъ испцу за покраденное сполна, со всѣ-
 ми пропшрами и убытками. Но буде посред-
 никъ удосповѣришся въ невинности опвѣш-
 чика, шо объявляешъ согласіе приняшь въ
 шомъ присягу, и учашъ процесса зависшъ
 уже опъ удачнаго или неудачнаго оной совер-
 шенія. Присяга производшся слѣдующимъ по-
 рядкомъ: въ нѣкошоромъ опдаленіи опъ об-
 щаго кочевья выспавляешся уединенная ки-
 бишка, въ кошорой развѣшиваюшся изображе-
 нія Бурхановъ, при чемъ грозный *Цойрджиль*,
 онъ же и *Махалага*, занимаешъ первое мѣ-
 сто. Предъ симъ ужаснаго вида Калмыцкимъ
 божешвомъ, на жершвенникѣ, въ числѣ раз-
 личныхъ жершвъ, въ одномъ сосудѣ возжи-

гаешся масло, а въ другомъ кладешся сердце убиваемой по сему случаю коровы, которая непременно должна бытъ черная и съ бѣлымъ на лбу пятномъ. Посреди кибитки распилаешся снятая съ той же коровы кожа и посредствомъ вколачиваемыхъ по краямъ гвоздей шуто напаяншая, намазывается кровью. Надъ дверями, внутри кибитки, по обѣимъ сторонамъ ушверждающся огромныя прубы (бюря), а подъ ними два ружья, заряженные однимъ порохомъ. Наконецъ внѣ кибитки, также надъ самымъ входомъ въ оную, прикрѣпляешся коровья голова съ выпянутымъ языкомъ и опверзшими глазами, къ коимъ, а равно и къ ноздрямъ привѣшивающся печени. Въ заключеніе Гелюнги садящся въ кибиткѣ по сторонамъ кожи, имѣя въ рукахъ всѣ инструмены духовной ихъ музыки. Между тѣмъ приводящся избранный присягащ; онъ снимаешъ съ себя всю одежду, исключая только исподнее платье, и сдѣлавъ передъ дверями при поклоне въ землю, лишь только располагаешся войши въ кибитку, какъ родственники и поспоронніе, во множествѣ на сей разъ собирающіеся, о-

спанавливають его и заводять съ испцемъ различные споры. Когда же не смоля на сіе присягающій входить, шо съ первымъ шагомъ его чрезъ порогъ раздаются ружейные выстрѣлы и пронзительные звуки трубъ, литавръ и бубновъ. При всѣхъ сихъ-шо явленіяхъ, пригошловенныхъ съ цѣлю поразить воображеніе и пошрясати душу, избранный обязанъ пройти босыми ногами по скользкой кожѣ къ жерлвеннику, поклонивъсь прижды Бурханамъ, задушъ горящее предъ ними масло и схвати зубами сердце, вынесши оное вонъ изъ кибитки къ зрителямъ. По благополучномъ окончаніи сей церемоніи, подозрѣваемый объявляется правымъ и испецъ, за напрасное оклеветаніе, плашитъ ему проливъ препензіи своей вдвое. Но если шопъ, кто присягаетъ, входя въ кибитку, или выходя изъ оной, хоши нѣсколько поскользнется, или задушъ горящее масло не съ одного раза, или выронитъ изъ зубовъ сердце, шо начинаешся ужасная ссора и драка, присяга считаешся ложною и обвиняемый безусловно уплачиваешъ искъ и убытки. Присяга шакого рода почитаешся чрезвычайно важною и пошому

употребляется довольно рѣдко; обыкновенное же приношеніе кляпвы соспоишь въ шомъ, чпо присягающій покланяешся Бурханамъ и головою своею касаешся ихъ подножія.

Законы Калмыцкіе, составленные въ 1640 мѣ году и извѣстные подѣ названіемъ: *Права Мунгальскихъ и Калмыцкаго народовъ*, въ свое время весьма доспалочно принаровлены были къ образу и потребностямъ кочеваго быта. Въ нихъ особенно примѣчательна рѣзкая черта, опдѣляющая Калмыковъ отъ другихъ соплеменныхъ имъ народовъ, поддерживавшихъ нѣкогда кровавый шронъ Чингизъ-Хановъ и Тамерлановъ: здѣсь говоримся о необыкновенной умѣренности въ наказаніяхъ и уваженіи къ жизни каждаго. Калмыцкое Уложеніе, вопреки общему правилу древняго правосудія — мспишь кровію за кровь, опредѣляло смершную казнь однимъ измѣнникамъ; всѣ же другія преспушенія, какъ шо: убійство, грабежъ, насиліе и ш. п. наказывались шолько взысканіемъ съ виновныхъ назначен-

(*) Законы сіи помѣщены въ Сверхномъ Архивѣ и Слѣдствіи Опечества 1828 г. Кн. I-я и II-я.

наго количества скота. Впрочемъ, неограниченная власть Хановъ могла увеличивать наказанія. Такъ, на прииѣрь, Ханъ Дундукъ-Даша въ 1747-мъ году увѣдомлялъ Аспраханскаго Губернашора Брылкина, что онъ принялъ правиломъ за воровство и грабежи наказывать Калмыковъ плетьми, и сверхъ того выкалывашь имъ шиломъ глаза, и что шаковая казнь надъ нѣкопорыми уже совершена въ присущствіи посланнаго отъ Губернашора.

Послѣ измѣны, или, какъ сказано въ Уложеніи, *ухода съ мѣста сраженія*, по цѣнѣ шпирфа всего важнѣе считалось убійство сыномъ отца или матери, укрывашельство бѣглыхъ и оскорбленіе духовенства.

Россійскій Дворъ, издавна производя сношенія съ Калмыцкими Ханами и владѣльцами чрезъ Аспраханскихъ Воеводъ единственно о дѣлахъ внѣшней полишки, не прежде какъ въ началѣ прошедшаго столѣтія началъ распространять вліяніе свое на внутреннее состояніе ихъ подданныхъ. Въ сіе время учреждена была въ Аспрахани, подѣвѣдомствомъ Губернашоровъ, *Контора Калмыцкихъ и Татарскихъ Дѣлъ*, для разбора пре-

пензій между обитателями тамошнихъ степей. Присущивше Коншоры сослужило изъ одного Русскаго чиновника, двухъ, по назначенію Хана Зайсанговъ и нѣсколькихъ Ташарскихъ Мурзъ.

Сверхъ сего тогда же, для ближайшаго наблюденія за поведеніемъ Калмыковъ и для удобнѣйшаго съ Ханомъ и владѣльцами сношенія, поручаемо было *вѣдать Калмыцкія дѣла* Коммендантамъ: начальню въ Саратовѣ, потомъ въ Царицынѣ, и на послѣдокъ, по устройствіи въ 1747-мъ году крѣпости Еношаевской, въ Еношаевскѣ, подѣ главнымъ начальствомъ Иностранной Коллегіи; на Аспраханскихъ же Губернаторовъ и Начальниковъ войскъ возлагалась только обязанность въ случаѣ надобности оказывать помянутымъ лицамъ зависящее содѣйствіе (*).

Въ послѣдствіи опыты показали, что право Хановъ назначать въ *Зарго* людей, исключительно имъ подвластныхъ, съ одной стороны доставляло имъ возможность съ болѣею скрытносною входить въ не позволенные сношенія съ непріязненными Россіи народами,

(*) Калмыки Дербетевскихъ улусовъ, кочевавшіе съ 1710 г. близъ Дона, сослужили въ вѣдомствѣ Начальства Войска Донскаго.

а съ другой возбуждало негодование прочихъ Калмыцкихъ владѣльцевъ, которые оныя самовласныя Хановъ и ихъ приверженцевъ шерпѣмъ непріятности. Объяснелась сѣмъ былъ поводъ къ тому, что по смерти Хана Дундукъ-Дани, Императрица Екатерина II-я, утверждая Намѣстникомъ Ханства сына его Убашу, Высочайшею Грамошою, въ 12-й день Августа 1762-го года Убашѣ и всему Калмыцкому народу данною, повелѣла, дабы въ члены *Зарго* избираемы были подвласные не одного Намѣстника Ханства, но и прочихъ владѣльцевъ, и чтобы члены сѣмъ рѣшали всѣ дѣла съ вѣдома Намѣстника, по большинству голосовъ, а въ случаѣ раздѣленія мнѣній и равенства голосовъ, предшавляли о семъ Намѣстнику и находившемуся при Калмыцкихъ дѣлахъ чиновнику, а сѣмъ обязаны разсматривать дѣла и рѣшать съ согласія, или, буде въ чемъ не согласяшся, предшавляли въ Иностранную Коллегію. Вышѣ съ сѣмъ для водворенія въ *Зарго* безприсрасія, пошановлено правиломъ, чтобы перемена избранныхъ владѣльцами членовъ зависѣла уже оныя одной Иностранной Коллегіи, и каждому изъ

нихъ назначено ошъ казны жалованья въ годъ по 100 рублей серебромъ.

На сихъ основаніяхъ судъ *Зарго* сохранилъ свое существованіе до бѣгства Намѣстникомъ Убашею съ значительною частію народа; послѣ чего Екатерина Великая, Высочайшимъ Указомъ, ошъ 19-го Октябрия 1771-го года на имя Аспраханскаго Губернатора Бекешова послѣдовавшимъ, упразднилъ званіе Хановъ и Намѣстниковъ Ханства, повѣдала: чшобы каждый владѣлецъ собственными своими людьми управлялъ независимо ошъ другихъ и давалъ имъ судъ и расправу по ихъ Калмыцкимъ правамъ и обыкновеніямъ; но чшобы при томъ всѣ были подъ наблюденіемъ Губернатора, и, въ случаѣ какихъ либо несогласій между собою, входили къ нему съ представленіями; а дабы дѣла шакого рода могъ онъ удобнѣе разсмаширивашъ, шо для сего положено бышъ при немъ ошъ шрехъ главныхъ родовъ: Торгоушовъ, Дербешей и Хошоушовъ по одному Зайсангу, съ шакимъ же жалованьемъ, какое получали члены *Зарго*.

Къ числу дальнѣйшихъ за шѣмъ предположеній о благоустройствѣ Калмыцкаго на-

рода, принадлежнть заключеніе Кавказскаго Намѣстническаго Правленія Іюня 30 дня 1786 года, состоявшее въ томъ, чтобы, принявъ къ Учрежденію о губерніяхъ, учредилъ вновь судъ Зарго въ видѣ *Нижней Расправы*, со включеніемъ въ оный *Военной Канцелліи* (*), подчинивъ сей судъ апелляціи *Верхней Расправы*. Далѣе Намѣстническое Правленіе считало нужнымъ: а) обложить Калмыковъ, не исключая Шабинеровъ, умѣренною податью, съ тѣмъ, чтобы Шабинеры платили одну половину сей подати въ казну, а другую въ пользу духовенства; б) назначать сихъ Шабинеровъ и Кешочинеровъ, наравнѣ съ другими, въ военную службу; в) Тарханамъ присвоивать привилегію только личную, а не попомшвенную; и д) для пресѣченія умноженія духовенства опредѣливъ оному комплектъ, назначивъ на каждыя двѣсти кибитокъ по одному Гелюнгу.

Но всѣ сіи предположенія по разнымъ причинамъ въ исполненіе неприведены, и для управленія Калмыками учреждена въ Еношаевскѣ *Калмыцкая Канцеллія*, состоявшая изъ нѣ-

(*) Т. е. съ порученіемъ тому же суду дѣлать и по наряду Калмыковъ на временную службу, въ чемъ нередко встрѣчалась тогда надобность.

сколькихъ членовъ: Русскихъ чиновниковъ и Калмыцкихъ владѣльцевъ, кои имѣли обязанность, кромѣ занятій въ Канцеляріи, чрезъ каждые два мѣсяца по очереди посѣщаютъ всѣ улусы, для оповращенія безпорядковъ и наблюденія за дѣйствіями Офицеровъ, съ сею же цѣлю въ каждый улусъ назначенныхъ.

Въ 1800-мъ году Императору Павлу Петровичу благоугодно было возведеніемъ владѣльца Чучея Тайши Тундушова въ Намѣспника Ханспива, возстановивъ сіе досшоженство, а съ симъ вмѣстѣ Высочайшею Грамоною 14-го Октября дозволено ему Тундушову по прежнему имѣнью для судопроизводства *Зарго*, и въ случаѣ разномыслія членовъ онаго, рѣшавъ дѣла самому съ согласія *Главнаго Пристава*, въ иже время для завѣдыванія Калмыцкими дѣлами опредѣленнаго; а если и за симъ Намѣспникъ рѣшитъ что либо усумнився, то предспавлять Государю Императору, или опноситься въ Коллегію Иноспранныхъ Дѣлъ.

Со смертію Чучея Тайши Тундушова, въ 1803-мъ году, званіе Намѣспника хотя вшорично упразднилось, но судъ *Зарго* оставался при Намѣспническомъ улусѣ въ своей силѣ, и рѣ-

ненія свои вносилъ уже къ Главнымъ Приказа-
вамъ, которые до 1816-го года состояли подъ
непосредственнымъ начальствомъ Иностран-
ной Коллегіи, а съ сего времени послѣдовали
были въ зависимость и Аспраханскихъ Гу-
бернаторовъ.

Наконецъ 10 Марша 1825 года, по пред-
ставленію Главноуправлявшаго въ Грузіи,
Кавказской области и Аспраханской губерніи
Генерала Ермолова, для управленія Калмыц-
кимъ народомъ Высочайше утверждены но-
выя правила, дѣйствующія и понынѣ.

По успешву сихъ правилъ общее упра-
вленіе Калмыками раздѣляется въ составѣ сво-
емъ на *Главное, Областное, Окружное и Улусное.*

Главное Управление принадлежитъ Мини-
стерству Внутреннихъ Дѣлъ и имѣетъ пред-
метомъ высшее наблюденіе за благосостояні-
емъ Калмыцкаго народа и за правильнымъ оп-
равленіемъ Калмыцкихъ дѣлъ мѣстами и лю-
дьми, Министерству сему подвѣдомственнымъ.

Управление Областное сосредоточивается
въ Аспраханской *Комисіи Калмыцкихъ Дѣлъ*,
которая состоитъ подъ предсѣдательствомъ
Начальника Аспраханской губерніи, изъ Вице-

Губернатора, Главнаго при Калмыцкомъ народѣ Присава, Губернскаго Прокурора и депутатовъ со стороны Калмыковъ: одного изъ владѣльцевъ, и другаго изъ духовенства Ламы, кои назначаются по выбору, первый владѣльцами, а послѣдній духовенствомъ.

Существенный предметъ Комисіи есть надзоръ за сохраненіемъ порядка, какъ по части управленія улусами, такъ и судопроизводства. По сему она, равно какъ и Министрство, не раздѣльно съ властію распорядительною, соединяетъ въ себѣ и власть судебную. Въ послѣднемъ отношеніи Министрство разсматриваетъ тяжбы между Калмыками и на Калмыковъ отъ людей другаго вѣдомства, на сумму свыше 1,000 рублей, а Комисія входитъ въ разсмотрѣніе жалобъ на рѣшенія суда Зарго по дѣламъ на сумму свыше 400 рублей, разбирая при томъ и жалобы Зайсанговъ въ неправомъ рѣшеніи дѣлъ по управленію или владѣнію аймаками.

Главный же Присавъ, кромѣ занятой по званію члена Комисіи, посредствомъ подчиненныхъ ему Часпныхъ улусныхъ Присавовъ и чрезъ собственныя разъѣзды наблюдаетъ

за сохраненіемъ во всей Калмыцкой Ордѣ порядка и тишины, и обо всемъ замѣчательномъ, или шребующемъ исправленія, доводишь до свѣдѣнія Комисіи и доносишь Миниспершву.

Управленіе Окружное возложено на судъ Зарго, которій находится въ городѣ Еношаевскѣ, и состоишь изъ восьми членовъ: двухъ ошь духовенства изъ почепныхъ Гелюнговъ, и изъ шесни ошь народа изъ владѣльцевъ и Зайсанговъ, по числу улусовъ, ошь каждаго по одному, какъ шо: ошь Дербещева большаго и малаго, ошь Торгоушовскаго, Хошоушовскаго, Богоцохуровскаго и Эркешеневскаго. Члены сіи назначаюпся по избранію ошь улусовъ и ушверждаюпся Комисіею не менѣе какъ на шри года.

Разбору сего суда подлежатъ жалобы на управленія улусныя по дѣламъ свыше 200 руб., равно дѣла шяжебныя по имѣніямъ или въ обидяхъ личныхъ; дѣла Зайсанговъ по управленію аймаками и дѣла о всѣхъ случаяхъ, кои не соспавляюшь шяжкихъ преспушеній между Калмыками, неисключая изъ сего воровство мошенничесство на сумму не свыше 400 руб., и неболѣ шрехъ разъ учиненное. Всѣ шаковыя

дѣла и тяжбы рѣшающа въ судѣ Зарго окончательны; но въ дѣлахъ по искамъ на суммы свыше 200 рублей недовольные рѣшеніемъ имѣютъ право въ годовыи срокъ приносить жалобу Коммисіи.

Для наблюденія за успѣшнымъ и порядочнымъ опсправленіемъ дѣлъ, рѣшаемыхъ по законамъ и обычаямъ, племени Калмыковъ свойспвеннымъ, находящимся при судѣ Зарго однимъ изъ двухъ Помощниковъ Главнаго Приспава, а для веденія симъ дѣламъ журнальной записки — переводчикъ съ ученикомъ Калмыцкаго языка, изъ шпапа Главнаго Приспава.

Управленіе Улусное учреждено въ самыхъ улусахъ для облегченія суда Зарго и для доставленія ближайшей удобности Калмыцкому народу получашъ въ маловажныхъ дѣлахъ своихъ скорое рѣшеніе. Управленіе сіе соспоишь изъ Часпныхъ Приспавовъ, Улусныхъ Судей и владѣльцевъ или Прависелей, на коихъ возложены обязанности полицейскія, судебныя и хозяйспвенныя.

Часпный Приспавъ наблюдаешъ, чшобы въ улусѣ его вѣдомспва не было нарушено благоуспройспва и порядка, и чшобы не укры-

вадись въ ономъ люди подозрительные. Въ случаѣ же какихъ-либо происшествій, чиновникъ сей производить при владѣльцѣ или Зайсангѣ слѣдствіе и опсылаетъ виновныхъ къ суду, въ надлежащее присущивенное мѣсто ближайшаго города. Сверхъ сего онъ долженъ смотрѣть, чтобы Улусные Суды не допускали въ порученныхъ имъ дѣлахъ медленности, и имѣть свѣдѣнія о всѣхъ сборахъ, какіе съ Калмыковъ производятся въ пользу владѣльцевъ, Зайсанговъ и на общественныя повинности, не вмѣшиваясь впрочемъ въ существо и приговоръ суда, ни во внутреннія распоряженія по управленію улусомъ и по денежнымъ сборамъ. Обо всемъ же заслуживающемъ вниманіе Начальства доносятъ Главному Приславу (*).

Улусные Судьи, избираемые изъ Зайсанговъ и другихъ почтенныхъ людей погодно, состоявляютъ изъ себя посредниковъ на правѣ Словесныхъ Судей. Они разспрашиваютъ и рѣшаютъ окончательно дѣла, въ коихъ цѣна иска не превышаетъ 200 рублей; но дѣла свыше 200 руб. подлежатъ апелляціи суда

(*) При Частномъ Приславѣ находится одинъ толмачъ Калмыцкаго языка и для посылокъ казаки.

Зарго, куда приносятся жалобы по Калмыцкимъ обрядамъ. Независимо отъ сего въ Улусномъ Судѣ производятся дѣла о людяхъ дурнаго поведенія, о маловажныхъ прослушкахъ, угонахъ скота и покражахъ до 200 руб. включительно и не свыше трехъ разъ učinенныхъ, за что виновные подвергаются наказанію по ихъ обрядамъ.

Наконецъ владѣльцы, а гдѣ оныхъ нѣтъ Правители завѣдываютъ въ улусахъ внутреннимъ управленіемъ и наблюдая съ своею спорности за порядкомъ въ ихъ вѣдомствѣ, прекращаютъ всѣ вражды, несогласія и несправедливыя припязанія, какъ между прослоудниковъ, такъ и между Зайсанговъ (*).

За шѣмъ дѣла до вѣры и совѣсти касающіяся, дѣла по несогласіямъ супружескимъ, и дѣла между родителемъ и дѣшею принадлежатъ въ улусахъ разбору духовенства, а въ судѣ Зарго членовъ, изъ сего же сословія назначаемыхъ. Дѣла же по преслушеніямъ уголов-

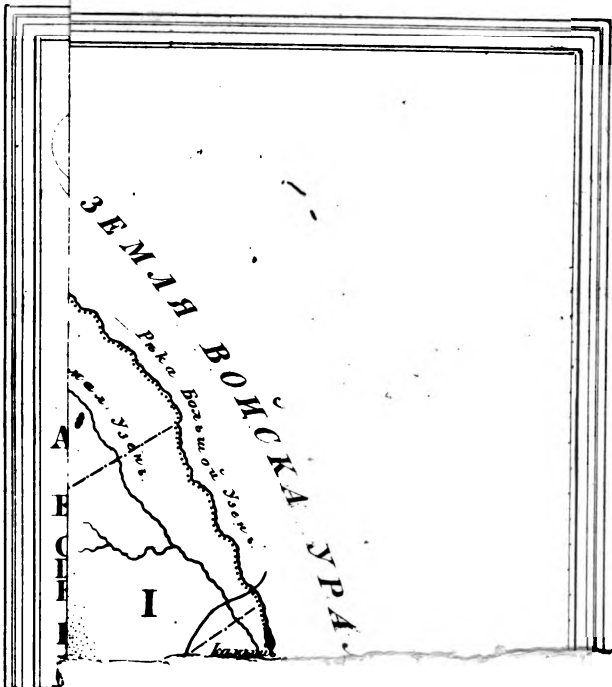
(*) При каждомъ владѣльцѣ находится избираемый имъ *Дарса*, въ родѣ собственнаго его улусаго Полиціймейстера; а въ хопонахъ назначаются отъ каждаго рода *Делети*, ш. е. старосты.

нымъ, коими считаются: 1) измѣна, 2) неповиновеніе власни, 3) возмущеніе, 4) злонамѣренный побѣгъ за границу и связь съ злодѣями, 5) смертоубійство, 6) грабежъ, насиліе и подводъ злодѣевъ, 7) дѣланіе ложной монеты и 8) воровство свыше трехъ разъ, ни до котораго изъ вышеупомянутыхъ мѣстъ и лицъ не принадлежатъ, и виновные въ сихъ преступленіяхъ Калмыки судятся въ Россійскихъ присущивенныхъ мѣстахъ, по общимъ Государственнымъ установленіямъ.

Всѣ вообще дѣла Калмыковъ по предметамъ, до духовнаго разбирательства, или до гражданскаго суда относящимся, производятся и рѣшаются по древнему Калмыцкому Уложенію, обычаямъ и обрядамъ.

ПОГРЪШНОСТИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
12	15	современниковъ	современниковъ
21	14	грамота (*)	грамота
—	23	угусы (**)	угусы (*)
23	16	сей	сей
29	9	со безопасностію	съ безопасностію
33	8	кызыбаша	кызыбаша
50	17	изьясня	и изьясня
63	6	дасповнствво	досповнствво
105	12	кшмами	кошмами
109	6	скрыващю	скрывающю
110	14	разьянны	разьяны

ЗЕМЛЯ ВОЙСКА УРА

А
Б
В
Г
Д
Е

I

Рѣка Вои́сково́е Ура́

Рѣка Ура́

Каналъ

Ka. m. n. k. i

Протяжная.

Nº1.
Largo.

The first system of music consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature. The music is marked 'Largo'. The first measure contains a quarter note G4 in the treble and a quarter note G2 in the bass. The second measure contains a quarter note A4 in the treble and a quarter note A2 in the bass. The third measure contains a half note B4 in the treble and a half note B2 in the bass.

The second system of music consists of two staves. The upper staff continues the melody with quarter notes C5, D5, E5, and F#5, followed by a half note G5. The lower staff continues the bass line with quarter notes C2, D2, E2, and F#2, followed by a half note G2. There are triplets of eighth notes in both staves in the third measure.

The third system of music consists of two staves. The upper staff continues the melody with quarter notes G5, A5, B5, and C6, followed by a half note D6. The lower staff continues the bass line with quarter notes A2, B2, C3, and D3, followed by a half note E2. There are triplets of eighth notes in both staves in the third measure.

The fourth system of music consists of two staves. The upper staff continues the melody with quarter notes E6, F#6, G6, and A6, followed by a half note B6. The lower staff continues the bass line with quarter notes F#2, G2, A2, and B2, followed by a half note C3. There are triplets of eighth notes in both staves in the third measure. The system ends with a double bar line.

N° 2.
Andante.

P

The first system of music for N° 2, Andante. It consists of two staves: a treble clef staff and a bass clef staff. The key signature has two sharps (F# and C#), and the time signature is 2/4. The piece begins with a piano (*P*) dynamic. The right hand plays a series of chords and dyads, while the left hand plays a simple bass line of quarter notes.

The second system of music, continuing the piece. The right hand continues with chords and dyads, and the left hand maintains the quarter-note bass line.

f *P* *f*

The third system of music. It features dynamic markings of *f* (forte) and *P* (piano). The right hand has more complex chordal textures, including some sixteenth-note patterns, while the left hand continues with quarter notes.

The fourth and final system of music on this page. It concludes with a double bar line. The right hand has some sixteenth-note passages, and the left hand has a few eighth-note runs.

А. И. Ковалев.

№3.
Allegretto.

tr.

f

tr.

tr. *tr.* *tr.*

Nº 4
Allegro.

The first system of musical notation consists of two staves. The upper staff is in treble clef with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. It contains a sequence of eighth notes with slurs. The lower staff is in bass clef with the same key signature and time signature, featuring a series of chords. A dynamic marking of *p* (piano) is placed above the first measure.

The second system continues the piece. The upper staff has eighth notes with slurs. The lower staff has chords. A dynamic marking of *fp* (fortissimo piano) is placed above the second measure.

The third system continues the piece. The upper staff has eighth notes with slurs. The lower staff has chords. Dynamic markings of *fp* and *ff* (fortissimo) are placed above the first and third measures, respectively.

The fourth system concludes the piece. The upper staff has eighth notes with slurs. The lower staff has chords. A dynamic marking of *ff* is placed above the third measure. The system ends with the instruction *Da Capo.* written in a decorative script.

Цена въ бумажкѣ съ зарисовою, двумя рисунками
и вошами 8, руб. Ассигнац.